

ПРИГОВОРЕННЫЕ К ВЕЧНОСТИ

ЧАСТЬ 2

НЕ СТАТЬ ЗВЕРЕМ

ОЛЬГА БЕЛОШИЦКАЯ

Четверо молодых людей, уроженцев Земли-Основы, случайно оказываются в иной реальности. Солнечные земли — Ар Соль — населены людьми и нелюдьми, которыми правят двуликие боги, враждующие между собой. Пытаясь выжить, они оказываются в центре заговора могущественных сил... Кто-то становится игрушкой в руках заговорщиков, а кто-то из всех сил пытается идти своим путем, теряя любовь, приобретая друзей и становясь сильнее.

Преследуя случайных нарушителей границ, Ворон, хранитель Ар Соль, обнаруживает что их перенос в его земли не был случайностью. Кто-то пытается вернуть древнюю силу, изгнанную когда-то за чрезмерную жестокость, или хотя бы воспользоваться ее наследием. Его оппоненты уверены — им не выжить без Змея-Завоевателя. Но что принесет им возрожденный демон — зло или благо?

Приговоренные к вечности. Часть 2. Не стать зверем

Глава 1. Бал-маскарад

— Надзираешь?

Кольер вздрогнул. Как ей удалось подойти столь неожиданно? Сдерживая внутреннюю неприязнь, он неторопливо оглянулся и мысленно облегченно вздохнул. Хорошо хоть Ширин не напяливает на себя ничего отвратительного... Он узнал ее по хорошо знакомому аромату — Хозяйка Некроса не первое столетие была привязана к одним и тем же любимым духам. Впрочем, ее маскарадный костюм выглядел весьма элегантно — хрустальная рюмка с перевернутой вверх ножкой; с плоской ножки-шляпы свисала короткая, но плотная вуаль, надежно прикрывая лицо.

— Кинэна ишу, — признался он сухо, продолжая внимательно оглядывать террасу над фонтанным каскадом. — Ты не знаешь, под какой маской он сегодня скрывается?

В загородной резиденции Вагабра собрались сегодня все мало-мальски значимые фигуры Ар Соль; ассары и Двумикие, смертные и бессмертные пришли сюда, чтобы напомнить о себе, посмотреть друг на друга, обрадоваться друзьям, позлорадствовать над недругами, упрочить старые союзы и заключить новые. Стараясь быть в курсе текущих событий, Кольер стоически посещал этот ежегодный бал-маскарад в Рузанне, покорно следуя традиции обряжаться во что-нибудь забавное. Иногда узнать кого-либо в этой веселой мешанине трезвых и пьяных, нелепых и элегантных, разодетых в роскошные дорогие одежды и в фееричные карнавалы костюмы людей и Двумиких было дьявольски сложно.

— Нет, Кинэн мне не попадался, — призналась Ширин, остановившись рядом с ним на террасе и так же, как и он, беглым взглядом окидывая празднество. Резиденция находилась в пригороде столицы — роскошный дворцово-парковый ансамбль, расположенный террасами на огромном пространстве, с помпезным дворцом на верхней террасе, с которой с четырех сторон спускались каскады фонтанов. По парку были разбросаны большие и малые бельведеры, беседки и уединенные домики, окруженные гармонично слитыми в единый комплекс каналами, фонтанами, мостиками, статуями, живыми изгородями и каскадами цветов. Сейчас все это пространство было празднично украшено в честь всеми любимого летнего праздника с простым названием "День солнца", который отмечали в самом начале третьего летнего месяца. Классический парковый ансамбль сегодня оживился диванами, скамейками и ложами, столиками с напитками и закусками, у дворца играл оркестр, и толпа, одетая нарядно и диковинно, танцевала, ела, пила, сплетничала и предавалась утехам.

— Тебе идет этот лемурчик, — хмыкнула Ширин, указывая на костюм. — Безобидный плюшевый лемурчик... Ну-ну.

Кольер раздраженно дернул плечом. Его всегда удивляло желание взрослых, солидных людей, ответственных за судьбы земель и своих подданных, превращаться в детей и беспечно изображать из себя нечто нелепое и курьезное. Вечные тоже каждый год дурачились как дети, стараясь остаться неузнанными и выглядеть как хочешь, только не как все. Их было несложно обнаружить, если ты знал их настолько хорошо, насколько знал их он.

— А зачем тебе Кинэн? — прищур Хозяйки Некроса ему не понравился, но проще было сказать правду, чем выдумывать на ходу что-то малоправдоподобное.

— Хочу поговорить по поводу шеадра в Нагре, — бросил он с максимальной небрежностью. — Если, конечно, он в состоянии разговаривать о делах.

— Попроси Хэйгена, — предложила Ширин с улыбкой. — Или боишься, что он откусит

тебе голову?

Кольер не ответил. Конечно, было бы лучше поговорить о шеадре с Хэйгеном, но Ворон не появлялся на этих сборищах уже не один десяток лет. Шеадры ставили как мастера Путей, дети Ворона, так и Горностаи, но качество работы очень отличалось — мастера Ворона были аккуратнее, внимательнее, много занимались научными исследованиями, хорошо контролировали как состояние поставленных ими шеадров, так и состояние пространства вокруг них. Собственно, нынешний Ворон сам когда-то был инженером-пространственником и очень внимательно следил за всем, что происходило в землях Ар Соль в подконтрольной ему сфере.

Хэйген, конечно, мог взбрыкнуть и отказаться, но тот факт, что он был свидетелем воплощения Аспида и по происшествии двух месяцев до сир пор об этом молчал, давало Кольеру надежду, что Ворон юному Нигейру не враг.

— Почему ты сегодня один? — Ширин бесцеремонно подергала его за длинный полосатый лемурий хвост. — Вывел бы мальчика в свет... познакомил бы, так сказать, с коллегами... Кстати, он сам нашел Асгарот в Нагре или его дал ему ты?

— Я дал, — буркнул Кольер, с раздражением думая, как бы отвязаться от нее, не вызывая шквала ехидных комментариев. — Надо сказать, он сразу же использовал его по назначению.

Возможно, Сашу стоило бы привести сюда сегодня, чтобы он посмотрел на Вечных в их самом нелепом виде, но, долго сомневаясь, Кольер решил-таки его не брать. Не готов пока был новорожденный Нигейр к встрече с равными, пусть и настроенными благодушно и дурашливо. Саша тяжело пережил перерождение и с возможностями нового тела осваивался медленно. Они вместе решили, что не стоит до поры до времени афишировать возвращение Нигейра, а лучше поучиться уверенно летать и двигаться в змеином теле. Каждый день Саша, Тэр и часть нагов отправлялись в Ар Хойт, в оружейку, разбирать и каталогизировать все, что там находилось. Саша читал передаточную книгу и понемногу летал над горами. На всякий случай Кольер снял его с боевых вылетов на атаки Анг Мирта, которые, к счастью, пошли на убыль, справедливо опасаясь, что тот непроизвольно обернется во время вылета прямо внутри машины. Он был очень уязвим сейчас, и Кольеру не хотелось подвергать его излишней опасности.

Сами наги его боготворили, за глаза называя "наш юный Змей". Саша, читая передаточную книгу, все время хватался за голову и иногда пересказывал Кольеру отрывки. Там оказалось много полезной информации, и оба они осознали реальную ценность этого ранее загадочного артефакта. Оттуда Саша узнал, что Нигейр должен выдыхать огонь, узнал и ужаснулся, но Кольер заверил его, что не все умения Вечных приходят к ним сразу.

— Пойдем, поищем Кинэна, — со смешком Ширин взяла его под локоть и повела вверх, к высившемуся над фонтанами изящному золотому дворцу.

Проходя мимо очередной террасы, окруженной сияющими воздушными шарами, Кольер обратил внимание на страуса в ядовито-зеленых и розовых перьях, крупного мужчину, шляпа-клюв и маска хорошо скрывали его личность, но вот большие алмазно-красные перстни в тяжелой золотой оправе выдавали его с головой. Что-то стало неблагополучно в последнее время в самом беспокойном и горячем регионе Ар Соль — в Ар Шамале. Отношения между пятью эмиратами Шамале всегда оставляли желать лучшего, и приблизительно раз в сотню лет между ними вспыхивала очередная резня разной степени кровавости, а границы эмиратов и сферы влияния перекраивались заново. Очередное

недовольство верховным эмиром назревало как нельзя кстати, и Кольер рассчитывал, что Саша немного освоится со своими новыми способностями, когда оно наконец полыхнет. Рядом с эмиром Серджента он увидел серебристый чайник с откинутой крышкой, маска, выполненная, как пятна грязи, тщательно скрывала его лицо.

— Узнаешь? — улыбнулась Ширин.

— Вагабр, — бросил Кольер, кивнув на хвост охраны из рэммов, замаскированных под чашки, выдававший его с головой.

Они продолжили свой неспешный путь по террасам, внимательно вглядываясь во всех мало-мальски подозрительных гостей.

— Во что этот чудо-Горностаи мог вырядиться? — пробормотал старый наг.

— Во что-то яркое и экзотичное, — откликнулась Хозяйка Некроса. — Он же по сути мальчишка, падкий на все броское.

Они поднялись на террасу со столиками, устроенную над озером, на котором ожидался фейерверк. Кольер заметил у фонтана, каскадом спускающегося в озеро, огромную пузатую белку с нелепым хвостом, и двух жмущихся к нему очаровательных спутниц, разряженных богато и вычурно. Да уж, этот жизнерадостный и благодушный гигант всегда собирал вокруг себя хорошеньких женщин разных рас, постоянных и Двуликих. За что они его любят? За исходящую от него бесконечную уверенность, добродушие и щедрость. А еще за мудрость — старший из Вечных давно уже не суетился и не торопился жить. Обойдя террасу, он раскланялся с нобилями — главами великих домов Лессена. Делами Ар Лессена управлял Корт, в который входили 10 представителей — по числу великих домов. Официально они считались равными, но фактически всем управлял самый старший и могущественный Дом Тамар. Кольер знал, что у дома нет наследника, остались одни девки, и что Тамар сам ходил к Даллану, просил вмешаться и даровать ему детей. Младшие дома были недовольны Тамаром и последние несколько лет ситуация тоже накалилась до предела.

Верховный правитель и глава Корта — брэнн дома Тамар — был одет в роскошную мантию геральдического животного своего дома, огненного льва. Мантия сияла и переливалась всеми цветами радуги. Ширин неожиданно расхохоталась, дернув старого нага за рукав.

— Смотри! Узнаешь?

Кольер осуждающе поморщился, удержав резкий комментарий. Рядом с брэнном вальяжно переваливался с ноги на ногу розовый в горошек дракоша из детской сказки, плюшевый, со свисающим на бок длинным языком, невозможно нелепый, особенно рядом с царственным львом. Пара прогуливалась вдоль озера в ожидании фейерверка, что-то неторопливо обсуждая, причем по выражению лица брэнна он явно не был вдохновлен беседой. Лицо его розового собеседника скрывалось под маской-вуалью, на которой было нарисовано идиотски радостное выражение.

— Если бы я был Вечным и хотел спрятаться, я бы нарядился в самого себя, — буркнул старый наг.

— Подойдем поздороваться? — предложила Ширин, но Кольер отрицательно покачал головой. Лучше, наверно, не мешать, вряд ли они с брэнном о цветочках беседуют. Тот, кто скрылся сегодня за нелепой плюшевой зверушкой, так и не наведаясь в Наган-Карх, хотя неоднократно говорил о своем желании навестить орден Аспида. Что-то не торопится он поддержать новорожденного Змея... выжидает. Что именно?

Покорно следуя за Ширин и краем уха слушая ее ехидные комментарии, он разглядывал томных дам, как одетых, так и раздетых. В культуре большинства земель, кроме Ар Иллима, не было принято откровенно демонстрировать женскую красоту, но карнавал все стерпит. Кого здесь только не было... В этом году в моде были не звери, а пища и предметы домашнего обихода — он уже видел пару изящных кастрюль, три вилки, много людей-пирожных и людей-фруктов, несколько проклюнувшихся яиц, из которых вылуплялись цыплята, черепашки и даже змеи. По пути Кольер раскланялся с рваным башмаком, которого не узнал, и который оставил чувство тревоги. Было в нем что-то смутно знакомое и при этом очень агрессивное, несмотря на общий шутливо-карнавальная настрой: старый изношенный башмак подошвой вверх напоминал ему пасть, из которой торчали угрожающие на вид гвозди-зубы, рваные шнурки свисали по сторонам маски, словно волосы. Опять же, тонкая непрозрачная вуаль тщательно скрывала лицо. Кто-то знакомый, но кто?

Ширин обменялась любезностями с тремя шамальскими эмирами — муравьедом, китом и сундуком с горкой золота, убедительно замаскированных, если бы не та же деталь, что и у верховного эмира: аметистовые перстни, знак власти, никто и не думал снимать. Часом раньше с одним из них у Кольера уже состоялся весьма любопытный разговор; в подвластном ему эмирате Эльашре нарастала напряженность с соседней Кельбелой, эмир прощупывал возможность привлечь орден Аспида на свою сторону и пополнить в свои ряды хотя бы небольшой отряд нагов и хотя бы одного инструктора из гвардии ноа, пока это не сделал его противник. Раз определив сторону противостояния, наги поддерживали ее до конца, не позволяя себя перекупить или переманить, поэтому часто выигрывал тот, кто первым успел заключить с ними союз. Давненько ничего подобного не случилось... Кольер предложил эмиру встретиться в Наган-Кархе и обсудить этот вопрос вместе с боевыми командирами, планируя подключить к этому делу и Сашу.

Ширин остановилась на краю террасы, кивнув на небо.

— Ты, как я помню, любишь фейерверки...

Он промолчал. Любил когда-то, когда был молод и восторжен. Сейчас... Трудно удивить его чем-нибудь.

На небе расцветали огненные цветы, рождались и умирали звезды, взлетали вверх сказочно-достоверные изображения Вечных. Кольер с удовлетворением любовался на Змея, поднявшегося над озером и рассыпавшегося на множество мелких змеенышей.

— Так когда мы увидим твоего подопечного в небе? — любопытствовала Хозяйка Некроса, небрежно дернув его за рукав.

— Боюсь, этот момент не принесет вам радости, — пробормотал Кольер, делая осторожный шаг назад. Общество Ширин его тяготило и ничуть не приближало к поставленной цели — найти Кинэна.

Когда канонада отгрохотала, над озером снова заиграл оркестр и бал продолжился. К счастью, Ширин заметила в толпе кого-то знакомого и, отпустив на прощание пару шпилек, оставила его, раздраженного и усталого, на колоннаде перед дворцом. Желая убраться от шума подальше и посидеть-поразмьшлять хотя бы в условном одиночестве, Кольер приглядел себе полутемную беседку в стороне от основных тропинок, но туда до него успела заскочить какая-то парочка. Невысокая женщина с точеной фигурой, одетая речной ундиной, с рыбьим хвостом в виде шлейфа, тащила за собой громоздкого гротескного пингвина, который, несмотря на лапы в виде толстенных ласт и безразмерный клюв над лицом, ловко управлялся с забавно пузатым туловищем и умудрялся весьма откровенно

обнимать свою ундину. Тонкая талия ундины, золотистые локоны, мягкое, округлое, удивительно пластичное тело охотно уступало его вольностям, ее чешуйчатый костюм совершенно не мешал его рукам добираться везде, где хотелось.

Кольер усмехнулся, пятясь назад. Лануэль... Она и раньше не особо старалась прятаться за маску и из года в год вела себя экстравагантно, нарочито дразня публику как вызывающими нарядами, так и не менее откровенным поведением. Не желая дальше подглядывать за все более темпераментным действием, он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг узнал пингвина и чуть не свистнул от удивления.

Лануэль была самой молодой из нынешних Вечных. Всего 98 лет, котенок еще. И входит в свой самый опасный период... Уже пообтерлась, попривыкла к ипостаси и к кругу равных, и теперь запускает коготки в разные сферы, пробуя, где можно расширить свое влияние. Ищет союзников. Интересно, кто на самом деле опаснее — честный и непримиримый враг, не скрывающий своих намерений, или эта обаятельная кошечка, осторожно выпускающая коготочки, и главное, понимает ли это тот, кто сегодня так неожиданно спрятался в забавном и неуклюжем пингвиньем теле?

Он вернулся на террасу и, найдя свободное кресло, принялся наблюдать за танцующими парами. Пожилой маркграф Ирнанского Полесья откровенно флиртовал с маской бабочки, в которой Кольер узнал наследницу дома Аска, самого богатого и влиятельного рода в Аскареме. Маркграф давно был вдов, и по слухам, подыскивал себе третью жену, но требования у него были запредельные. Вряд ли выгорит, подумал старый наг, глядя на бабочку. Обаятельная элезиянка была не столько красива, сколько умна, собиралась унаследовать большие земли под Элласаром и множество ценного к ним вдобавок, и покидать свою землю, чтобы греть ложе немолодому ирнанцу, не собиралась. Полесье давно беспокоило старшего из трех маркграфов Ар Ирнана — Шеддара, который тоже приходил советоваться. В Ар Ирнани в очередной раз назревал давний конфликт из-за Изумрудных островов. Изумрудными они были в прямом смысле — там располагалось богатейшее месторождение, но глубоко залегающее и затратное по добыче. Изумрудная гряда столетиями переходила из рук в руки двух вечных соседей-антагонистов — Полесной и Долинной марок. Последние 400 лет они принадлежали Долинной марке, умел управляемой Шеддаром, но его беспокоили участвовавшие на изумрудных приисках бунты, и сторожевые корабли Полесья стали подходить к их берегам в несколько раз чаще, чем раньше.

Устав от шума, суеты, пестроты и смеха, он вошел внутрь изящного бельведера и устроился там на кушетке в уютном и просторном эркере-башенке с видом на парк и на фонтанный каскад. Бесшумный слуга-нигиец предложил ему бокал вина и крохотные канапе. Велев оставить себе бутылку и бокал, Кольер жестом отослал слугу. Тут было спокойно и уютно, далекие, приглушенные звуки бала больше не вызывали раздражения, а из окна весь роскошный дворцовый ансамбль представал как на ладони.

— Хорошенькое же место ты себе выбрал, — усмехнулся знакомый женский голос и, обернувшись, Кольер увидел комичную рябую курочку с розовым гребешком, напоминавшим бантик. Ноги, правда, у курицы были идеальные — обтянутые темно-дымчатыми чулками, в туфлях на высоченных каблуках с тройным носком, чем-то действительно похожих на лапы курицы.

— Каждый год одно и то же, — с досадой сказала она, со стоном наслаждения вытягиваясь на соседней софе, сбрасывая уродливые лапы и бесцеремонно конфискуя его

бокал. — Почему ты не привел нашего чудного юного Змея?

— Мал еще, — буркнул Кольер, — нечего ему по беседкам с драными кошками шарахаться.

Эрлен расхохоталась.

— Перестань, — ответила она, — ему надо осваиваться.

— Не здесь и не сейчас, — отрезал старый наг. — Кстати, ты сегодня неотразима. Чья это была идея — сделать из рыси курицу? Ни за что не поверю, что твоя.

— Альсара, — усмехнулась она. — Видел его?

— Нет еще. А что, стоит посмотреть?

Феникс-Альсар, покровитель искусств, умел произвести яркое, фееричное впечатление, и не только на карнавале.

— Пожалуй да, — хихикнула она. — Он оделся... в самого себя. В Феникса. Только горящего. Зрелище, надо сказать... эффектное.

— Ага, вот вы где, — розовый дракоша устало опустился в большое кресло сбоку от софы. Отобрав у Эрлен бокал, он небрежно плеснул себе из опустошенной более чем наполовину бутылки. — Кто-нибудь видел Кинэна?

— Акуля пасть на тонких ножках, — рассмеялась Эрлен. — В беседке у нижнего каскада. Когда я проходил мимо, он энергично исследовал костюмы каких-то двух ядовито-оранжевых гусениц. Не думаю, что в ближайшее время он будет пригоден к серьезному разговору. Если он у тебя, конечно, серьезный.

— Никогда не понимал дурацкое желание совокупляться на публике, — поморщился Реваль, снимая розовую драконью голову. — Детство какое-то.

— Кому детство, а кому и вызов, — ответил Кольер. — А кто-то весело и бездумно развлекается, — добавил он, вспомнив пингвина.

— Меня тоже удивляет желание нацепить на себя идиотскую розовую морду, — мурлыкнула Эрлен, — и верить, что это смешно.

— Можно мне к вам? — изящный чайник с приоткрытой крышкой скованно присел на край последней свободной софы. — Надеюсь, вы еще не устали?

— О нет, — мурлыкнула Эрлен. — Бал замечательный, — она одарила скинувшего маскировку Вагабра очаровательной улыбкой. Слуга-нигиец тихо подкатил столик с закусками и бокалами, мгновенно и бесшумно наполнил их и так же тихо исчез, оставив Вечных любоваться помпезным зрелищем из окна. — Ты не виноват, что гости скучны, как мир, костюмы тривиальны, а речи обыденны и наводят тоску.

— Уж лучше тоска, чем все пятеро эмиров Ар Шамалья сразу, — ответил Вагабр Ваэль, отставляя бокал. — Мне одному кажется, что они вот-вот передерутся?

— Они уже передрались, — хмыкнул Реваль. — По сути, они не переставали этого делать в течение последних трех тысяч лет. То, что не все их склоки долетают до Рузанны, еще ни о чем не говорит.

— Гайяр просил меня о защите в случае агрессии Эльашра, — сообщил Вагабр. — Рузанна сохранит нейтралитет, — пояснил он, вопросительно глядя на Кольера.

Старый наг удовлетворенно кивнул.

— Орден Аспида еще не решил, чью сторону занять. — Их претензии друг к другу достаточно стандартны.

— Каррана, — кивнул Реваль. — Золотой город.

— Не в золоте дело, — мурлыкнула Эрлен.

— И в нем тоже, — возразил Реваль. — Не лезьте в Шамаль, — сказал он, поворачиваясь к Кольеру. — Эмиры разберутся и без вас.

— Интересно, что вы запоете, если они, начав войнушку, перекроют вам грузоперевозки, — раздался за их спинами хорошо знакомый рокочущий бас. — Достаточно взять контроль с воздуха над их шеадр-портом, и привет — коллапс поставок в доброй половине земель.

Все разом обернулись и замолчали. Рванный башмак снимал свою зубастую верхнюю часть. Под ней обнаружилось крупное, костистое лицо немолодого человека ближе к 50, светлокожее, скуластое, с большими влажными темно-кариими глазами и светлыми, почти белыми короткими волосами. Массивный нос, тонкий рот, тяжелый взгляд из-под неожиданно темных с рыжинкой бровей, массивные плечи, высокий рост атлета, мощный торс, крепкие ноги — Гевор Пардус медленно обвел их пронзительным взглядом и остановил его на Эрлен.

— Мне бы хотелось задать вам несколько очень неприятных вопросов, друзья, недруги и коллеги, — начал он, обойдя комнату-эркер и заняв удобную позицию спиной к окну. — Кто из вас пытался меня убить, сконструировав модификанта и вооружив его ядом, блокирующим ипостась?

— Не надо на меня так смотреть, — напряглась Эрлен. — Впервые слышу про яд.

— Ага, значит про модификантов — не впервые, — удовлетворенно кивнул он, продолжая давить на нее взглядом.

— Да мы этих модификантов пачками выращиваем, — вспыхнула она. — Все время есть в работе чей-нибудь заказ!

— Например? — невозмутимо уточнил Гевор.

— Последний — маркграф Реара, — Эрлен ответила с некоторой задумчивостью в голосе, — модификант на базе райзе, способный работать в высокогорных условиях. Он хочет строить что-то в Реарских горах, нужна выносливая и холодоустойчивая ветвь с адаптацией к нехватке кислорода.

— Он готов ждать 15 лет, пока модификант созреет? — удивился Реваль.

— Мне все равно, — фыркнула она. — Платить он будет сейчас. Хочешь, я покажу тебе всех, кого мы создали за последние пару лет?

— Хочу, — насмешливо сказал Гевор. — Но не за пару, а за 15–20.

— Да хоть завтра, — огрызнулась она.

— Погодите, лэны и ланны, — давайте лучше про яд, — вежливо прервал их Ваэль. — Крейг, пожалуйста, объясни, что произошло?

— Около трех месяцев назад на меня напали, — начал Гевор. — В Кэммон-Аре, в одной из общественных пещер, на верхнем ярусе, в переходе между уровнями. Три модификанта, сконструированные на базе шеннон-арского двуликого харха. Выбор расы говорит нам, что мероприятие изначально планировалось в Подлунных землях.

— Неудивительно, — буркнула Эрлен, — ты там часто бываешь.

— Для ударов использовались ножи для свежевания шкур, они особой заточки, а значит, рассчитывали на бой с ипостасью, причем с целью зацепить шкуру, — продолжил Гевор. — На клинках был яд, который после попадания в кровь парализовал возможность трансформироваться. Раны я получил несерьезные, но вот попытавшись принять облик, чтобы их побыстрее зарастить, очень пожалел об этом. Что скажешь, милая, — в одно мгновение он оказался рядом с Эрлен, перехватил ее запястья, склонился над ней и прижал к

софе, — яды против Вечных вы тоже галлонами смешиваете?

— Пусти, — она яростно вырвалась, выпустив и убрав обратно рысьи когти. — Я клянусь тебе, что яд не мой. Заказ на модификантов на базе расы хархов я помню, был такой, но не 15 лет назад, а гораздо раньше. После Пятой Ирнанской он был, 70 лет назад, сразу же после нашего с тобой поединка. Кэммон-Ар, заказ на десять особей от рода Ашшров, пробный, цель — охрана объектов. Фиксация на хозяина в 5 лет, передача в 10-летнем возрасте, воспитание базового Двуликого. Но яд... я что, сумасшедшая, такими вещами баловаться? Кончится это тем, что кто-нибудь мне этот яд и вколет.

— А что с Хэйгеном? — перебил ее Вагабр, глядя, как Гевор отступает назад, к окну, явно углядев там нечто любопытное. — Удалось выяснить, что с ним произошло?

— Нет, — раздраженно ответил Реваль. — Ворон затаился. Где-то два с половиной месяца назад его стали видеть в небе над землями, два месяца назад он вернулся в свой домен в человеческом облике, но все попытки с ним встретиться проигнорировал. Еще раньше Шандр стал вежливо отклонять все просьбы о встрече, ссылаясь на неотложные дела, свалившиеся на него из-за отсутствия Верховного.

— Анг Мирт немного притих, — вступил Кольер, наблюдавший за перепалкой Вечных не без внутреннего удовольствия. — Но прорывы идут, хотя гораздо реже. На каждом есть либо Глава Пауков, либо сам Хэйген. Грань затягивается быстро и без его личного присутствия.

— Так я, оказывается, не одинок, — Гевор снова повернулся лицом к Вечным. — Все-таки это ты, моя кошечка, как бы ты не отнекивалась, — пророкотал он. — Меня всегда интересовало, почему ты не угомонишься насчет Ворона? Что такого он тебе сделал? Твоими руками убили Анта, и ты все время пытаешься добраться до Рессера. Ну, насчет Анта у меня есть кое-какие догадки, но причем тут его сменщик?

— Если бы ты догадывался насчет Анта, я бы тебя тоже убила, — огрызнулась Эрлен. — Ворон — это тварь. Алчная и безжалостная. Бесконтрольно жрущая все подряд. Так что лучше не лезь. Это мое дело. Еще раз заявляю — Эрлениум принимал участие в создании модификантов, но к яду мы отношения не имеем.

— Что ж, перейдем к следующему вопросу, — мурлыкнул Гевор, сменив позу и подобравшись. — Какого черта ты, дорогая, играешься с зависимостью? Эксперименты по превращению разумных свободных ассаров в зависимых опасны для равновесия и запрещены общим решением Вечных. Мы же сами приняли когда-то это решение, не так ли? Или твое нынешнее роскошное, но безмозглое туловище в этом не участвовало?

Костюм курицы с треском разлетелся в клочки, а Гевор ловко увернулся от бросившейся на него рыси. На втором броске он отвесил ей безжалостную оплеуху выросшей втрое леопардовой лапой, отчего она отлетела в другой конец эркера.

— Прекратите! — рявкнул Вагабр, вклиниваясь между ними, а Реваль, хохотнув, принялся стаскивать с себя маскарадный костюм, оставшись в тонкой шелковой золотой рубаше и таких же тонких и шелковых черных брюках. Ощерившаяся, рычащая рысь дождалась, пока он положит перед ней розовый балахон с лапами и головой-капюшоном, трансформировалась и быстро оделась.

— Лучше бы ты отдал мне это, — пощупав шелк рубашки главы Золотой гильдии, мурлыкнула она, успокаиваясь.

— Это к вопросу о самоконтроле, — съязвил Гевор. — Давай вернемся к экспериментам с зависимостью?

— Я этим не занимаюсь, — отрезала она, возвращаясь на софу и пытаясь лучше приспособиться к костюму. — Бесперспективно.

— А если подумать? — Гевор обошел ее с другой стороны и склонился сверху, положив массивные, но при этом ухоженные кисти рук ей на плечи.

— Есть доказательства? — спросил Реваль с тревогой.

— Есть, — кивнул Гевор. — Небольшое частное владение на берегу озера в предгорьях Реара, на границе с Ирнанским Полесьем. Две лаборатории, штат в 30 человек, десять подопытных ассаров, восемь из них — с Основы, ну и установки соответствующие.

— Это не мое, — фыркнула она, сбрасывая его руки.

— А они говорят, что твое, — хмыкнул Гевор. — У них там даже маленький Эрлениум есть. Я уж не говорю про изображения.

— Это не мое, — повторила она устало и обиженно. — Нет у меня лабораторий в Ар Ирнани. Ну как тебе это доказать? Ваэль, пожалуйста, разберись как старший из нас, я официально заявляю, что не имею к описанному месту никакого отношения.

— Хорошо, — коротко кивнул тот.

— У тебя есть еще вопросы? — спросил Реваль, глядя на слегка озадаченного ее ответом Крейга — Пардуса.

— Да, еще один. Вы в курсе, что теперь у нас есть Нигейр?

— В курсе, — ответил за всех Вагабр.

— Ты его уже видел? — спросил Реваль.

— Нет пока.

— Тогда как определил?

— По статуэтке. Моя коллекция — неполная, собственно это даже половина коллекции, нет Элианны, Ворона, Пардуса и Горностая, но Змей там есть. И он светится.

— Никто его, кроме Кольера, пока не видел, — усмехнулась Эрлен.

— Ну почему же, — раздался откуда-то сбоку и сзади еще один голос, глуховатый и насмешливый баритон. — Я видел. Прямо в нужный момент.

Бросив на пол громоздкое пингвинье облачение, Рессер Хэйген прошел к окну, прихватив по дороге чей-то бокал и остановился рядом с Гевором.

— Чуть не задохнулся в этом пузе, — прокомментировал он все с той же усмешкой. — Дурацкая была затея — участвовать в этом цирке.

— Мог бы и не наряжаться, — фыркнула Эрлен, но Хэйген не обратил на нее внимания.

— Я, в общем-то, давно здесь, — продолжил он, пристально глядя на Ревалья. — Слышал почти все. Крейг, нам есть что с тобой обсудить, — положив руку на массивное плечо Пардуса, он перевел внимательный и холодный взгляд, в котором явственно наливались яркой синевой глубокие темные точки, на Кольера, а затем — на Вагабра, отчего глава Вечных неожиданно смутился и сделал вид, что смотрит в окно. — Меня они, видимо, сочли более опасным... модификантов было побольше и они очень старались. Ну Маар с ними, мы с тобой живы и, думаю, сочтемся. А вот насчет Нигейра...

— Нам нужен Нигейр, — твердо сказал Ваэль. — Назрело слишком много проблем. Без него мы можем только откладывать их решение.

— Жаль... я надеялся, что Вечный Вагабр не принимал в этом участия, — с ледяной холодностью продолжил Ворон. — Давайте восстановим картину событий. Вы четверо замыслили вернуть Аспида и вычислили с помощью ритуала, где находится его наиболее вероятное ближайшее воплощение. Ответ был неожиданным — на Старой Земле. Мне,

кстати, это кажется совсем неудивительным — при том уровне агрессии, что был, есть и будет на нашей старушке Основе, подходящих Аспидов там должно быть немеряно. Вы довольно неаккуратно вытащили парня сюда, наследив везде, где могли, и сразу же дали ему Легарот, малую часть перчатки Аспида, чтобы посмотреть, не ошиблись ли вы. Юноша ее сразу же успешно освоил. Дальше ваш план немного засбоил, парень обвел вас вокруг пальца, исчезнув с горизонта и найдясь совершенно случайно в очень неожиданном месте — в Ар Хойте, откуда его благополучно вернули в родное лоно и принялись стремительно форсировать рост, бросая в нужную среду, которая так удачно подвернулась — на прорывы Анг Мирта. Водя его за нос, вы провоцировали его на разные эмоциональные реакции, приближая принятие ипостаси. Что ж, успешно — вы уложились в каких-то 10 месяцев, замотивировав так, что он сам бегал за частями ключа, чтобы открыть Нагр. А теперь — задумайтесь, — он еще раз обвел Вечных холодным, почти полностью синим взглядом. — Первое. Парень — чужак. Он вырос в другой системе ценностей, вне парадигмы Вечных, и что важнее, вне понимания ответственности, которую накладывает ипостась.

Второе. Мы все знаем, что очень раннее обретение ипостаси дает нам незрелую, нестабильную личность и долгое, затяжное взросление. Ему 28 лет. Вспомните Кинэна. К тому же, он толком не разобрался в реалиях мира, власть над которым получил. Вы сами, своими руками, привели на место Аспида человека с чуждыми взглядами на мироздание, иной культурой и, что самое опасное — из мира, где агрессия в отношении к себе подобным — норма. Я, конечно, догадываюсь, что изначально вы планировали его контролировать — сделать себе такого ручного Змея, который будет благодарен вам за место под солнцем, которое вы ему предложили, и которым будет легко управлять. Что-то мне подсказывает, что вы чертовски ошиблись.

— Мы считаем, что божественная сила, которую он получил, перемелет его под себя, — спокойно ответил Ваэль. — Он интуитивно будет стремиться к тому, что должен.

— Конечно перемелет, — холодно отчеканил Ворон, слегка повысив голос. — Сила, не находившая воплощения чуть меньше тысячелетия, наконец-то вселилась в незрелое существо, дезориентированное чуждой средой и необычной культурой, к тому же, воспитанное в атеистическом ключе. Не забыли, что в его мире в богов либо не верят, либо верят в Единого? — переведя взгляд с Вагабра на Ревалья, он продолжил. — Вы хорошо осознаете, с чем нам всем сейчас придется столкнуться?

— Ты сгущаешь краски, — ответил Ваэль, но в голосе его уже не звучало былой уверенности.

— Как-то ты слишком... хорошо осведомлен об этом молодом человеке, — усмехнулся Реваль.

— Повезло — достоверный источник подвернулся, — отрезал Хэйген. — Кстати, Кольер, хочу тебя предупредить: любая попытка найти этот источник будет расценена мной как нападение на меня лично. Если не дай бог жизнь этого человека окажется под угрозой, я не стану разбираться, кто виноват. Убит будешь ты. Даже за попытку. Даже из-за тени подозрения. Мною лично. Быстро. А может быть и нет... это смотря с какой ноги я в тот день встану. И уж точно не безболезненно. Ты меня хорошо понял?

— Да, Вечный Хэйген, — тихо ответил старый наг. — Я тебя понял. Жаль, что ты нас — нет.

— Никогда не желал понимать самонадеянных и безответственных авантюристов, — тряхнул головою тот. — Все. Маскарад окончен. Надеюсь, нам больше не придется

встречаться... по столь нелепому и неприятному поводу.

— Пошли выпьем, что ли, — предложил Гевор с усмешкой, подхватывая Хэйгена под руку и выводя его из эркера под пристальными взглядами остальных. — У меня найдется кое-что поприличнее этой кислятины.

— Говорил же — не надо его трогать, — проворчал Реваль, убедившись, что оба исчезли из виду. — Получите теперь и распишитесь.

Глава 2. Саманданг

Юлька проводила взглядом забавного павлина с головой орла и лапами дракона, и откровенно рассмеялась. Каких только чудиков она сегодня не встретила... Ролли и Наиль удивленно переглянулись.

— Хотите сказать, что это еще один мифологический зверь? — хихикнула она.

— Именно, — широко улыбнулся Наиль, а Ролли поправил съехавшую на правый бок шляпу в виде клюва. Он тоже выбрал для карнавального костюма мифологическое животное, птицу, похожую на феникса, но другой расцветки, и смотрелся в своем облачении ужасно нелепо. Наиль изображал из себя ежа-переростка, иголки костюма были тряпично-проволочными и успели уже изрядно примяться о толпу.

— Ну, куда дальше? — вкрадчиво спросил Наиль, оглядываясь на отставшую сестру, которая застряла посреди улицы, встретив старых подружек. Подружки, одна — явно местная, со сложной высокой прической, украшенной шелковыми платками, одетая в роскошное платье в виде старинной шамальской вазы, а вторая — курносая и рыжая элезианка в костюме воздушного пирожного, весело трещали и хватали Ильнару за забавные цветные косички. Юлька маскарадного костюма не надела: ей было хорошо и так.

— Кто-то уже месяц обещает показать мне старые сады эмира, — улыбнулась она. — А у него то лекция, то зачет, то долги сдавать.

— Ну так этот чертов ниגיעц меня совершенно затерроризировал, — воскликнул Наиль, темпераментно взмахнув руками. — Третий раз уже заворачивает!

— А я тебе говорила — надо было на лекции ходить, а не жеребца нового по степям гонять, — вмешалась Ильнара. — А у тебя, как у всех шаамов — коня увидел, мозги отключились.

— Юля, ты бы видела, какой это скакун, — в сотый раз завел свою песню Наиль. Несколько месяцев назад отец подарил ему на день рождения рувабийского жеребца, мечту любого шаама, и парень вспомнил об учебе, только когда на горизонте замаячили экзамены.

Наиль и его сестра Ильнара учились в Самандангском университете, он — на факультете горного дела, планируя после выпуска войти в отцовский бизнес на золотых приисках, Ильнара — на биолога. Юлька была вольной слушательницей располагавшейся на территории университета школы Джмар. Поступить в качестве полноценной студентки она не могла, там требовалось сдавать серьезные экзамены на базе школьной учебной программы, принятой в большинстве земель Ар Соль, но Шандр договорился с руководством, чтобы она посещала все занятия, начиная с первого курса, без сдачи экзаменов, но и без права получения диплома.

Они оба — и Шандр, и Хэйген советовали ей выбрать объединенную школу стихий в Шеннон Аре, убеждая ее, что это лучшее учебное заведение для элементалов на всей Ар Соль, но Юлька отказалась. Шандр показывал ей и столицу — Мардину, и маленькие городки, но она, пробыв под темным небом со странным тусклым светом чуть больше часа, начинала засыпать. Подлунный мир оказался экзотичным и оригинальным, но очень уж угнетающим. Наверно, чтобы тут существовать, надо родиться под этим необычным небом. В итоге они сошлись на шамальской школе Джмар, не менее популярной и престижной. Юльке очень понравилась Рузанна, напомнив большой европейский город, но столицу забраковал Хэйген. На ее возмущенный вопрос, почему, он ответил коротко: "так сказала

Ширин". Юлька вспомнила изящную темноволосую женщину — летучую мышь, которая как-то мельком появилась в штабе Пауков, так же мельком кинула на нее взгляд, подняла брови, улыбнулась и подхватив Шандра под локоть, принялась с заговорщицким видом что-то шептать ему на ухо. Юльке стало мучительно любопытно, но подслушать не получилось — они быстро покинули его кабинет, оставив Юльку наедине с книгами, картами и коллекцией оружия.

Учебные периоды школы Джмар и университета не совпадали: университет заканчивал семестр, а школа его только начинала. Юльке неожиданно понравилось: учителя объясняли теорию простым и понятным языком, лекции шли одна интереснее другой, на практических занятиях она справлялась не хуже официальных студентов. Понравилось ей и житье в столице Ар Шамалея Саманданге. Юлька ожидала увидеть большой современный город, наподобие Рузанны или Кархи, но Саманданг поразил ее воображение: небольшой и уютный, старинный, идеально отреставрированный, выстроенный из местного охряно-желтого песчаника, пестрый, как восточный ковер, с узенькими улочками, роскошными патио за глухими белеными стенами, четырьмя восточными базарами, по числу старинных ворот, пятью дворцами эмиров, по числу земель Шамалея, и двумя великолепными садами, расположенными на противоположных концах города, обнесенного крепостной стеной. Стена, конечно, имела теперь чисто историческое значение, но по ней, как встарь, можно было обойти город, стартовав из башни Канела, пройдя через ворота Асан, Бахри и Джуджит.

Юлька, дитя севера, приходила в неистовый восторг от восточного колорита. Ее не мучила даже жара, которая в этом городе тысячи и одной ночи переносилась на удивление легко. Помогали, конечно же, давние находки старой и мудрой цивилизации: умелое охлаждение внутренних помещений, для которого использовались все те же азры, по сути — аккумуляторы, заряжаемые на подстанциях под теми же куполами. Промышленные купола Саманданга находились на северо-западе от крепостной стены и удивительно гармонично дополняли пейзаж — нежно-золотистые и розовые пузыри впитывали солнечный свет, а ночью сияли, как маленькие солнышки. Сложная и совершенная система сбора воды вкупе с глубокими артезианскими скважинами позволяла жителям не испытывать проблем с засушливым климатом и выращивать сады как внутри города, так и на крышах домов. Все предметы роскоши Ар Соль были родом из Ар Шамалея — благороднейшие узорчатые шелка, удивительные изделия из стекла и хрусталя, тончайшая кожа, совершенное холодное оружие, уникальные ювелирные изделия, причудливые духи, резная мебель виртуознейших мастеров. Больше всего Юльку восхищали сады: даже в зеленом, цветущем Элласаре не видела она такое количество разных сортов роз, ирисов, жасмина и миндаля, олеандра, пионов и гортензий, столь гармонично проложенных дорожек, ручьев, прудов с золотыми рыбками, фонтанов и каскадов. Благоухание, шум воды, галереи и ажурные беседки, создающие тень и прохладу — все здесь вызывало наслаждение.

Народ здесь был такой же горячий, как и климат. Вспыльчивые темпераментные шаамы, дети степей, а к югу — и пустынь, даже несмотря на отсутствие Нигейра, почитали его больше остальных Вечных, а добрый скакун местной породы всегда был предпочтительнее самой скоростной виммы. Вимма была чем-то обыденным, бытовым и приземленным, а вот конь... Конь — это искусство, так же, как и традиционный шамальский клинок. Мужчина, не носящий на поясе даже простого кинжала, считался человеком второго сорта. Не все владели оружием в совершенстве, но знать хотя бы

несколько приемов и уметь сразиться в дружеском поединке обязан был каждый шаам.

Здесь она тоже освоилась на удивление быстро. Шандр предлагал снять ей небольшой дом в любой части города, но она прикинула, сколько это может стоить, и гордо отказалась. Общежитие школы ее вполне устроило: за высокой глухой стеной находился просторный, засаженный апельсиновыми деревьями патио, с очаровательным рукотворным прудом, в центре которого бил фонтан. В трехъярусной галерее, окружавшей дворик, находились студенческие комнаты, их окна выходили в университетский сад и на оживленную торговую площадь. Комнатки были крохотные, зато личные, и туалет с душем, как и маленькая прихожая, полагался один на две комнаты. Ильнара была Юлькиной соседкой по комнате: несмотря на хороший достаток, ее родители считали, что брату и сестре полезно будет пожить в небогатой, но такой веселой студенческой среде.

Юльку удивляло, насколько легко она здесь заводила друзей и поклонников. Особенно льстило неожиданное внимание мужчин. Она глядела на себя в зеркало и диву давалась, насколько здешнее житье-бытье меняет ее внешность. Волосы стали густыми, пышными и вьющимися, появилась какая-то задорная, пикантная рыжинка, а лицо покрылось нежно-золотистым загаром, на фоне которого серые глаза казались огромными и яркими. Теперь она не стеснялась подчеркивать тонкую талию и красивую грудь, а уж местные яркие ткани и украшения и вовсе доставляли ей массу удовольствия.

— Ну так что, идем в старые сады? — переспросила она Наилья.

— А это далеко? — поинтересовался Ролли, который порядком устал от душного вечера и шумных толп. Юльке стало жаль его, но ей хотелось продлить веселье. Как намекнуть, что его присутствие ее сковывает? Она не приглашала его на этот праздник, он сам свалился ей на голову еще утром, предложив провести день Солнца вместе. Он звал ее в Альбре, но Юльке хотелось остаться здесь. Еще несколько дней назад она неожиданно получила приглашение от другого весьма небезразличного ей человека — Шандра, полное имя которого, как оказалось, было Яран Шандр иль Тахир, и происходил он из очень древнего серджентского рода, близкого к правящей династии Гайяров, но, как младший сын, не наследовал титул. Мучительно разрываемая противоречивыми желаниями, она все-таки сказала ему, что уже приглашена. Это было почти правдой — ее звали с собой Наиль и Ильнара. Он сделал вид, что рад за нее, и пожелал веселого праздника. Она не поинтересовалась, куда в таком случае он собирается сам. Наверняка уж один не останется.

— Не очень, — заверил их Наиль. — Чуть дальше, чем центр. Пошли?

И они все вместе направились сквозь веселящуюся толпу, по дороге прихватив несколько лепешек и пару бутылок сладкого серджентского вина. Ролли сделал вид, что идея ему нравится, и с достойным лучшего приложения стоицизмом потащился за ними.

В старых садах оказалось неожиданно пустынно и прохладно — вся публика веселилась на улицах и площадях, здесь же блуждали или тихо сидели на скамейках одинокие парочки. Журчание воды, терпкий и пряный аромат кипарисов смешивался с нежным благоуханием роз. Ильнара обворожительно улыбалась Ролли, который, кажется, несколько приободрился в этом тихом и прохладном месте и теперь с энтузиазмом расспрашивал ее об устройстве удивительных садов.

Уже в воротах Наиль окликнул какого-то мужчину в костюме горного орла. После радостных хлопываний и коротких поклонов в адрес женщин, Наиль представил его Юльке.

— Самир иль Ваиз, лев Серджента, — с гордостью сказал он, и, видя, что Юлька чуть

приподняла брови, поспешно пояснил. — Это особое подразделение верховного эмира, его личная гвардия. Лучшие воины Шамалея. Самир, это та девушка с Основы, о которой я тебе рассказывал.

Самир еще раз галантно поклонился.

— Я лишь недавно вернулся из Эльашра, — пояснил он, — и не успел никого пригласить на праздник. Могу ли я составить вам компанию?

Ильнара рассмеялась, а Юлька лишь благосклонно кивнула, разглядывая очередной образчик восточной красоты. Он был, пожалуй, даже выше Шандра, шире его в плечах и изрядно плотнее — настоящий атлет. На широком кожаном поясе с изящным тиснением в ножнах висел короткий кинжал, предназначенный для ношения в городе. Черты лица показались ей менее совершенными, подбородок чуточку его тяжелил, зато роскошная грива черных и прямых — до лопаток, волос, вызывала недетскую зависть. В целом он производил очень эффектное впечатление сдержанной, но готовой вырваться в любой момент силы.

Веселой компанией они еще немного побродили по улицам, но Юлька уже чувствовала, что устает и от веселья, и от толп, и от своих спутников. Она робко заикнулась о том, не осесть бы им в какой-нибудь таверне. К сожалению, все места в центре города были заняты, столик в таких случаях стоило бы заказать заранее. Поплясав вместе со всеми на одной из рыночных площадей, где на помосте играл небольшой оркестрик, Юлька засобиралась домой.

— Хочешь, я покажу тебе дворец эмира? — предложил ей Самир, отчего она сразу же встрепенулась.

— А можно? А как мы туда попадем?

— А туда пускают посетителей, — рассмеялся Наиль. — Только в общественную часть, и только по вечерам, когда там нет служащих. Ну и за деньги, конечно же, но небольшие — туристам самое то. Хоть сегодня и праздник, но я не думаю, что он закрыт.

— А вы пойдете с нами?

— Нет, — рассмеялся Наиль. — Мы там были, и не раз. Нас туда еще в школе водили, на уроках истории. Иди одна, Самир там как дома, думаю, он тебе все расскажет и покажет лучше нас. А мы с Ильнаррой позаботимся о Ролли, — подмигнул он ей.

Дворец Юльке понравился. Тонкая искусная каменная резьба, капители колонн в виде цветочных лепестков, яркая мозаика на стенах, причудливой формы арки — как лепесток клевера, высокие резные потолки из темного, почти черного дерева. Красиво и торжественно. Посетители тоже были, но редкие, Юльке показалось, что это скорее всего туристы из других земель. У выхода продавали горячие лепешки с фаршем и сыром, и она радостно и благодарно уплела несколько штук подряд, разве что не повизгивая от удовольствия.

Медленно двигаясь в сторону университета, они продолжали расспрашивать друг друга.

— А ты местный или откуда-то?

— Из Рувабе.

Эмират Рувабе находился на юго-западе от Саманданга, довольно далеко отсюда.

— А ты как сюда попала? — задал он встречный вопрос.

— Сюда — в Саманданг, или сюда- в Ар Соль? — уточнила она.

— В Ар Соль, конечно. Про Саманданг мне Наиль рассказывал.

Юлька выдала ему официальную легенду, придуманную для нее Пауками.

— И как, нравится тебе у нас?

— В целом ничего, — хмыкнула она, еще раз оглядывая его из под ресниц. Там, дома, такие красавцы ей ни разу не встречались. — Вернуться я все равно не могу, моя земля слилась с вашей в результате прорыва Грани, так что приходится теперь жить здесь.

— Удивительное у тебя ожерелье, — улыбнулся Самир, кивнув на камешки, висящие у нее на шее. — Ты знаешь, что это на самом деле?

— Конечно знаю, — фыркнула она. — Зря, что ли, меня в школу Джмар взяли?

— Редкая вещь, — продолжил он, осторожно касаясь большого красного камня у нее на груди, оправленного в загадочный сплав дымчато-черного цвета. — Обычно делают или щит, или концентратор, а тут оба сразу, и очень удачно синхронизированы. У меня, например, только концентратор. А что у тебя базовое, а что ударное?

— Базовый у меня джив, — сказала Юлька, — и ударный он же, говорят — редкость, чтобы базовый и ударный совпадали. Устойчивость к наэру, говорят, прям феноменальная.

— Ого, — восхищенно воскликнул Самир — Редкость... Только тогда зачем тебе щит от наэра, если ты и так к нему устойчива?

— Это подарок, — пояснила Юлька. — Почему именно так — не знаю. Концентратор настроен на фэйр, у меня это самая слабая стихия.

Ожерелье ей подарил Хэйген, когда она выбрала Саманданг, настояв, чтобы она носила его постоянно. Выглядело оно как изысканное украшение из синих и красных камней в дымчато-черной оправе, но на деле эта вещь представляла собой сложное изделие школы Джмар, состоящее из щита, оберегающего владельца от определенной стихии, и концентратора — накопителя одной из сил.

Воспоминание об их последней встрече испортило ей настроение. Рессер много расспрашивал ее о Саше, заставляя рисовать его психологический портрет. У нее не получалось: оказалось, не так уж хорошо она его знает. "Зачем тебе это нужно?" — спросила она, устав и рассердившись на него. "Чтобы знать, как он поведет себя дальше. Вечная сущность сейчас начнет перемалывать его под себя, так что о человеке по имени Саша ты можешь забыть". "Что, людей жрать начнет?" — спросила она с отвращением. "Именно так. Сначала ему будет тошно, потом он обнаружит, что это не так уж плохо и приносит массу приятных ощущений" "По себе судишь?" — с презрением спросила Юлька. "И по всем остальным тоже, — холодно ответил он. — Я, знаешь ли, тут не один такой." "Не будет он, — почти выкрикнула она. — Он нормальный, это вы тут привыкли к богам-каннибалам. А он — другой" "Был другой, — ответил Хэйген насмешливо. — В тебе говорит любовь поэтому ты веришь, что все обойдется" "Не в любви дело, — яростно крикнула она. — Может, тебя она и перемолола, твоя ипостась. Сашу не перемелет. Он сильный. Он порядочный" "А разве любовь — это плохо? — задумчиво спросил он. — Даже у самых жестоких преступников были матери и жены, которые их защищали" "Тогда чего ты прицепился ко мне?" — спросила она с раздражением. "Ну, мне кажется, что твоя оценка необъективна", — примирительно ответил он. "Тогда какого черта ты спрашиваешь?" "А кого мне спрашивать? — вдруг разозлился он. — Кольера, что ли?"

— Да, я вижу по цвету, что это фэйр, — кивнул Самир. — Также странно, логичнее было бы настроить на тот же эгри, чтобы тебя усилить.

— Ну, я Крылатая, мне эта штука реально помогает не уставать, когда летаю, — пояснила Юлька, выныривая из раздражения, навеянного воспоминанием о холодном официальном прощании. Ворон был сух, Шандр — печален, Гвенда рыдала в три ручья. Надо наведаться в Альбре, подумала она неожиданно. Хотя бы Гвенду повидать, да с Ролли

полетать... Здесь леталось плохо — жарко было, горячий ветер бил в лицо, иссушая кожу и мешая дышать. Крылатых здесь водилось немного — все больше виммы, лошади и шеадари.

— Ты уникальная, — с восхищением сказал ей ее новый поклонник. — Я вот, к сожалению, хорошо летаю только в вимме, и то, если с автопилотом. Зато в конных состязаниях я всегда прихожу в числе первых.

Юлька с трудом сдержала серьезное выражение лица. Хвастун, да и только. Как все здешние мужчины.

— Надеюсь, ты позволишь мне встретиться с тобой еще раз, — робко попросил Самир, и она, вздохнув, согласилась. Как же такому откажешь?

Глава 3. Чужие шеадры

Домен Гевора находился в Ирнанском Полесье, в долине реки Фьера. Ирнанское Полесье простиралось от предгорий Реара до Изумрудного моря. Сплошь покрытое лесами, чем-то оно напоминало мне Тайрем, но лес тут был совершенно иной, дубовый и буковый, местами — сосновый, растущий на известняковых скалах отрогов Реара и южнее. Замок, вернее, несколько замковых комплексов, назывался Фьерхольм. Главный был выстроен на скале у подножия горы, остальные располагались ниже по долине, и там, вдоль течения реки, находилось много-много маленьких городков. Снаружи замок сохранил свой старинный облик, а внутри был полностью модернизирован: двери открывались и закрывались сами, окна меняли прозрачность в зависимости от времени дня, температура и влажность воздуха колебалась в зависимости от погоды, бесшумные стеклянные лифты скользили внутри старинных башен. Благодаря современным технологиям каждая капля природной энергии использовалась в обслуживании домена. Я всегда восхищался умением техноасов и именно Гевора Крейга сохранить старину и так вписать ее в современность, что они казались единым целым и естественным продолжением друг друга.

Мы расположились на закрытой прозрачным стеклянным куполом террасе с видом на долину. С внешней стороны купол был непрозрачен, его поверхность напоминала каменную кладку, отчего он идеально гармонировал с замковыми стенами, не нарушая общий ансамбль. Там, внизу, города и деревушки светились в темноте множеством праздничных огней, взлетали фейерверки, но шум праздника не долетал до просторного и немного сумрачного зала — казалось, что ты сидишь на улице в абсолютной тишине.

Вино у Гевора было с собственных виноградников из южной провинции Карнай. На мой придиричивый вкус — чересчур плотное, я больше любил игристые сладковатые вина Долинной марки.

— Тебя видели с Лани, — прокомментировал Гевор. — Развлекаешься?

— Она первая начала, — рассмеялся я. — Злой я был, когда пришел, надеялся как-то пар спустить, прежде чем к ним явлюсь.

— И как? — ухмыльнулся он.

— Ну, немного остыл, — признался я.

— Зря, — решил он. — Лучше б ты свой запал на Реваля потратил, а не на эту вертихвостку. Они тебя не слышали.

— Да я и так сомневался, что услышат, — признался я. — От Ваэля я, конечно, не ожидал... хотя... Ваэль еще год назад намекал.

— Расскажи свою историю, мою ты вкратце уже знаешь. А я потом кое-что дополню.

Я пересказал все с самого начала, опустив некоторые подробности, зато добавив накопившиеся за это время соображения. В ответ Гевор описал в деталях, что произошло с ним. Получалось, что события развивались последовательно, сначала напали на него, потом — на меня. Сходство оказалось поразительным, только его пытались зацепить, внедрив яд, меня же целенаправленно убивали. Мне повезло, что за много лет я научился драться, пробуя разные виды оружия — иногда от скуки, а иногда целенаправленно стремясь улучшить свои навыки боя. Гевор не был поклонником боевых искусств, несмотря на свою эффектную леопардовую ипостась, и предпочитал полагаться на ум, технику и изобретательность. Как Вечный, он был моложе меня, но ипостась обрел позже, в 52 года, и

поэтому отличался трезвостью суждений, просчитанностью поступков и дальновидностью.

— Скажи, это ты искал карты Награ и Либрума в Элласаре, в спецхране Южного Фертз и в других хранилищах? — спросил я, вспомнив, с чего начинались наши с Шандром расследования инцидента, когда Саша и его спутники перешли грань.

— Нет, — удивился он. — А почему ты так решил?

— След пах техноасами, — признался я. — Было много косвенных свидетельств.

— Нет, — повторил Гевор. — Клянусь.

— Земли в Шеннон-Аре вдоль грани с Анг-Миртом выкуплены тобой? Корпорация "Блик"?

— Нет, — в его голосе зазвучало удивление. — Что за контора?

— Зарегистрирована в Кархе. Один из куполов — нефтеперегонка — заявил, что работают под тобой. У них там два шеадра на три шеадари, ставили Горностаи.

— Нет, точно не мое, — задумчиво возразил он. — Что указывало на меня?

— Документы с водяными знаками твоего домена, — насторожился я. — Ссылки на тебя в разговоре.

— Ты сам там был или кто-то из твоих?

— Не сам, но люди надежные.

— Зря я сегодня на Эрлен напал, — после паузы вздохнул он. — Эту часть ты тоже слышал?

Я кивнул. Я следил за Кольером и, когда к нему присоединилась Эрлен, обернулся с уменьшением и тихо сидел за ближайшей статуей, изгиб тела которой хорошо закрывал меня-вороненка от Вечных.

— Думаешь, она не лгала, что лаборатория не ее? — удивился я.

— Ей невыгодно. Если я докажу, что она запрещенными экспериментами балуется, Вагабр обязан принять карательные меры.

Я кивнул.

— Тогда чье это?

— Да чье хочешь, — хмыкнул он. — Ловко придумано — прикрыться Вечными, не имея к ним отношения. Проверить сложно. Да и не обязательно, что это кто-то из Вечных, — продолжил он задумчиво. — Разумные тоже не промахи.

Я подошел к краю террасы, с восхищением разглядывая долину. С удовольствием бы здесь полетал. Красиво...

— Я тоже люблю... побегать, — Гевор словно прочел мои мысли. — Особенно вон там, — он кивнул на соседний горный склон, полностью покрытый сосновым лесом. — Знаешь что... есть у меня одна догадка и давай-ка, прежде чем продолжать, ее проверим. Тем более, именно вместе с тобой ее проверить лучше и правильнее всего — ты все-таки Ворон. Шеадры — твоя тема.

— Думаешь, пути не те, что заявлены? — предположил я.

— Думаю. Есть догадка, куда они ведут.

— Сейчас?

— А что? Самое время. Нас никто не ждет. Или ты обещал Лани вернуться?

— Ты переоцениваешь мою выносливость, — рассмеялся я.

— Я очень рад, что ее недооценивают твои враги, — очень серьезно парировал он.

На объекте действительно никого не оказалось. Ну, почти никого. В охране стояли только камарды и нигийцы, дети подлунных земель, для которых День Солнца ничего не

значил. Я уменьшился до размера чаю, а Гевор, разбежавшись в облике пардуса, легко перемахнул через забор. Вернув себе человеческий облик, мы оба зашли в полутемное душноватое помещение.

— Будем проверять? — спросил я, разглядывая шеадари с красивым домиком на озере, судя по пейзажу — явно в предгорьях Реара. Все стандартно — подпись, номер, табличка. Не придерешься.

— Знаешь, на что это похоже? — медленно произнес Гевор. — На вид вот той очаровательной усадьбы на озере, от которой открестилась Эрлен.

— Давай я первый. Если в течение десяти минут я не возвращаюсь, вали отсюда, — сказал я, и Гевор утвердительно кивнул.

Настроившись на преломления Грани, я убедился, что шеадари исправен и действительно ведет между землями. Сделав шаг в картину, я оказался внутри такого же душноватого полутемного помещения. На той стороне висел незнакомый городской пейзаж, я быстро глянул на номер шеадари (первые три цифры говорили мне, что ставили его опять не мы) и осторожно приоткрыл дверь, прислушиваясь к звукам снаружи и готовясь мгновенно превратиться в Ворона, вернее, в вороненка, и спрятаться где-нибудь в темном углу. С той стороны было тихо. Я приоткрыл дверь, убедился, что коридор пуст, и так же осторожно пошел к следующей двери. Хм, расстояние маловато, поставлено с нарушением техники безопасности. Коридор привел меня к выходу на улицу. Оставив себе щель, я принял облик, тихонько проковылял по каменным плитам и, не найдя никого на крыльце, торопливо взлетел в небо.

И впрямь очаровательное место... Небольшое горное озеро тускло поблескивало под светом полной луны, аккуратный особнячок с зеленой черепицей, украшенный яркими настенными фресками, спал крепким сном, и только два нижних окошка в торце дома едва светились. Чуть в стороне на территории стояли еще два одинаковых двухэтажных здания современной постройки, в некоторых окнах тоже горел свет. Шеадр находился в здании, выполненном в виде складского сарая. И да, расстояние до жилых построек в два раза меньше, чем положено. Горностаи должны получить соответствующее внушение за подобное варварское нарушение техники безопасности.

Вернувшись обратно, я позвал Гевора. Быстро оглядевшись, он кивнул.

— То самое место. Думаю, второй шеадари проверять нет смысла, а вот третий весьма любопытен. Я тут присмотрелся, пока ждал.

Мы вернулись обратно.

— Смотри, — кивнул Гевор на третью картинку. — Что это, по-твоему?

Я бросил взгляд на номер шеадра.

— Ты не на циферки свои смотри, а на рисунок, — рассмеялся Гевор.

Я отошел назад и стал разглядывать пейзаж, изображавший какое-то место в предгорьях Лунного кряжа. Потом скалы показались мне чуть более острыми, чем обычно, а цвета земли и неба — не совсем типичными для Шеннон Ара.

— Можешь предположить, где это?

Я отрицательно покачал головой. Вернее... не отважился озвучить неожиданную мысль, пришедшую мне в голову.

— Пошли, — и Гевор подтолкнул меня к картине.

С той стороны мы оказались в глухом подвале, перегороженном пополам мелкаячеистой решеткой. На стандартную раму для маскировки шеадари была натянута

непроницаемая серая пленка, поверх которой стояла ничего не говорившая мне надпись..

Гевор осторожно толкнул дверь-решетку и мы вышли из помещения, миновали длинный коридор с двумя поворотами вправо, поднялись по осклизлой лестнице и в итоге уперлись в запертую бронированную дверь.

— Подожди, — Гевор поймал развернувшегося в обратную сторону меня за рубашку. — Сейчас. — И он положил руку на замок и замер, прислушиваясь. Одно из уникальных умений Гевора-Пардуса — находить контакт с любыми механизмами, от простейших рычагов до архисложных электронных плат. Меньше чем через минуту замок щелкнул и Гевор уверенно толкнул дверь.

Мы находились во дворе строения, похожего на огромный жилой дом, построенный по типу многоэтажек Старой земли, только без окон, зато со множеством террас, засаженных незнакомыми растениями. Небо, грязно-серое, словно старая тряпка, низко нависало над высотной безликой коробкой, местами подсвечиваясь неровными огненно-оранжевыми полосами.

— Узнаешь?

Я все еще не верил.

— Полетай, только осторожно. Хотя вороны здесь есть, такие же, как и у нас.

Я трансформировался и взлетел, сделал несколько кругов над террасами, рассеивая последние сомнения, и спустился обратно.

— Да, это действительно Анг Мирт, — признал я. — Я здесь был, вернее, не именно здесь, а в похожем месте, когда проводил разведку. Но откуда об этом знаешь ты?

— Пошли домой, — сказал Гевор, возвращаясь к двери. — Я рассказал не все.

Вернулись в Фьэрхольм мы уже под утро. Гевор напрямик прошел на кухню и, сунув мне в руки поднос, навалил на него всякую всячину из двух огромных холодильников. Прихватив еще пару бутылок вина, мы расположились на террасе над долиной. Там, внизу, все еще кто-то гулял.

— На самом деле это не первый шеадр, ведущий в Анг Мирт, с которым я сталкиваюсь. Помнишь мой второй домен в Кэммон-Аре?

— У тебя там почти вся земля — домен, — сказал я. — Точнее.

— Тиренг, — пояснил он. — Некоторое время назад, где-то с полгода, я обратил внимание на двух сотрудников среди персонала, которые показались мне странными. Меня привлекла внешность, но я не мог сообразить, чем именно. Оба элезы, но была в них какая-то едва заметная чуждость в облике, что-то в разрезе глаз, в форме носа и строении черепа, но самое главное — меня удивила их высокая приспособленность к сумрачному свету и искусственному освещению. Как известно, многие ассары Ар Соль, если только не родились в Подлунных Землях, не могут долго находиться в пещерном, замкнутом пространстве Кэммон-Ара. Эти двое время от времени попадались мне на глаза, потому что мои сотрудники особо выделяли их за выносливость, терпение и за удивительную способность к адаптации. Мы не экспериментируем с генетикой разумных не-зависимых рас, но лично я бы хотел иметь побольше таких работников. Я стал выяснять, откуда они родом, чтобы отследить и изучить возможную положительную мутацию среди постоянных обликом, и, поручив копнуть глубже, обнаружил... пустоту.

Я решил, что наткнулся на шпионаж с Основы, хотел уже к тебе обратиться, да остановился, не рискуя выставить себя идиотом. Ни о каком шпионаже со Старой Земли, если хоть на минуту задуматься, и речи быть не могло. Я приставил за ними хвост и

достаточно быстро обнаружил, что время от времени они навещают одно хитро спрятанное место в Кэммон-Аре. Пещерная камера, нежилая, в глухом, заброшенном участке шахты, подход к ней перегорожен решетками с замком и запрещающими знаками обвала. Тут я подключился сам, отпер все двери и в результате оказался у точно такого же шеадра без картинки. Шеадр я определил по эманациям наэра и фэйра, шедшим от куска стены. На всякий случай вооружившись, я рискнул пройти и в итоге выбрался под вот это серое небо, только не на территории города, как мы с тобой, а с внешней его стороны.

Мы долго следили за обоими, установили сеть их контактов, но они мало что дали — все в пределах Кэммон-Ара, ни один из них не вел в другие земли, или, возможно, цепочка была очень длинной, или, что тоже возможно, связывались они каким-то иным способом. Несколько раз я сам делал вылазки на ту сторону, чтобы осмотреться, потом подключил хорошо обученных ребят из моей же разведки, чтобы попытались внедриться. Трое неплохо освоились, но на постоянной основе внедриться получилось только у двоих. Сейчас они там, но на связь выходят исключительно редко, очень уж неудобно расположен анг-миртский выход. Хорошо, что мы нашли этот, сюда легче внедрить своего человека и поддерживать постоянное сообщение.

— Одиночный шеадри можно где хочешь воткнуть, лишь бы место изолированное. Передай своим, что если найдут, где, я сам и поставлю.

Гевор удовлетворенно кивнул.

— Можем и этим пока попользоваться, — сказал он.

— Другой вопрос — чьих это рук дело, — задумался я. — Шеадры Горностаи ставили. И не могли не знать, куда именно ведут пути.

— А если — нет? Если ставили обычный, внутренний, а потом настройку поменяли?

— Без мастера Путей им не справиться, — возразил я. — Преломления для настройки на Анг Мирт неизвестны, это тебе не по справочнику параметры вывести. Не хочешь Кинэна спросить, кто у него такой сообразительный?

Гевор покачал головой

— Не хочу пока. Я и так уже пожалел, что про лабораторию на озере при всех заикнулся. Не спугнуть бы... Кстати, а в своих ты полностью уверен?

Я ответил не сразу.

— Нет, — мне было неприятно это признавать, но мы оба — и я, и Шандр пришли к выводу, что в день нападения меня вели свои и, судя по всему, с помощью перенастроенных зеркал и визоров, с настройкой точно на меня. А это — высший пилотаж. Работал кто-то очень умелый и недобрый, обиженный на нашу службу в целом или на меня в частности.

— Не факт, что обиженный, — возразил Гевор, выслушав меня. — Могли и обмануть, убедив, что наблюдение нужно для твоей же безопасности и тобою одобрено. Или точно так же, как с этим шеадром — пришли, прикрылись приказом Главы Пауков, настроили Зеркало...

— Нет, это мы в первую очередь отработали, — возразил я. — Но следы остались на двух зеркалах, их успели зафиксировать. Шандр начал расследование раньше, чем я объявился, и кое-что успел. Знаешь, что меня беспокоит гораздо больше?

— Что кто-то из наших в сговоре с Анг Миртом?

— Именно. И по-крупному так в сговоре. Может, даже прорывы Грани как-то связаны с событиями на нашей стороне.

— Возможно, — согласился Гевор. — У вас есть учет прорывов?

— Конечно. Время, место, пространственные характеристики, приблизительное количество нэргов и гранеедов, дальность продвижения, количество брошенных сил, затраченное время... другие подробности... В последнее время еще и фиксация визорами добавилась, — сообщил я

— Серьезный подход, — хмыкнул он. — Можешь передать записи моим аналитикам? Вдруг найдут что-нибудь любопытное.

— Могу, — согласился я. — Кстати, по поводу мастера путей. Есть оригинальный способ его выявить. Соревнование. Когда-то давно, еще при Анте, кажется, проводился такой любопытный конкурс среди мастеров Путей, в котором участвовали и Следопыты, и мастера Коллегиума, и студенты-пространственники. Номинаций много было, Ант по ним талантливую молодежь искал.

— Он был элементом или пространственником? — поинтересовался Гевор. — Всегда хотел понять, по какому принципу божественная сущность выбирает себе носителя. Сам знаешь, тут одни гипотезы, и те... корявые.

— Ни тем, ни другим. Он из Пауков, из охраны порядка, отдел убийств. Детектив, короче, — усмехнулся я. — Но это редкость. Судя по книге, Вороны действительно — или пространственники, или элементы.

— Пардусы больше технари, — пояснил Гевор со своей стороны. — Но бывают и элементы, причем в основном это школа Эгрох, а не Джмар.

Потом мы какое-то время просто пили, обсуждая последние новости и сплетни. Мы давно с ним не виделись, было о чем поговорить. Под конец я потерял счет выпитым бутылкам, а когда собрался домой, солнце уже встало, и я понял, что взлетать мне лучше прямо отсюда, с узкого открытого балкона, вовсе не предназначенного, чтобы по нему гулять, и не позориться попытками подняться на верхнюю площадку для вимм.

— Последний вопрос, — остановил меня Гевор, когда я уже вышел из-под купола и пытался поймать нужное для трансформации ощущение. — Кому из Вечных ты доверяешь?

— Даллаху, — ответил я твердо. — Ширин, но не во всем. Это нельзя назвать недоверием... есть вещи, которые она не поймет. Тебе. И то — не до конца, уж извини.

Гевор рассмеялся.

— Даллаху я тоже почему-то доверяю. И тебе, пожалуй даже больше, чем ты мне. Остальным — нет.

Я кивнул.

— Спасибо.

Обернувшись, я почувствовал, что мне даже лететь тяжело. Домой, срочно домой... спать.

Глава 4. Старые домены

Саша аккуратно приземлился на верхнюю площадку своей башни — башни Аспида, где находились личные покои главы ордена. Это была его третья с момента принятия ипостаси охота. Первая случилась чуть больше месяца назад и повергла его в глубокий, пополам с отращиванием, шок. Во время второй он пытался остановиться, помешать стихийному существу, полностью подчинившему его разум и тело, но не смог даже изменить направление полета. В самом конце, подчинившись власти Змея, его бурный протест затопило опьянением потекшей по жилам горячей жизненной силы, от которой приятно покалывало все тело и кружилась голова. Сегодня же, печально смирившись, что противоестественный голод опять вывернул его наизнанку и погнал в предгорья Реара в поисках подходящей добычи, он неожиданно получил глубочайшее и постыдное удовольствие. Экстаз и наслаждение оказались сильнее сексуального. После секса приходила усталость, а после охоты сила бурлила в венах, даря длительный восторг, кипучую энергию и ясность мысли. Даже обратная трансформация становилась менее болезненной, хотя он уже привык к ощущению мгновенного ледяного ожога и приспособился к изменению баланса. Ему понравилось летать, он постепенно обретал координацию и стремительность, а гибкое и легкое тело Змея становилось все более привычным и комфортным. Он пока не мог находиться в нем долго, его время от времени выбрасывало из состояния всемогущества. Размер тела тоже не менялся, как бы ни хотелось ему стать больше. Кольер уже не раз объяснял ему, что Нигейр изначально не гигантский и не должен им быть, и не надо равняться на Ворона, единственного из всех Вечных, кто мог вырасти в полнеба или уменьшиться до размеров птенца. "Можно стать в два раза больше от базового облика, но не в сто," — говорил он со строгостью учителя в голосе, но Саша втайне мечтал обрести облик не просто летающего змея, а сказочного дракона.

Еще он хотел знать, как часто Вечные охотятся и как относятся к этому обитатели Ар Соль. Ответ его удивил и успокоил: жители знают об этом с детства, для них это естественно; насчет частоты охоты Кольер ничего конкретного сказать не мог, у разных сил все происходит по-разному.

— Можно спросить Эрлен, — предложил он, задумавшись. — Все равно я обещал ей вас познакомить. У нее сильная животная ипостась, попробуй сравнить ее и свои ощущения, может, оно тебе чем-то поможет.

Саша не возражал, к тому же понимание, что с равными себе надо как-то налаживать контакт, вызывало в нем неуверенность. Он не любил испытывать это чувство — проще преодолеть его рывком, избавившись от сомнений простым и категоричным способом.

Легко сменив облик, он одернул на себе куртку, поправил ножны с кинжалом, торопливо спустился вниз по лестнице и оказался в том же самом зале с библиотекой и оружием на стене, который он когда-то показывал Юльке.

Там, в кресле напротив камина, его уже ждала пепельноволосая зеленоглазая женщина, очаровательно изящная и смертельно опасная. Он подошел и наклонился, чтобы поцеловать кончики ее пальцев. Она благосклонно улыбнулась.

— Я помню нашу первую встречу, — начал он, понимая, что ему необыкновенно нравится цвет ее глаз. — Вы так же очаровательны в облике Рыси, как и в человеческом.

Она удивленно приподняла брови.

— Как приятно встретить вежливого... Вечного, — улыбнувшись, она встала, чтобы оказаться с Сашей рядом — они были почти одного роста. Ах нет, это каблуки делали ее столь высокой, каблуки да правильно подобранный костюм. — В последнее время я чаще получаю упреки в коварстве, чем комплименты в адрес моей женственности.

— Мне очень жаль, если это так, — ответил он, стараясь быть искренним.

— Кольер говорил, что ты хочешь знать про охоту, — она подошла к окну и выглянула наружу. — Извини, мне тут дьявольски интересно, сам понимаешь, никто из нас, ныне живущих Вечных, никогда не был в башне Аспида.

— Я могу устроить экскурсию, — предложил он.

— Давай. А я пока расскажу. Или ты лучше спрашивай, мне так проще.

— Как часто это нужно делать?

— Змей в тебе сам потребует, если ему это понадобится, — хмыкнула она. — В обычное время — раз в месяц, в среднем. Иногда ты срываешься, если зол, устал или раздражен. Иногда тебе тошно, и ты пытаешься от этого удержаться. Если твоя человеческая часть ранена или больна, ты какое-то время не сможешь этого делать, а принятие облика потребует сил, зато потом, когда начнешь восстанавливаться, охотиться будешь чаще, чем раньше. Знаешь что... перестань переживать из-за охоты. Смирись. Это самый простой путь.

Саша кивнул. Кольер повторял ему то же самое. Показав ей зал с библиотекой и оружейной стеной, он кивнул на спальню с гардеробной и потом повел ее наверх, на внешнюю площадку башни.

— Потрясающе, — с чувством сказала Эрлен, восторженно глядя на горы. Саша наблюдал за ней, пытаясь понять, что он испытывает к этой женщине как Змей и как мужчина. Змей чувствовал ее энергетику: стихии эгри и рох, ровными волнами исходившие от нее. Школа Эгрох, подумал он. Он уже знал, что его базовая рабочая стихия как Вечного — это эгри, ударная — наэр, устойчив он к джив, а уязвим к рох.

Как мужчина... она дразнила его и вместе с тем вызвала опасения. Сейчас бы он не рискнул к ней подступить. Рано. Но вот потом... надо подождать, решил он для себя. У него теперь бесконечный запас времени. Вечность, если будет осторожным, конечно.

Поежившись, она встряхнулась и решительно направилась вниз.

— Ах вот вы где, — Кольер, войдя в зал, пристально всматривался в своего подопечного, но Саша был спокоен и даже благодушен. Не рано ли он оставил мальчика с этой ведьмой? — Алекс, разреши представить тебе еще одного Вечного. Знакомьтесь — это Кинэн. Мы договорились насчет восстановления шеадра в Нагре. Завтра мы покажем ему место и он направит туда своих специалистов.

Саша с удивлением смотрел на невысокого худощавого юношу, почти мальчишку, белокожего и темноволосого. Длинные прямые волосы делали и без того узкое лицо острым, тяжелый толстый нос еще больше искажал изначально гармоничные черты, зато живые глаза с хитрым прищуром и тонкие насмешливые губы выдавали в нем ироничный склад характера и подвижный ум. Он точно так же, пристально и насмешливо, уставился на Сашу, а потом неожиданно рассмеялся.

— Ну да, мне 292 года, — сказал он, разведя руками. — Что, не похоже?

— Нет, — согласился Саша.

— Погоди, проживешь столько же, тоже будешь ржать, когда на тебя таращатся непосвященные, — прокомментировал он весело. — Кстати, Эрлен, признайся, сколько тебе лет, а то я что-то комплекую на твоём фоне.

— Какое тебе дело, — с раздражением ответила она, садясь в кресло и подтянув под себя стройные ноги в серебристо-серых обтягивающих брюках.

— Она моложе тебя, — вступился за Эрлен Кольер. — На целых 50 лет.

— Ой, а я-то не знал, — хмыкнул Кинэн. — Так, Алекс, зови меня по имени, и давай отбросим церемонии. Кстати, давай еще немного о деле. Может, мы сразу обследуем и обновим шеадари в Эльашре и в Рувабе, чтобы сто раз не бегать?

Саша не сразу понял, о чем он, а когда сообразил, отрицательно покачал головой

— Я там еще не был. Честно говоря, я до сих пор мало знаю об этих местах, — он сбился, смутившись. — То есть я знаю, что там были домены Нигейра, и что туда, как в Нагр, нужно вернуться, но до этого еще очень долго, как мне кажется.

— Нагр — это не домен, это обычный очаг, — сказал Кинэн. — И даже не очаг, а кладовка.

— Извини, Верховный, но ты не очень хорошо понимаешь значение Награ для ордена Аспида, — заговорил Кольер нравоучительно, но Кинэн только махнул на него рукой.

— Да все я понимаю, начинать с чего-то надо. Но домен для Вечного важнее банального склада оружия.

— Почему? — поинтересовался Саша, с опасением глядя, как этот непоседливый мальчишка по очереди снимает со стены оружие, примеряет его к себе, с восторгом размахивает и, сунув его подскочившему Кольеру, хватает следующее.

— Очаг — это всего лишь точка, где Вечный базируется или присутствует. Домен... Пожалуй да, ты не очень хорошо понимаешь, что это такое, потому что ты нездешний и у тебя не было времени разобраться. Домен — это территория, где ты главный. Тебя тут чтят, тут везде только твои храмы. От этого зависит твоя физическая сила и жизнеспособность. Разумные приходят в храм, думают о тебе, просят или благодарят, или даже проклинают или ненавидят, неважно, какого полюса их энергия. А ты-Вечный этим подпитываешься. Их чувства — это твоя сила. Второе — это твое экономическое благосостояние. Все земли платят налог, называется варах, 7 процентов от общего дохода каждой из земель идет Вечным. Если на этой территории есть несколько Вечных, то доход делится равномерно между всеми, с небольшим перевесом у того, кто на этой территории доминирует. Если же ты контролируешь территорию один — весь доход твой. У нас на самом деле есть некий паритет, старые многовековые договоренности, кто где сидит и чем занят, и все равно, все пытаются отщипнуть друг у друга хоть что-нибудь. Взамен ты даешь разумным стабильность, благополучие, работу, защиту и покровительство, если что. Часто — суд, если гражданские власти почему-то не справились с проблемой. Давай рассмотрим, как это выглядит на примере Ар Ирнана. Твой главный домен — это Реарские горы. Если ты зайдешь в жилище обычного обитателя Кархи, предгорий или горных долин, на южной стене дома ты увидишь образ Нигейра, и, может быть, Лануэль, если в доме живет семья, а не кто-то одинокий. Здесь до сих пор платят варах Нигейру, хотя Нигейра нет, что удивительно, но это заслуга Кольета, — Кинэн уважительно кивнул в сторону старого нага, — который в свое время объединился с Эрлен и не дал предыдущему Пардусу захватить контроль над территориями. Ирнанское полесье, или собственно Ирнан — это вотчина Гевора, там ты своих изображений не увидишь. Все, что есть на этой земле — производства, пищевые купола, добыча ископаемых, виноградники — под его контролем и весь доход с земель — его. А вот в Долинной Марке на южной стене будете вы оба, плюс, может быть, опять Лани, Даллах или Эрлен, если это дом Двуликих. Но Лануэль, Даллах и Эрлен с этих земель дохода

иметь не будут, потому что эти земли не являются их официальным доменом. Другое дело, что тебя давно не было, и Долинная марка теперь тоже полностью под контролем Гевора. Твои изображения есть, но их немного, в основном в семьях потомственных воинов, но варах все равно идет Пардусу.

— А что мешает маркграфу Полесья или там например элесским бергам забить на это дело? — любопытствовал Саша. — С какой стати кто-то должен что-то платить? У них у всех есть боевые дружины, охрана, гвардия... И кстати, с какой суммы этот налог платится и что делать, если эта сумма занижается?

Эрлен расхохоталась.

— Чувствуется экономически грамотный человек, — хихикнул Кинэн. — Проверять. Педантично и сурово, с регулярностью и терпением. Они не имеют права отказать твоей инспекции. Поймать на лжи и прищучить, чтоб неповадно было. А насчет забить... Хочешь исторический пример?

— Конечно, — кивнул Саша.

— Пару тысяч лет назад город Лах, это в Элезии, в Южном Аскареме, благополучный и богатый, решил, что покровительство Даллаха ему не нужно, — начал Кинэн, угомонившись насчет оружия и приступив к книгам. Увидев, что многие из них зашифрованы, он быстро потерял к ним интерес и на некоторое время уселся в кресло. Кольер, не скрывая вздоха облегчения, позвал слугу и попросил принести напитки и закуски. — Это был большой торговый порт, и они чаще молились Золотой ящерице, чем исконному защитнику. Даллах терпеливо подождал пару лет, не вмешиваясь и надеясь, что люди одумаются, но этого не произошло. Постепенно из города ушли все Повелевающие жизнью, а это, как ты знаешь, не только биологи куполов, которые нам пожрать выращивают, но и врачи. Когда там вспыхнула эпидемия, помочь им никто не захотел. Город вымер. Полностью. Даллах подождал еще немного, предупредив редких выживших, чтоб уходили, потом пришел туда, топнул пару раз копытом, и все — город в труху. Землетрясение. Чтоб неповадно было.

— Пожалуй, я тоже от себя добавлю, — мурлыкнула Эрлен. — Причем не такая уж старая история, дело было при моей предшественнице. Остров в Ар Иллиме, два домена — мой и Альсара, но в какой — то момент Двуликих там осталось совсем немного. Остров считался центром артистической жизни. Когда-то там обитала большая диаспора Двуликих, и они меня чтили. Местные отказались от Эрлениумов, и да, перестали платить. Эрлен Лаура долго ждать не стала... На остров потянулись новые двуликие расы, причем исключительно низкоразумные или дикие, откуда-то с глухих районов Тайрема и Ферта. Участились нападения, как на своих, так и на гостей острова, вандализм, грабежи. Остров сразу стал небезопасным и основной бизнес рухнул. Думаю, ты догадываешься, что потом последовало. Пришлось не только платить, но и каяться.

— Таких примеров много, Алекс, если пройтись по нашей истории, — продолжил за нее Кинэн. — Народ знает, что гневить Вечного опасно для жизни. Хэйген Ант, например как-то прилюдно растерзал одного непочтительного брэнна, за то, что тот осмелился критиковать его поступки. Бунт в Шеннон Аре против весьма жестких рабочих условий на территориях Пардуса закончился взрывом, убившим всех, кто слишком громко возмущался.

— Можно продолжать до бесконечности, — добавила Эрлен, замирая перед подъехавшим к ней столиком и не зная, что выбрать — то ли кофейник, то ли графин с вином. Наконец она взяла пирожное и слуга налил ей кофе.

— Давай вернемся к тебе, — предложил Кинэн — Вернее — к Нигейру

— Хорошо, — кивнул Саша. — Что с доменом Нигейра?

— Как ты уже знаешь, второй базовый домен Аспида — это Ар Шамаль.

— Менталитет у них там соответствующий, — пояснила Эрлен. — Они без ножа даже в туалет не ходят.

— Проверяла? — хихикнул Кинэн.

— Конечно, — обворожительно улыбнулась она.

— А кто сейчас контролирует эти территории?

— В основном — Реваль. Сердгент полностью под его контролем, за исключением Саманданга и Карраны, которые они делят с Ширин, Рувабе — с Лануэль. Кельбелу и Эльашр, ранее принадлежавшие Аспиду, они тоже прекрасно поделили с Ширин. Что стало с малыми очагами Нигейра, которые были в каждом из эмиратов, я не знаю.

— Спасибо хоть не разрушены, — буркнул Кольер.

— Очень хорошо. Очаг — это тоже доход, только небольшой, — продолжил Кинэн. — Очаг на территории чужого домена — один процент дохода. Хотя представь себе один процент от Саманданга... Ты ведь знаешь, что это наш финансовый центр, — тут Кинэн хихикнул. — Неплохо Ширин устроилась, а? Видишь, все у нас на самом деле упирается исключительно в материальные вопросы, — хохотнул он.

— Получается, что современные владения Аспида по сравнению с тем, что было 800 лет назад, уменьшились как минимум вчетверо, — подытожил Саша.

— Именно так и получается, — подтвердил Кольер. — Чтоб ты понимал, Нагр в Ар Хойте — это очень маленький очаг, точка, которая по сути ничего не приносит. Он нужен, потому что далеко и удобно расположен для экспериментов с оружием, и добраться туда по земле почти невозможно.

— А Либрум?

— Либрум надо искать, — вздохнул Кольер. — Когда-то он тоже был в Ар Шамале, но при мне его переносили и я, молодой Наг, не был допущен к этим делам.

— Насколько верны сведения, что Наги вели эксперименты с зависимостью и им удалось? — спросила Эрлен.

— Верны, — коротко сказал Кольер. — Они были в самой ранней, зачаточной стадии. Но алгоритм был найден. И да, скорее всего, там сохранилось оборудование, и должны быть все расчеты и схемы.

— Ты уверен, — изумился Кинэн.

— У меня даже есть доказательства, — с печальной улыбкой сказал Кольер.

— Что именно было в Эльашре? — любопытствовала Эрлен. — Только школы, или что — то еще?

— Лучшая школа боевых искусств после наган-кархской, — с гордостью сообщил Кольер. — Все дети знати и все мало-мальски талантливые шаамы проходили через нее, и из них мы могли отбирать себе лучших.

— Ты сам ее заканчивал, — предположила Эрлен.

— Да, — согласился тот. — Второе — это производство холодного оружия. Все высокотехнологичное оружие — иглопалы, парализы, арлы, суперсовременные скоростные баллисты, которыми виммы можно сбивать, делается в Реарских горах и частично в Шеннон Аре, особенно то, что заряжается силами и требует работы специалистов Джмар или Эгрех. А вот обычное холодное, которое так ценят в Шамале, Элезии и в Иллиме, все изготавливается в Ар Шамале. Есть небольшая специализация по типам клинков в

зависимости от эмирата, но она несущественна. Сейчас все это в руках эмиров и под контролем у Ревалья.

— Да уж, — проворчал Кинэн, активно нюхая вино в графине. Пить он не стал, предпочтя кофе и сожрав все остальные пирожные с блюда, но вот темно-красная жидкость вызывала у него чуть ли не детский интерес. — Реваль никогда и ничего не отдаст просто так. Боюсь, тебе придется поставить весь Ар Шамаль на уши, чтобы убедить его, что с тобой стоит считаться.

Когда они остались одни, Саша спросил Кольера:

— Встреча с эмиром Эльашра — завтра?

— Послезавтра, — уточнил Кольер.

— А что сейчас... с самими домами... ну, местами силы, крепостями, где обитал Нигейр... что там было?

— Стоят, — пояснил старый наг. — Туда не попасть, как ты помнишь, пока ты сам туда не войдешь. После этого они начнут оживать, но пока ты сам не зайдешь в собственное место силы, оно никого туда не впустит.

— Мы сможем там побывать до того, как встретимся с эмиром?

— Конечно, — удовлетворенно улыбнулся Кольер.

Несколькими днями спустя он стоял на башне крепости Ортлер, задумчиво и восхищенно глядя на простиравшиеся под ним каменистые, поросшие скудной и жесткой растительностью холмы, на юге переходящие в плоскогорье. Крепость поразила его до глубины души: казалось, она росла из скалы, доминируя над окружающим пространством. Донжон имел форму идеального кольца, к которому примыкали четыре подковообразные башни, ориентированные по сторонам света, а между ними находились еще четыре малые башни-эркеры. Круглый внутренний двор был обрамлен двухъярусной галереей со стрельчатыми арками и восьмиугольными колоннами, покрытыми тонкой шамальской резьбой, а в центре двора располагался резервуар для воды, сверху защищенный стеклянным куполом. Сохранность внутренних помещений оказалась хуже, чем Награ, и ордену предстояло восстанавливать влагоуловители, насосы, обновлять всю энергетическую систему, не говоря уж о таких банальных вещах, как мебель. К счастью, орден был богат даже сейчас, в эпоху упадка, и Саша, имея солидный опыт планирования расходов, уже прикидывал, что придется сделать в первую очередь.

Эльашр был виден на горизонте в виде охряно-желтой точки. Сама земля тут казалась другой... Вся жизнь сосредотачивалась в городах, за древними крепостными стенами, которые укрывали летом от знойных и засушливых ветров и палящего солнца, зимой — от промозглого холода и ледяных дождей. Только два северных эмирата, Серджент и Сеннар, изобиловали растительностью, а климат здесь был мягче и щедрее к его обитателям. Центральный эмират Эльашр имел зеленые лесные зоны, покрытые можжевельными и кипарисовыми лесами, на севере и западе, но дальше на юг и на восток тянулись степи, переходящие в засушливые пустынные земли эмиратов Кельбела и Рувабе. Да, древняя, мудро выстроенная и тщательно хранимая система каналов позволяла выращивать на этих почвах хорошие урожаи, а под все теми же куполами — и вовсе не бояться жары, потому воды и пищи тут было достаточно. Еще здесь было очень немного двуликих рас, из исконных — только варды (полуящеры во втором облике), остальные, уроженцы либо более зеленых, либо более прохладных частей Ар Соль, нелегко адаптировались к жаркому климату. Зато теплолюбивым лэйсе и шеннон-арским хархам, так похожим во втором облике на больших

сиамских кошек, Шамаль пришлось по душе.

Внутри городских стен кипела жизнь. Шеадры стояли на значительном удалении от городских ворот, но одиночные шеадари были зачастую встроены в стены городских башен или находились отдельно, окруженные садами. Промышленные купола и купола биостанций и энергостанций тоже располагались в стороне от городов, как и везде, закрытые куполами, или встроены в систему стен. Именно такие хорошо обустроенные жилые оазисы, большие и малые, и представляли особую ценность для шаамов, и именно за них все время шла подспудная, а иногда и реальная, война.

Сейчас эмир Эльашра, Зариф, просил помощи против Кельбелы, которая пару лет назад беспардонно присвоила несколько эльашрских территорий. Саша принял решение стать на его сторону, потребовав взамен исконную часть вараха и половинную долю от будущего грабежа Кельбелы. Эмир согласился с некоторым сомнением, но в тот же вечер ему доложили, что в небе над Ортлером видели огромного золотистого Змея... С этого момента Зариф был исключительно конструктивен, деловит и уверен в исходе их маленькой будущей войны.

Саша понимал, что их единственные преимущества — это внезапность и воздух. Испокон веков в Шамале воевали на земле, используя конницу и немного — пехоту. Он договорился с Зарифом направить командиров гвардии ноа тренировать мухарибов — воинов эмира, но снаряжать виммы он собирался у себя дома, в Наган-Кархе, не привлекая внимания остальных. В ближайшее время он планировал устанавливать на стенах Ортлера специальные бронебойные баллисты против вимм, оборудованные современной оптикой. Именно такими был в настоящее время защищен Наган-Карх, и именно на их производство он собирался бросить все силы. Мало было взять Кельбелу, надо было ее удержать, так же, как и защитить сам Эльашр. К счастью, баллисты были компактные, переносные, делались из современных композитных материалов; те, на которых устанавливались концентраторы эрги, имели хорошую скорострельность и дальность полета до 2х хааров, обычные были послабее, но тоже надежно прикрывали объекты с воздуха. И, конечно же, надо было срочно учить операторов, а значит, искать талантливую молодежь для начала у себя дома, а потом и здесь, в Шамале.

Его голова бурлила новыми идеями и планами, и наги смотрели на него горящими глазами, полными восторга и обожания. Иногда ему казалось, что сам дух ордена изменился, что исчез тот самый тонкий налет упадка и уныния, что незримо присутствовал в те времена, когда он только попал в Наган-Карх. Сам он не чувствовал усталости. Завтра требовалось скрытно добраться до второго, младшего шамальского домена, крепости Ахра, расположенной между Кельбелой и Карраной, и посмотреть, можно ли накануне атаки спрятать там воздушный отряд вимм и прикинуть расстояние для броска на крыльях.

Глава 5. Безумный зубр

Я летел в Далерну, поговорить с Даллахом. Прошло больше двух недель после карнавала, а я до сих пор не нашел времени это сделать. Затеянный конкурс мастеров путей мы с Шандром хотели провести подальше от густонаселенных мест. Ант делал его в восточном Тайреме, в местечке Суреза, расположенном восточнее Далерны в долине реки Суза. Река там разделялась на два больших рукава — Верхняя и Нижняя Суза, посредине которого лежал длинный остров с маленькой деревенькой разумных Двуликих и двумя анклавами низших. Возможно, Даллах даже помнил это мероприятие, он когда-то много контактировал с Антом, хотя, насколько я понял, друзьями они не были. Даже если не выстрелит идея вычислить загадочного мастера шеадров, полезно будет посмотреть на то, как работают мастера путей Кинэна, потому что шеадры-то они ставят бойко, а разгрести их косяки, если что, приходится нам. Иногда их проколы бывают такими заковыристыми, что даже я, с моим богатым опытом, захожу в тупик.

Все утро я провел в Элласаре, сначала — с верховными бреннами Аскарема и Ферта, потом — с Рейдом, главой элезианской школы сил и стихий Эгрох. Накопился ряд вопросов, которые мы все время откладывали, пока в конце концов откладывать стало уже некуда. Потом я отправился в Элласарский университет, где уже несколько десятков лет через год лично читал курс прикладной пространственной механики — преломлений, сложнейший предмет, без которого ни один шеадр не построишь и ни один путь не откроешь. Год здесь — год в Рузанне, в столичном университете. Была идея пропустить этот год, что-то я подустал от этой рутины, да и курс стоило бы переработать в соответствии с последними исследованиями в этой области, но меня опять уговорили. Работать с молодежью мне нравилось, но это требовало терпения и, что немаловажно, дисциплины и определенной систематичности, а мне иногда бывало трудно вписываться в университетское расписание. Собственно, семестр еще не начался, но я предпочитал заранее все обговорить, чтобы потом не думать о деталях.

Покружив над Далерной, я сел и обернулся прямо на крыльце личных палат Даллаха. Навстречу мне выбежали две девушки — элезианка и кицу, которых я неоднократно видел среди его ближайших помощников. Обе они выглядели встревоженными.

— Верхового нет уже неделю, — сообщила одна из них, отводя меня в покои, вторая же опасливо огляделась по сторонам, убеждаясь, что нас не слышат. — Его видели в облике зубра в нескольких хаарах отсюда, но он почему-то не возвращается.

— Ну и что? — удивился я. — Для Вечного, тем более такого старого, как Даллах, это в порядке вещей.

— Нет, нет, — замотала головой кицу, а на глаза у нее навернулись слезы. — С ним что-то... не так! Он действительно часто гуляет по лесам в облике зубра, но когда он нам нужен, мы находим его и просим вернуться.

— И он сразу же оборачивается и идет с нами в человеческом облике, — подхватила вторая. — Если он далеко, мы прилетаем на вимме, и обратно он летит с нами.

— А сейчас, — продолжила кицу, — он не только не слышит наши просьбы, он и приблизиться к себе не дает.

— Верховный, пожалуйста... — взмолилась другая. — Поговорите с ним. Мы не знаем, что делать. Нам почему-то кажется, что ждать... неправильно.

— Попробуем разобраться, — заверил их я бодрым голосом, но нарисованная ими картина мне сильно не понравилась. Я, конечно же, вспомнил себя недавнего, как я сам, будучи заблокирован в человеческом теле, на какое-то время полностью потерял контроль над стихийным существом, моей второй половиной, и с трудом вернул вечный облик. Но то я. Даллах, самый древний из нынешних Вечных, был мудр и весьма опытен, а про стихийные стороны нашей братии знал гораздо больше, чем все мы, вместе взятые.

Я сделал несколько кругов над Далерной, поднялся повыше и увеличился в размерах — так я лучше и дальше вижу. В далернской чаше его не было. Ничего удивительного, Тайрем очень красив, и почему бы его божеству не побродить по лесам и рощам? Ему могли попросту надоест шум, суета и бесконечные дела его домена. Ему могло попросту надоест быть человеком, за столько-то лет. Иногда накатывает и на меня. Приходит чувство, что все это ты уже видел и слышал сотни раз, что ты крутишься в бесконечном колесе, скитаешься и бродишь одними и теми же путями, пытаешься сойти с них и все время на них возвращаешься, и мучительно хочется прервать, прекратить этот путь. Склонны ли Вечные к самоубийству? Их человеческая сторона — однозначно да. Я не забыл, как стоял на верхней площадке Западной башни после похорон Марты. В ее смерти была и моя вина... вернее, там было очень, очень много моей вины. Я, собственно, тогда так и сделал, вот только Ворон перехватил контроль над сознанием раньше, чем я долетел до земли.

Я резко взмыл вверх, выключая воспоминания. Хватит. Где Даллах? Описав широкий круг над лесом, я попытался прислушаться к пронизывающим меня потокам силы — джив, эгри, рох, фэйр и наэр. Даллах — средоточие джив и много рох, где они, эти потоки? Мы, Вечные, чувствуем стихии друг друга... я могу не видеть Даллаха глазами, но я узнаю, услышу, почувствую его приближение.

Я ничего не чувствовал.

"Эйла, где он?" — позвал я на помощь мою зеленоглазую подругу.

"Там" — ответила она, и в моем сознании замелькали картины какой-то лесной опушки. Кажется, в передаваемых ею изображениях мелькнуло что-то вроде берега реки. Что ж, попробуем пролететь вдоль Сузы, это все же легче, чем бессмысленно кружить над чашей.

Вскоре я нашел его, медленно бредущего вдоль берега в верховьях реки, очень далеко от родной Далерны. Снизившись, я несколько раз пронесся перед ним, приглашая к разговору. Он не отреагировал, продолжая в том же темпе брести дальше. Хорошенько обогнав его, я трансформировался в человека и стал на его пути, ожидая, пока он приблизится. Грозный лохматый зубр чуть больших, чем естественные, размеров, медленно, но неотвратно брел мне навстречу, не собираясь ни останавливаться, ни сворачивать. Он подошел почти вплотную, когда я позвал его по имени.

— Даллах, надо поговорить, — сказал я громко, но он даже не повернул головы в мою сторону — он так и брел вперед, не замечая возникшего перед ним препятствия. Мне пришлось отступить в сторону, давая зубру идти своей дорогой. — Даллах, — крикнул я вслед удаляющемуся зверю. — Слышишь меня? Если да, дай мне знак. Ну хоть хвостом махни!

Зубр медленно удалялся, такой же безучастный, как и раньше.

Я снова обернулся, поднялся вверх и принялся наматывать вокруг него круги, стараясь пролететь прямо у него перед носом. Никакой реакции — он словно меня не видел. Снова отлетев подальше, я вернул себе человеческий облик и опять стал у него на пути, на этот раз — отчаянно размахивая руками и выкрикивая его личное имя — Ямин. Какое-то время я шел

рядом, пытаясь разговаривать с ним, как с человеком, но он не отзывался. Я даже предпринял дикую попытку удержать его за длинную шоколадно-бурую шерсть, и это единственное, что вызвало реакцию зверя — он недовольно мотнул головой и дернулся вперед, вздрогнув, как от удара. Это меня и насторожило. Внимательно присмотревшись, я увидел, что в нескольких местах из его мощного тела торчат оперения стрел.

Снова обернувшись, я тщательно осмотрел его со всех сторон, обнаружив три стрелы и еще две отметины от них. Две мне удалось выдернуть на ходу, одну никак не получалось подцепить клювом, пришлось снова принять человеческий облик и попытаться вытащить ее руками. Не тут-то было — зубр стал убегать от меня, отшатываясь в сторону и ускоряя шаг. Что ж, я добился хоть какой-то реакции. Получив от него раздраженный удар головой, хорошо хоть не рогом, я вытащил третью стрелу. Зубр замедлил ход, остановился и уставился на меня темными, неподвижными глазами.

— Ямин? — спросил я с глубочайшей болью в сердце. — Ты слышишь меня?

Зубр молчал, неподвижно уставившись в одну точку.

— Ямин! — заорал я, ткнув его кулаком в лоб. Неожиданно он закрыл глаза и медленно, всем своим тяжелым телом осел на землю.

Собрав стрелы когтями, я как безумный рванул в Далерну. Оборачиваться, держа в человеческих руках эту гадость, я не рискнул: все, что на мне, трансформируется вместе со мной, только металл замедляет трансформацию и утяжеляет тело, аэродинамика меняется. Нужно было срочно оказывать бедняге хоть какую-нибудь помощь.

Вернулся я, ведя за собой несколько вимм с его приближенными и помощниками: мы надеялись, что я найду его на том же самом месте, но к сожалению, Даллаха там уже не было. Сделав круг, я увидел его на высоком берегу Сузы, где он с истинно бычьим упрямством пер сквозь густую чащу, ломая громадным телом ветки. Он остановился на небольшой прогалине, свесив морду вниз и явно глядя на воду. Там, внизу, тянулась узкая полоса песчаного берега, поросшего низким кустарником. Потоптавшись на месте, зубр попытался спуститься к воде, но заросший молодым сосняком и кустами склон не давал ему это сделать. Зубр замер в неподвижности, подняв голову к небу, а потом неожиданно ударил изо всех сил копытом о землю. Потом — еще раз. И еще.

Даже в воздухе я ощутил эти толчки. Земля и небо вздрогнули раз, другой, огромный кусок берега стал медленно оседать вниз, к воде. Жуткое это было зрелище — валящиеся вниз куски земли вперемешку с соснами. Удивительно, но падая вместе с ними, зубр даже не потерял равновесия. Оказавшись на песчаной полосе, Даллах побрел к кромке воды, не обращая внимания на продолжающийся осыпаться берег. Добравшись до реки, он зашел в воду по брюхо и принялся жадно пить.

Я развернулся над речкой и дал знак виммам следовать за мной. Найдя опушку леса, я сел и трансформировался в человека, подождав своих спутников. Вид у них был крайне растерянный и испуганный.

— Вы можете объяснить, Верховный, что это с ним? — с ужасом в голосе спросил немолодой локки, его ближайший помощник.

Я отрицательно покачал головой.

— Могу только предположить, что человеческая часть его личности почему-то полностью потеряна, — сказал я тихо. — У меня есть пара догадок, но пока очень призрачных, — я поискал глазами кого-нибудь из целителей и остановил взгляд на хорошо знакомом кицу, еще недавно лечившем меня самого. — Поставьте наблюдателей на крыльях

или виммах, снизу он вам ничего не сделает. Как только он ляжет, а он когда-нибудь да устанет, попробуйте обработать раны и взять анализ на яд. Одну стрелу я у вас заберу, хочу отдать Ширин, пусть они посмотрят. Далее... — я задумался, понимая, что придется принимать крайние меры, и принимать их придется мне лично, потому что второй хозяин этих мест все-таки я. — Срочно убирайте всех разумных с его дороги. Патрулируете территорию с вимм, всех, кого найдете, сажаете и увозите. Если надо — я пришлю Пауков, они помогут. Далее... я вернусь домой и прикажу закрыть долину Сузы и Далернскую пуцу для любых перемещений, кроме самых необходимых. Еще я временно перекрою все здешние шеадры, кроме вашего далернского, и пришлю Пауков для его охраны. К сожалению, если Даллах вызывает землетрясение для того, чтобы спуститься к воде и попить, он серьезно опасен, увы. Вы уж простите, ребята, — вздохнул я, разводя руками, — но надо, чтобы от него пострадало как можно меньше народу. Срок вам до полуночи, чтобы эвакуировать людей из долины Сузы. В полночь я перекрою своей волей все пути. И посоветуюсь со школами Сил и с коллегами, чем ему можно помочь.

Старый локки кивнул.

— Мы понимаем, Верховный. Спасибо за помощь. Мы будем благодарны, если Пауки нам помогут.

На обратном пути я решил еще раз понаблюдать за Даллахом. Как так получилось, что зверь взял над ним верх? А как он тогда взял верх надо мной? И как он когда-то взял полный контроль над Нигейром, из-за чего его человеческую оболочку, полностью потерявшую личность, пришлось упокоить всем советом Вечных?

И что теперь делать? Повелевающие жизнью, конечно же, справятся и без своего Верховного, но чисто по-человечески они будут переживать и беспокоиться, так же, как и я сам. И что Даллах может натворить, забыв, что он человек и живет в мире людей?

Я нашел его, бредущего по брюхо в воде. Я уже решил, что он хочет переплыть речку, но Суза в этом месте широка, инстинкт самосохранения не должен позволить ему этого, но что если и он отключился? К счастью, на моих глазах зубр выбрался из воды, отряхнулся и потащился к лесу через им же и созданную груды земли и деревьев. Я снизился, в очередной раз пробуя обратить на себя внимание. В этот раз он меня заметил и принялся следить за мною, поворачивая голову. Похоже, купание немного улучшило его самочувствие. Я принял человеческий облик и опять попытался поговорить с ним, но на этот раз его глаза стали наливаться опасным зеленым свечением — признаком того, что сила Вечного рядом и он готов ей воспользоваться.

Я решил не рисковать и быстро ретировался, собираясь подняться вверх по течению реки и посмотреть лежащие на пути безумного зубра поселения, чтобы их сразу же предупредить. К счастью, места были дикими и безлюдными. Можно ограничиться закрытием всего нескольких шеадров по краям домена Даллаха, нет необходимости перекрывать весь Тайрем. Локально перекрыть грань или заблокировать переходы весьма сложно, но Вечному Ворону это по силам — с помощью Эйлы. Гораздо проще заскочить в каждый из шеадров и снять хотя бы один элемент кристаллической решетки, но это ж потом придется настраивать обратно каждый из них, да еще и с двух сторон, а это работа мастерам не на один день. Лучше уж я своей силой это сделаю, хотя головная боль мне потом обеспечена на пару дней, не меньше.

Через какое-то время я заметил, что за мной кто-то следует. Даже не зрением увидел, а ощутил справа, чуть сверху и сзади некое существо. Выгнув шею, я увидел... ворона, очень

похожего на меня самого, тоже неестественных для этой птицы больших размеров, но все же меньше моих нынешних. Потрясенный, я рванул вверх и повернулся, чтобы лучше рассмотреть тварь. Она оказалась неплотной, призрачной тенью меня самого. Особенно настораживали крылья: на их концах что-то поблескивало, а клюв с лапами казались непропорционально большими и выглядели гипертрофированно хищными — этакая боевая ипостась Ворона, заточенная под энергичное кромсание гранеедов и нэргов Анг Мирта, только менее реальная. Потрясенный явлением призрака, я сначала шарахнулся в сторону и трусливо дал деру, а потом, удалившись от него на порядочное расстояние, подождал, паря в прохладном воздушном течении над рекой, не спеша подрос, насколько позволила мне накопленная на данный момент в теле джив, и ринулся на него, желая посмотреть, как тварь отреагирует на внезапную атаку. Тварь, так же как тот зубр на земле, летела на меня, не сворачивая, словно модификант-зомби, натравленный на целевой объект. Ну что ж, рискнем, моя масса сейчас больше раза в два. Приготовившись к удару, я собирался делать рывок вверх, но неожиданно пролетел сквозь тварь, не встретив сопротивления. Проскочив дальше по инерции, я развернулся, чтобы понять, что именно произошло, но неожиданно птица исчезла, словно это действительно был некий морок. Был ворон — нет ворона. Я еще немного покрутился на месте и поискал его, даже вернулся обратно, к тому району, где обнаружил «хвост», но ничего не произошло — морок не вернулся.

Заскочив в Далерну за стрелой, я стремительно рванул прямо через Грань к себе в Альбре. Хорошо, что недавняя почти что смерть научила меня этому — ходить через Грань напрямую, не используя порталы и пороги. Надо было, как я и обещал, поднимать Пауков.

На следующее утро я встретился с Ширин и был потрясен очередными дурными новостями: двумя днями ранее то же самое произошло с Вагабром.

— Он получил три стрелы во время прогулки в лесах под Рузанной. Не охотился, — упредила она мой вопрос, — всего лишь вышел погулять в Вечном облике. Хорошо, что был не один — с женой. Она и стрелы быстро выдернула, и помощь привела. К сожалению, это помогло не сильно. Он так же, как и Даллах, никого не узнает и ведет себя так, будто человеческий разум его покинул. Мы с Балейром вчера были в Эксере, нашли его в полях, уже достаточно далеко от Рузанной. Печальное зрелище... Самое неприятное, что он тоже, как и Даллах, не осознает опасность своей божественной силы: несколько раз он разрушал лежащие на его пути дома.

— А что с охотой? — напряженно спросил я. Большая тема... Пора бы уж и мне сознательно убраться куда-нибудь в малонаселенное место и позволить Ворону пополнить силы: я уже начинал чувствовать его голод и твердо решил больше никогда не доводить дело до срывов.

— Да не очень обнадеживает, — вздохнула Ширин. — Загнал двух детеньшей Дзуликих, но есть не стал, видимо, не голоден. Ради охоты загнал. Его люди следят за ним и тоже убирают разумных из тех мест, куда он направляется, но шеадры вокруг Рузанной не закроешь, да и народу лучше о таких вещах не рассказывать, чтобы не провоцировать панику.

— Надо предупредить остальных, чтоб были осторожны, — сказал я. — Может даже до выяснения обстоятельств есть смысл воздержаться от охоты и поменьше принимать вечный облик.

— Сам-то ты своим советам следовать собираешься? — рассмеялась Ширин. — Ты ж половину времени в вечном облике проводишь.

— Буду поосторожнее, — вздохнул я. — Ну и можно летать повыше, чтоб баллисты не

достали.

— Наги такие баллисты стали делать — до звезды достанут, — фыркнула Ширин. — Слыхал, кстати, что наш юный Змей в Ар Шамале устроил?

— Слыхал, — вздохнул я. — Не ожидал, что он так ретиво возьмется за дело.

Вчера эмир Эльашра при поддержке Нигейра занял столицу Кельбелы, Кельб, и волной прокатился по всему эмирату. Эмир Кельбелы внес большой выкуп, чтобы остановить разрушение, после чего оба эмира — Эльашра и Кельбелы — присягнули на верность новому старому покровителю.

— Надо бы с Ревалем повидаться, но что-то он по гвору не отвечает, — озабоченно сказала она.

— Он где-то в наших краях, — успокоил ее я. — Реваля им будет сложно достать — он исключительно редко принимает вечный облик.

— Как ты думаешь, насколько опасен наш новый Змей с Основы? — спросила Ширин.

Я пожал плечами

— Не могу сказать. По описаниям, он неплохой человек, но что сделает с ним могущественная сущность, которую много сотен лет не выпускали на свободу? Что до войны... В родном мире он был человеком исключительно невоенной специальности, так что действовать будет скорее всего по представлениям о войне, подчерпнутым в литературе его родного мира. Я спрошу... его спутницу. Помнишь ее?

— Да, та девушка, бывшая жертва Кольера, — кивнула Ширин. — Что она все-таки выбрала?

— Школу Джмар в Саманданге, — ответил я.

— И как ей там?

— Не знаю, — ответил я, не желая углубляться в эту тему. — Надо бы проведать. Может, она что-нибудь подскажет.

Глава 6. Храм чужих богов

Тропа, прямая и широкая, терялась где-то за деревьями. Наиль уверял, что она ведет к очаровательному рукотворному озерцу, расположенному над большим подземным резервуаром с водой, и что там, в тени дубов и олив, можно будет спешиться, отдохнуть и перекусить взятыми с собой лепешками с вином. Самир молча улыбался, поглядывая на спутницу со смесью восхищения и покровительства: Юлька, впервые в жизни севшая в седло, старалась не жаловаться, хотя быстро устала от непривычного способа передвижения. Несмотря на очарование грациозным и сильным животным, она не получала никакого удовольствия от конной прогулки. От напряжения ломило мышцы, сидеть было некомфортно, жаркий воздух обжигал лицо, и только одуряющий запах можжевельника да очертания скал на горизонте как-то примирали ее с неудобствами. Хотя... компания тоже была исключительно приятной.

Самир нравился ей все больше и больше. Прошло уже несколько встреч с момента знакомства, и каждый раз она возвращалась домой в приподнятом настроении: он изрядно развлекал ее, будучи неплохо образован, неглуп и горяч. Воспитанный, красивый, темпераментный молодой мужчина, он привлекал ее не только элегантными ухаживаниями и галантными речами, но и чисто физически: ей нравился его запах, его осанка, его богатый и продуманный, по моде, наряд, и традиционное для всех шаамов оружие — короткий рувабийский кинжал и шамальская сабля, которые он всегда носил на поясе. Время от времени он рассказывал ей о службе у эмира, иногда — со здоровой иронией, иногда — с глубочайшей серьезностью. Ей нравились его рассказы, как нравились все истории о жизни в мирах Ар Соль: постепенно они становились частью ее реальности, словно воплотившиеся в жизнь сказки.

Юлька предпочла бы прогуляться на крыльях, но мужчины воспротивились, сославшись на войну в Кельбеле. Она уже читала новости и описания боев во вчерашних и позавчерашних газетах. Юльку, отвыкшую от бумажной прессы, поначалу изрядно раздражали бывшие тут в ходу газеты, журналы и рисунки от руки. Ее удивляло необычное сочетание архаичности и высоких технологий: пространственные порталы и бумажные газеты, многозарядные длительные мини-аккумуляторы в быту и отсутствие виртуальных СМИ. Она поначалу мучилась от невозможности быстро найти нужную информацию или мгновенно узнать новости, но потом привыкла к отсутствию интернетов-теленостей и ощутила облегчение, словно избавилась от постыдной и тягостной наркотической зависимости.

Зато здесь было некое подобие земного радио, в тех местах, где стояли гворы, и там можно было послушать и новости, и музыку; так же можно было взять в библиотеке любые записи и посмотреть дома, на воспроизводящих устройствах, проецировавших изображение на стену, как на экран. Еще тут цвели все виды живого театрального и музыкального искусства, от домашней самодеятельности и уличных трупп до государственных академических театров. Когда-то Румянцев вычитал, что еще в прошлом тысячелетии Вечные сознательно пресекли попытки развивать виртуальность, просчитав, что подобный путь развития заведет разумные расы в интеллектуальный тупик.

— Эх, вот бы хотя б издалека увидеть живого Нигейра, — мечтательно вздохнул Наиль, когда они, еще раз обменявшись последними новостями, замедлили ход, сворачивая на

узкую тропинку, петляющую между низкорослых можжевельниковых деревьев.

— Лучше не надо, — возразил Самир. — Опасно.

— Почему?

— Потому что. Нет ничего хорошего в появлении этого опасного зверя в наших небесах, — отрезал тот.

— Наоборот же, — неуверенно возразил Наиль. — Возвращение Аспида символизирует начало эпохи перемен, новых начинаний, нового витка развития...

— Не пересказывай мне вчерашние газеты, — фыркнул Самир. — Кому-то надо оправдать вассальную клятву Эльашра и возобновление былых союзов, вот они и пишут, — пояснил он, обратившись к Юльке.

— Хм, нам тут как-то на лекции говорили, что существование Нигейра не заключается только в совершенствовании оружия и не ограничивается военной философией, — заговорила она. — Что Нигейр — это Завоеватель. Внешний вектор развития, экстенсивный путь, расширение и захват пространства, освоение новых земель, открытие и подчинение новых рас.

— Официальная доктрина, — кивнул Самир. — Все верно. Скажи, неужели людям, чтобы развиваться, необходимо некое сверхъестественное существо, которое указывает им, куда и зачем двигаться?

— Ты меня спрашиваешь? — хмыкнула Юлька с насмешливым удивлением. — Для меня все эти ваши вечные, полулюди-полузвери — бред больного воображения. Я не верила ни во что, считая это обычной мифологией, пока живьем с парочкой из них не столкнулась. Впечатление, надо сказать, они оставили пренеприятнейшее. Ты попробуй, живя в нормальном, материалистическом мире, поверить, что вот тут, рядом, среди обычных людей, есть люди-нелюди и что они правят миром. Сейчас вот стала не романчики почитать, а настоящую историю изучать, плюс лекции — ну да, реально правят. Верю. И все равно — дикость.

— Оно может и странно, — перебил их Наиль, — но таков порядок вещей уже много тысяч лет. Мне, например, сложно представить твою, Юля, фактически безбожную цивилизацию, с ее стихийной неуправляемостью. У вас есть иллюзия контроля над процессами и над разумными, но на самом деле вы ничего не контролируете и любая стихийная сила может стереть вас с лица земли.

— Думаешь, наша управляемость и подчиненность делает нам честь? — хмыкнул Самир. — Для начала, не забудь, что многих Двуликих выращивают, как цыплят на биостанции. Всю жизнь они на поводке. А свободные ассары зачастую скованы условностями, особенно в тех местах, где много консервативных традиций. Много ты видел разумных, кочующих с земли на землю, или меняющих место обитания хотя бы раз в жизни? В моей семье, например, нет ни одного. У нас даже жен не принято из других эмиратов брать. В моей семье веками чтят Нигейра, Реваля и Лануэль, а образы на южной стене в диванной не менялись уже лет триста. Предмет гордости, — усмехнулся он. — А, еще четыреста лет назад кто-то из родственников удостоился величайшей милости Вечного Реваля. Большая честь для семьи, — язвительно закончил он.

— Какой милости? — не поняла Юлька

— Быть сожранным, — со злостью ответил Самир. — Он стал объектом охоты. Удовлетворил, так сказать, изысканный вкус Золотой Саламандры.

— У нас тоже кто-то в роду был, — кивнул Наиль. — Но очень, очень давно. И кажется,

даже, самого Нигейра...

— Теперь ты понимаешь, правда? — с горечью перебил его Самир, обращаясь к Юльке. — Он до сих пор гордится, что его предка съели.

— Должен же род чем-нибудь гордиться, — примирительно сказала Юлька. — Вкусный предок попался. Мясо там нежное, или кости тонкие... Бегал, опять же, не очень быстро, жирок нагуливал.

— А ну вас, — обиделся Наиль. — Вот из-за таких, как вы, и рушится уважение к традициям. И к корням.

— Я бы, например, с удовольствием уехал в Ирнан, в ту же Карху, к нагам, — продолжил Самир, — поучиться бы не только сабельному бою, но и рукопашному, да и вообще чему-нибудь новому, но ты что... — он досадливо махнул рукой. — Отец в ужас пришел, когда услышал. Кто род будет продолжать, Ваизы испокон веков служили эмирам, я первый, кто в Саманданг перебрался, ты должен закрепить мой успех и заложить новую традицию... Против его воли я не пойду, конечно же. Но и счастья мне это не добавит.

— Не понимаю только, причем здесь Нигейр, — покачал головой Наир. — Как раз наоборот, как мне кажется — теперь у тебя больше шансов попасть к нагам в обучение. Говорят, школу боевых искусств в Эльашре будут возрождать в первую очередь.

— Я о том, что развиваться человечество должно без древних чудовищ, которых почему-то держат за божеств, — раздраженно парировал Самир. — Достаточно воли и решительности.

— Может и так, но как ты собираешься держать такое развитие под контролем? — возразил Наиль. — Сколько было случаев в истории, когда бесконтрольное развитие приводило к катастрофе. Вот тебе пример — Анг Мирт. Да в принципе, далеко ходить не надо. Возьми проблему двуликих рас. Как ты, лишившись тех же Эрлен или Даллаха, будешь их контролировать?

— А зачем их контролировать? — удивилась Юлька. — Ваши Двуликие приличнее наших обычных людей.

— Потому что у каждого Двуликого есть хозяин, — пояснил Наиль. — Который, в свою очередь, имеет другого старшего хозяина, который подчиняется своему Вечному.

— Нет, не поэтому, а благодаря обычному воспитанию, — возразила Юлька. — Они с детства научены нести ответственность за оба свои облика, и за того зверя, что живет внутри них, и за человека. И могут с ним управляться на уровне инстинкта. Не все люди могут, кстати, — она вспомнила черную птицу над морем и поежилась. — С чего это они должны вдруг взбеситься и всех загрызть? Как раз в людях гораздо больше темного и неконтролируемого, — горячо закончила она. — Демон, знаешь ли, у каждого свой и далеко не все те, кто в человеческом облике, имеют мужество это признать и стать хозяевами своих демонов. А Двуликие с детства приучены это делать.

— А ты уверена, что это возможно без воли хозяина? — переспросил Наиль. — Без сильной подавляющей воли? Без страха и понимания, что наказание неминуемо? Почему-то часть низших разумных, не имеющих хозяев, плодятся, размножаются и нападают на себе подобных.

— Ну такая уж у вас цивилизация, — сказала Юлька. — Не все существа, внешне похожие на людей, являются полноценными людьми. Многие и по лесам шерстлявым гольшом бегают. Ваше двуликое общество — это больше продукт вдумчивого и системного воспитания, чем каких-либо сверхъестественных методов контроля за разумом. Культура,

понимаешь? Если с детства внушать ребенку, хоть Дзуликому, хоть постоянному, что гадить под кустом или кусать соседа нехорошо, а обрастать шерстью за столом вообще стыд и срам, да еще и своим примером образец подавать, то результат будет гораздо более предсказуем, чем призрачное наличие какого-либо воображаемого хозяина, который с тебя когда-нибудь что-нибудь спросит. А вот если никто свою шерсть прилюдно не демонстрирует и соседа не кусает, а отклонения всегда порицаются, то вмешательство мифического хозяина вряд ли когда-нибудь потребуется.

Наиль рассмеялся, но Самир по-прежнему оставался серьезен, глядя на Юльку с глубоким, заинтересованным вниманием.

— Ну а вы-то, на Старой Земле, во что верите? — спросил Наиль весело.

Юлька стала рассказывать все, что знала про земные религии. Получалось путано, мужчины оживленно и заинтересовано переспрашивали. Добравшись до места, они спешили у живописного рукотворного озерца с мостиками и скамейками по берегам, и укрывшись в тени старой оливы, достали лепешки, вино, и не торопясь перекусили.

— Вот куда бы я с удовольствием съездила, так это на домен посмотреть, — сказала Юлька на обратном пути. — Только чур не на этой зверюге, — хмыкнула она.

— Чей домен?

— С... Нигейра, — быстро поправилась она. — Вернее, на его новую крепость.

— Так-то она старая, — Самир нахмурился. — Старее Саманданга будет, хотя я точно не уверен в дате основания.

— Я бы тоже смотался, — мечтательно вздохнул Наиль.

— Чтоб вас там сбили, не разбираясь, кого нелегкая принесла? — ядовито осведомился Самир.

— Вряд ли собьют, — возразила Юлька. — Скорее принудят к посадке, задержат, расспросят, кто такие да зачем пришли.

— А вдруг Аспида в небе увидим? — продолжил Наиль. — Как он на прогулку полетел? Вон, говорят, Вагабр под Рузанной иногда в облике оленя прогуливается, Даллах по лесам бродит, а Ворон часто над Элезией летает. Вдруг нам тоже повезет?

Юлька промолчала, с неприязнью вспомнив недавнее "везение". Нет уж, лучше не надо. Хотя... Ее восхитили зарисовки Нигейра в небе, опубликованные в газетах. Такое необычное, красивое, изящное и грозное существо... Теперь она бережно собирала газетные вырезки с его изображениями, такими разными, но такими похожими, и втайне мечтала поскорее увидеть его в небе.

— Что ж, я подумаю, — вздохнул Самир озабоченно. — А то вдруг вы сами туда полезете... Для начала надо узнать, как добраться, шеадров там точно нет, на лошади далеко, а для виммы нужны точные координаты.

— А пока давайте в Каррану, — предложила Юлька. — Я уже столько наслышана про ее красоты, прям сил нет, как хочется.

— Вот в Каррану — с удовольствием, — широко улыбнулся Самир.

Вернувшись в город, Наиль повел ее лошадку в городскую конюшню, оставив их с Самиром неторопливо двигаться в сторону центра по узким, петляющим улочкам. Солнце еще не село, но уже клонилось к закату.

— Можно я кое-что тебе покажу? — спросил Самир, и Юлька благосклонно согласилась, надеясь, что это не отнимет много времени: у нее болела спина и с непривычки дрожали ноги. Он свернул в переулочек недалеко от центра и повел ее в какой-то

неприметный дворик. Тут все такие, подумалось ей, это особенность местного образа жизни: роскошные восточные дворцы за скромными стенами. Но в этом дворике роскоши не оказалось: в просторном патио с круглым каменным колодцем в центре, с белеными стенами и цветастой керамической плиткой стояло всего лишь несколько скамеек. Вытащив из-под одной из них ключ, Самир повел Юльку в полутемное помещение с такими же белыми, как и во дворе, стенами, отпер едва заметный замок и распахнул перед ней массивную дверь.

Там, за дверью, обнаружился большой зал, стены которого были сплошь покрыты фресками. Прямо напротив входа Юлька увидела изображенного в полный рост человека. Одет он был в светлые брюки и просторную тунику почти до колен, которую носили, судя по книгам, лет сто пятьдесят-двести назад. Ассар с правильными, симметричными чертами лица, при внимательном рассмотрении он казался смутно знакомым. Свод зала был расписан сюжетами с его участием: множество небольших рисунков с незамысловатыми, обыденными сюжетами, выполненными в светлых тонах с использованием сияющих красок, спускалось по стене, становясь книзу темнее и ярче. Менялись и сюжеты: здесь, на уровне глаз, человек в белых одеждах сражался с мрачными существами-демонами, неизменно их побеждая.

— Не все в наших мирах считают Вечных благом, — пояснил Самир. — Многие верят в Единого.

— Единый — тоже бог? — переспросила Юлька. — Божественная сущность вроде Вечных? Или он человек?

— Человек и бог, — ответил Самир — Обычный человек с богом в душе.

— Ваши Вечные — это тоже обычный человек с богом в душе, — проворчала она, внимательно разглядывая фрески. — Только богом является не человеческая его часть, а могущественная сущность, принимающая звериный облик. Они словно бы идеально для вашего мира приспособлены — для мира, где много разумных существ нечеловеческого облика и сознания.

— Единый — полностью человек, но он обладает всеми силами Вечных, его возможности не раскиданы по разным звериным телам, — объяснил Самир. — Он един для всех. И он не подчиняет себе разумных.

— Он тоже вселяется в чье-то тело?

— Он живет среди нас и борется с демонами, — продолжил Самир, уйдя от прямого ответа. — Однажды он явит себя людям и останется с ними навсегда.

Юлька пристально смотрела на человека в белой тунике, пытаясь понять, кого он ей напоминает. Устав от попыток уловить сходство, она принялась разглядывать верхние, нарисованные светлыми тонами сюжеты. Самир следовал за ней, поясняя некоторые из них.

— А где он сейчас? — спросила она, налетев на него, когда он остановился. — Что он делает, чем занят?

— Он защищает людей и Двуликих и борется с демонами, — Самир подхватил ее под руку, отведя чуть в сторону, чтобы она могла лучше рассмотреть общую картину.

— С демонами?

— Да. Присмотрись. Узнаешь? — он махнул рукой на фрески напротив нее.

Действительно, она стала узнавать в центральных рядах фресок существ, похожих на Вечных, но гораздо более уродливых и пугающих. Каждый сюжет рисовал поединок Единого с кем-нибудь из чудовищ, причем демон обычно уже был почти повержен. В нижнем ряду

фресок были изображены сами демоны и их жестокие деяния.

— Так, — хмыкнула Юлька. — Часть из вас считает, что Вечные — это демоны, то есть — абсолютное зло, подлежащее уничтожению?

— Правильно, — кивнул Самир. — Это существа, наделенные злой волей, которые вселяются в людей — заметь, только в людей, а люди, как ты знаешь, не могут менять облик, они созданы творцами постоянными. Демоны их ломают, подчиняя себе и заставляя убивать себе подобных. Зачем демонам наш мир? Они живут в Мааре, мире Некроса, и стремятся выйти в мир живых. Мы им молимся, верим в них, просим — благословляем — благодарим в храмах, и тем самым призываем их на свою голову. Благодаря нам они долго живут, в прямом и переносном смысле — питаются как нашими эмоциями, так и нашей кровью и плотью. Как ты думаешь, это нормально?

— В земной мифологии бывало и похлеще, — возразила Юлька. — Многим богам приносили жертвы, иногда даже новорожденными младенцами.

— То в мифологии. Сказки. Возможно, отголосок нашего совместного бытия, когда и боги у нас были общие. Кстати, не эти, знаешь? Другие. Эти появились после раскола земель. Поэтому наше учение считает, что Вечные — сущности не божественные, а именно демонические. После раскола мир был захвачен демонами из Маара и теперь они нами правят.

— Демоны могут творить как зло, так и добро, — возразила она, вспомнив Мефистофеля.

— Опять ты мыслишь как мы, — обрадовался он. — Но демон не равен богу. Зачем разумным существам демоны в качестве объекта веры?

— По-моему, единобожие в вашем мире невозможно в силу разнообразия рас, — покачала головой Юлька.

— Почему нет? Собственно, оно существует, вот оно, — он обвел рукой храм. — Только пока в зачаточном состоянии. Оно возникло совсем недавно.

— Ну хорошо, — задумалась Юлька, еще раз оглядывая фрески. — Почему Единый борется с Вечными? Зачем это ему?

— Вечные — пережиток прошлого. Человечество должно от них освободиться. Оно само может развиваться, организовать себя и защитить. Но для этого у него должна быть универсальная объединяющая идея.

— И это Единый, — подытожила Юлька. — Я поняла... Смотри, он у вас опять человек. А как же Двуликие?

— А ты присмотрись, — улыбнулся он. — Единый не имеет ярко выраженных внешних черт, он даже не двуликий, он многоликий. Он такой, каким увидишь его именно ты. Локки видит в этом изображении черты локки, у нигийцев он приобретает ряд их особенностей, ассар же увидит шаама, элеза или ирнанца, в зависимости от того, каков он сам. Он един. И в то же время у каждого он свой.

Юлька задумалась. А что, вполне себе годная идея для веры... Спорить бессмысленно. Какая разница, кто во что верит и кому как легче жить? Это не ее дело. Лезть с советами, спорить, критиковать и осуждать она никого не собирается.

Самир ушел куда-то в самую дальнюю часть зала и вернулся, протягивая ей потертую книгу в темно-коричневой обложке.

— Почитай. Я не слишком хороший проповедник, увы. Тут все — и о Едином, о том, откуда он взялся, его деяния, победы и поражения, лики демонов и их истинные деяния.

Борьба длится давно и она неравная, но мы верим, что однажды демонов не станет, и ему не надо будет скрываться.

— Сколько лет вере в Единого? — спросила Юлька, беря увесистый фолиант.

— Около 300, кажется. Можно посмотреть, когда книга издана, это одно из самых первых изданий.

Книга была издана 196 лет назад. Юлька полистала ее, цепляясь за красочные картинки. Лик Единого и тут казался то безликим, то знакомым и очень симпатичным, а демоны-Вечные устрашали. Она нашла тех, кого знала: Нигейр был изображен оранжево-огненным шипастым чудовищем, из пасти которого вырывалось ядовито-зеленое пламя, Ширин — уродливой тварью с непропорционально большой головой, налитыми кровью глазами, клыками, торчащими из пасти, и с перепончатыми крыльями, каждый сегмент которых заканчивался когтем. Ворон выглядел красноглазой гигантской тварью с крыльями, каждое перо которых напоминало саблю, а Эрлен имела хищную окровавленную морду, тоже с оскаленными клыками, желтыми горящими глазами и непропорционально уродливыми когтистыми лапами, когти на которых казались больше самих лап. Полистав страницы, она увидела и мелкотелую зверушку с грязной шерстью, с дырочками вместо носа, с висящим из пасти раздвоенным языком, с рваными ушами и мерзкой плотоядной ухмылкой, и только по подписи поняла, что это Кинэн Горноста́й. С трудом сдержав смех, чтобы не обидеть Самира, она согласилась почитать. С собой у нее ничего не было, кроме небольшой сумочки через плечо, поэтому книгу пришлось нести в руках.

Самир проводил ее до университетского дормитория. Темнело, но в апельсиновом саду перед подъемом на галерею, за которым начинались студенческие спальни, шумел и толпился народ, скамейки были заняты парочками, а в самом центре тусовалась хорошо знакомая компания, в которой неожиданно обнаружился Наиль. Махнув им рукой, он продолжил эмоционально с кем-то спорить, бурно жестикулируя. Юлька улыбнулась своему спутнику.

— Спасибо за прекрасный день, мне очень понравилось.

— Я попробую что-нибудь разузнать про Ортлер, — пообещал Самир. — И мы обязательно съездим в Каррану.

— Может слетаем? — поморщилась Юлька, краем глаза заметив, как кто-то очень знакомый быстро спускается с галереи и направляется в ее сторону.

— Тут через шеадр ближе и проще, — возразил Самир. — Можешь взять знакомых, если хочешь, компанией будет веселее. Хотя признаюсь, я не ходок по музеям.

— Вот ты где, — раздался рядом хорошо знакомый голос, — я тебя еще днем искал, — прокомментировал он, — а мне сказали, что ты уехала за город с двумя горячими шамальскими парнями.

Юлька поняла, почему не сразу узнала посетителя — его светлая рубашка с кое-как закатанными по локоть рукавами была небрежно расстегнута и заляпана грязью, брюки были тоже не в лучшем виде, копна волос, как всегда, казалась взлохмаченной, и — ни ремня, ни оружия, конечно же. Весь он выглядел так *демонически* несолидно на фоне элегантного, ухоженного, высокомерного Самира, что Юлька чуть не расхохоталась, особенно после свежего в памяти разговора о богах и демонах.

— Что ты здесь делаешь? — смеясь, спросила она, торопливо стряхивая с его рубашки явные следы земли.

— Не все студенты одинаково усердны, — прокомментировал Рессер с брезгливой

миной. — У некоторых от рождения кривые руки. Старая знакомая попросила посмотреть одну плохо работающую вещь, — продолжил он, кинув очень короткий и пристальный взгляд на Самира, которому явно не понравилось появление чужака. — Вообще, конечно, это не мое дело, ребята, но я бы не советовал сейчас совершать длительные прогулки за пределы городских стен. Саманданг не рядом с Кельбелой, но осторожность не помешает. Ситуация не слишком спокойная.

— А мы в Каррану собираемся, — сказала Юлька встревожено. — Думаешь, не надо? Рес пожал плечами.

— Даже не знаю. Может, подождете немного? Каррана от вас не убежит. Боюсь, в ближайшее время она может опять стать объектом раздора.

Самир глядел на неожиданного и непрошеного гостя с растущим недовольством.

— Позвольте нам самим решать, как распоряжаться свободным временем, — заявил он неприязненно, окинув досадную помеху с головы до ног не менее пристальным и цепким взглядом. Поискав оружие и не найдя его, он преисполнился явным презрением.

— Вы уверены, что сможете правильно им распорядиться, особенно взяв на себя ответственность за безопасность этой ланны? — как-то очень недобро спросил Рес, и Юлька почувствовала повисшее в воздухе напряжение.

— Мы будем осторожны, — поспешно заверила она его.

— Я позабочусь о безопасности ланны Юлии лучше шезема, — бросил Самир с неожиданной резкостью. Юлька поморщилась — шеземами в Ар Шамале уничижительно называли не-воинов, людей, не умеющих обращаться с оружием, а иногда и чужаков. Опасаясь недоброй реакции со стороны Хэйгена, она бросила на него осторожный взгляд и обнаружила, что тот смеется.

— Ладно, народ, будьте только поосторожнее, — благодушно ответил он. — Юль, мне бы надо с тобой поговорить. На ту же тему, только не злись опять, хорошо?

Юлька тяжело вздохнула. Ну что еще она может рассказать ему про Сашу? Они уже выяснили, что она на самом деле знает не так уж много подробностей его биографии. К тому же, ей совсем не хотелось беречь прошлое, ее душа только недавно перестала болеть.

— Может потом? — попросила она жалобно. — А то я что-то есть хочу... — не зная, как избежать этой темы, она продолжила. — И устала очень.

Рессер вздохнул.

— Да я в общем не сколько о нашем общем знакомом собрался спрашивать, скорее о вашей популярной военной литературе, — сказал он.

— Ланна устала, — с нажимом сказал Самир, беря ее за руку и явно собираясь отодвинуть подальше от подозрительного типа.

— Что ж вы так неосторожно, — хмыкнул тот. — Не бережете свою спутницу. И не кормите. Длинные прогулки, да еще за городом — штука чрезвычайно утомительная, а она еще и книжки тяжелые с собой берет.

Юлька чуть было не рассмеялась, но взглянув на окаменевшее лицо Самира, решила не накалять ситуацию. Рес забрал у нее книгу, в шутку взвесил ее на ладони, изобразив, какая она тяжелая, а затем открыл в первом попавшемся месте.

— А, знакомый трактат, — хмыкнул он. — Первая часть нудновата и страдает отсутствием логики. Вторая, на мой взгляд, гораздо увлекательнее.

— Ты знаешь? — изумилась она. — И читал?

— Конечно, — ответил он весело. — Там есть настоящие шедевры. Когда я читал,

особенно угогатывался над главами восьмой, кажется, и двенадцатой, которая про Альсара. Только на ночь не читай — кошмары сниться будут. А, еще перед едой не читай, если брезгливая, а то местами и стошнить может.

Юлька перевела взгляд на Самира, справедливо опасаясь, что подобные высказывания придутся ему сильно не по нраву. Она не ошиблась — шаам потемнел лицом, шея вздулась жилами, правая рука уже лежала на рукоятке кинжала.

— Я не разделяю ваше мнение, — ответил он, старательно сдерживаясь. — И ланна Юлия тоже, к вашему сведению.

— Правда? — насмешливо переспросил Рес. — Что ж, признаю, у нее действительно есть на то основания.

— Я считаю, вы должны извиниться за нанесенное нам оскорбление, — продолжил Самир, — тем более, что нанося его, вы были осведомлены, о чем говорите и я не могу искупить ваши слова вашим невежеством.

Юлька поспешила сделать шаг вперед, на всякий случай оказавшись между мужчинами. Рес, помолчав, недобро изменился и ответил со всей серьезностью.

— По правде говоря, я считаю большую часть этой книги оскорблением, — отчеканил он. — Клеветой. Но если вам нравится, никто не запрещает вам читать и верить. Это ваше право. Но боюсь, извиняться потом придется вам — передо мной, а мне это совершенно не нужно. Мне все равно. Давайте уже закончим дурацкий разговор, вы пойдете домой, а я накормлю девушку и мы поговорим о деле.

— Тогда мне придется заставить вас извиниться, — в голосе Самира звучала уже плохо контролируемая ярость, и Юлька испугалась, что тот сделает какую-нибудь непоправимую глупость. Она неожиданно осознала, что не представляет, что кроется за насмешками Хэйгена и что от него ожидать. Насколько атаки Самира задевают его гордость? Что будет, если он выйдет из себя?

Юлька поежилась, опять вспомнив гигантскую бешеную птицу над своей головой.

— Идите домой, юноша, — устало сказал Рессер. — Ваша спутница прочтет трактат и вы его потом обсудите, где-нибудь подальше от меня, а то у меня от собственных... теологических проблем второй день голова болит.

— Наиль, — крикнул Самир на весь двор, и, когда тот обернулся, жестом поманил его к себе. — Будь, пожалуйста, свидетелем. Я вызываю этого шезема на поединок, — выхватив кинжал из ножен, он бросил его под ноги Хэйгену, отчего тот только удивленно поднял брови.

Юлька охнула.

— Вы считаете, что эта паршивая книжонка стоит поединка? Вы действительно настолько низко цените человеческую жизнь, что готовы ее отнимать — или терять — ради... ради *этого бреда*?

— За бред вы ответите отдельно, — скрипнул зубами Самир. — Поднимите кинжал.

— Не хочу. Сделаем вид, что его тут нет, и разойдемся.

— Вы должны принять вызов, — вмешался Наиль. — Иначе покроете себя позором.

Рес оскорбительно рассмеялся.

— Ну-ну, позором... Юль, скажи мне, ты действительно разделяешь взгляды... эээ... авторов трактата на описанную здесь проблему?

Юлька, не очень хорошо понимая, что он имеет в виду, но подозревая, что речь идет о демонах, кивнула, надеясь, что став на сторону Самира, она, возможно, как-то сгладит

дурацкий конфликт.

— В чем-то они правы, ведь так? — примирительно ответила она, глядя ему в глаза и опять со страхом вспоминая кружащую над океаном птицу. — Ведь то, что там написано, не на пустом месте взялось. И наверно, правильнее уважать чужую веру, даже если ты с ней не согласен.

Рес выслушал отповедь с каменным лицом.

— Что ж, так тому и быть, — сухо сказал он. — Демоны так демоны, — он наклонился и подобрал кинжал. — Чем деремся? — будничным голосом спросил он.

— Подожди, — прохрипела Юлька внезапно севшим голосом, схватила его за рукав и оттащила в сторону. — Пообещай мне, что ты будешь вести себя... только как человек.

— А как я еще могу себя вести? — ядовито осведомился он. — А, ну да, как демон. Обещаю. Так чем деремся, лев Серджента? — ехидно спросил он, небрежно отстранив Юльку. — Я так понимаю, ваше базовое оружие — шамальская сабля? Я предпочитаю нигийскую. А лучше — две. Умеете работать двумя, или мне придется вас поучить?

— Вы уверены, что способны научить чему-либо воина особой гвардии верховного эмира? — свирепо вскинулся Самир.

— Вы хотите сказать, что уже не способны учиться? — съязвил Рес. — Бедняга эмир...

— Когда? — перебил их Наиль, с волнением следивший за перепалкой. — И где?

— Через неделю, — ответил Рес.

— Что, испугался? — презрительно бросил шаам.

— Некогда, — усмехнулся тот. — Совсем. Это вы тут... по оливковым рощам разгуливаете. Встретимся, кстати, у внешнего шеадра за восточной стеной. Утром, в восемь. Нет, в семь, в восемь я уже занят, — он оборвал фразу и повернулся к Юльке. — Всего хорошего, лэны и ланны. Приятного вам вечера.

— Ты же хотел поговорить, — прошептала Юлька жалобно.

— Расхотелось, — отрезал он, и, коротко кивнув Самиру, стремительной походкой направился к выходу. Проводив его взглядом, Юлька повернулась к Самиру.

— Зачем? — спросила она с тоской и усталостью.

— Наглец, — со злостью заявил Самир. — Шезем. К тому же, мне не понравилось, как он обращался с тобой — фамильярно и без должного уважения.

— Тебе в голову не приходило, что некоторым не нужно бряцать оружием, чтобы доказать свою мужественность? — печально спросила она.

Глава 7. Ночной налет

Поднявшись на стену, Саша с восторгом глядел на простершееся у его ног Северное нагорье. Невысокие, старые и пологие горы Шамалея с севера были покрыты густыми хвойными лесами. Крепость Ахра, очаг Аспида в Кельбеле, оказалась меньше и компактнее, чем Ортлер. Находилась она почти на границе с Сеннаром, скрытая в скалах Северного нагорья. По сути, это был огромный донжон с четырьмя круглыми башнями по краям и большой подземной пещерой с двумя отдельными тоннелями, проложенными под Сеннским хребтом и очень удачно выходящими с противоположных сторон хребта как на территорию Сеннара, так и в Кельбелу. Идеальное место, чтобы разместить войска или виммы, думал он, с восторгом осматривая пещеру и пролетая по тоннелям и на вимме, и в облике Змея. Идеальное место, чтобы держать здесь воздушный флот, когда он его создаст. Сейчас, для атаки на Рувабе много вимм не потребуется, хотя эмир Рувабе стремительно бросился устанавливать дальнобойные баллисты с оптикой, чтобы защититься от вимм с воздуха, но взять их в нужном количестве было негде. Саша предварительно приказал отправить всю свежую партию с заводов, принадлежавших ордену Аспида, сюда, в Ортлер, в Эльашр и Кельбелу, для удерживания и контроля захваченных территорий. Он попытался договориться с другим, не менее успешным производителем баллист — с техноасами, но те отказались иметь с ним дело, сославшись на запрет своего Верховного. В ярости Саша хотел совершить налет на Фьерхольм, но Кольер его удержал, объяснив, что поссорившись с Гевором Пардусом, он рискует быстро и позорно проиграть войну в Ар Шамале. У него банально не хватит ресурсов, нечем будет атаковать, потому что производство вимм и их комплектующих находится под полным контролем Технической Ассоциации, а то, что делается в Ар Лессене в зоне влияния Горностая и в Элезии у Хэйгена, производится строго по технологии Ассоциации и под ее неусыпным надзором. Кинэн, конечно, пообещал помощь, но его собственные мощности были весьма скромными, его домен производил только часть комплектующих и занимался конечной сборкой.

Он вспомнил свой первый бой в теле Змея... На сегодня это было самое яркое и самое сильное его переживание. Он напал на Кельб рано утром, когда только-только рассеялась тьма. Атака с воздуха была стремительной, виммы, на которые впопыхах ставили высокопрочные органопласты, чтобы защитить двигатели от баллист, сопротивления не встретили. Никто их не ждал. Бой на улицах длился всего пару часов, потом эмир Кельбелы сдался, присягнул на верность Нигейру, внося требуемый откуп за то, что они сохранят столицу и остальные города нетронутыми. Первым появившись в рассветном небе Кельба и ведя за собой виммы, Саша видел, как его воля гонит людей прочь и вдохновляет нагов и эльашрских мухарибов. Он стремительно проносился над домами, снижался над улицами в тех местах, где размах крыльев позволял ему пролететь, и алмазным когтем поддевал вражеских всадников. Уже после того, как воздушный десант парализовал столицу, в нее вошла конница.

В Рувабе надо будет применять другую тактику. Самый южный шамальский эмират с огромной равнинной территорией, покрытой бескрайней степью, только на севере граничил с Эльашром, к югу же простирались бесконечные каменистые пустоши. В тех краях было немного больших городов, столица эмирата Рувиб лежал на юго-востоке. Сложно покорить с воздуха кочевые племена, рассеянные по степи, имея очень ограниченное число воздушного

флота. По степям были разбросаны рубы — небольшие крепости из трех-четырех соединенных вместе каменных куполов, под которыми обычно находился подземный резервуар-накопитель с водой, и к которым примыкала соляная станция-генератор. Рубы испокон веков служили убежищами и кратковременными стоянками кочевых племен. Здесь имелось все необходимое, чтобы переждать любую непогоду — холод и жару, ледяные и обжигающие ураганные ветра, здесь можно было забаррикадироваться и бесконечно долго обороняться. Невозможно взять рубы с воздуха, разве что придется взрывать древние и очень мощные сооружения. Перелет через открытое пространство что вимм, что людей на крыльях легко обнаружить, а организовывать переброску войск через шеадр непродуктивно: сначала надо захватить шеадр и организовать его охрану. Возникла проблема с лошадьми — они пугались перехода, некоторые и вовсе отказывались следовать через портал. Да, Рувабе представлялся крепким орешком, и Саша все еще не представлял, как с ним поступить. Оставить же у себя под боком огромный очаг бесконечного беспокойства он не мог.

Он вздрогнул, когда услышал рядом с собой взволнованный голос Тэра. Рувабийская конница налетела на южные селения Эльашра и только что ворвалась в Адат, очаровательный цветущий городок-оазис на границе Эльашра и Рувабе, богатый прежде всего благодаря расположенным рядом золотым приискам. Саша предвидел, что Рувабе не будет дожидаться атаки новых объединенных сил мухарибов и нагов, но не ожидал, что это случится так скоро. Мешкать и тянуть было смерти подобно, и он приказал поднять весь свой скромный воздушный флот, к счастью, не пострадавший во время нападения на Кельбелу. Часть вимм уже была поспешно переоборудована для перевозки десанта. Он забрал все грузовые и старые пассажирские виммы, которые применялись для регулярных рейсов между городами, все, какие только смог найти в Ар Ирнани за короткое время, выкупил старые и списанные, но еще годные к полетам, и уже успел опробовать перевозку эльашрской конницы. В целом, он считал эксперимент удачным.

— Срочный вылет, — скомандовал он. — Все. Сообщите в Эльашр, я сяду, чтобы взять конницу, сколько поместится. Они должны быть готовы.

Погрузить воинов и лошадей удалось быстро, несмотря на абсолютно новое для них дело, но мухарибы были терпеливы, опытны и дисциплинированы. Он летел вместе со всеми в грузовом транспорте, слушая, как Тэр отдает указания командирам и обсуждает еще раз тактику городского боя с наиболее опытными бойцами. Транспорт сел перед пылающими воротами Адата — их открыли ночью, тайно впустив рувабийскую конницу, которая немедленно начала резню. Выскочив первым, Саша обернулся Аспидом, стремительно взвился над древними каменными стенами и первый ринулся на улицы города. Сознание сразу же выключилось, улетучилось под давлением древнего Змея... Старое, сильное, бесконечно свободное и стремительное существо, чистая огненная ярость устремилось на город. Они посмели отнять у него его собственность... его город, они посмели поднять руку на его людей, его жизни... Вот она, рувабийская конница, черная на черном. Змею ничего не стоило послать вперед волну ярости, заставляя лошадей сойти с ума, а сердца людей зайтись от страха. Взмах алмазного когтя — и один, другой черные всадники взлетели вверх, поддетые смертельной иглой. Он несся по улицам настолько низко, насколько позволяла городская застройка, часто заходя боком в узкие переулки и цепляя когтем всадников, а следом за ним на улицы врывались его собственные люди, ведомые нагами в черной с золотом форме и красно-белыми мухарибами Эльашра.

Через час Адат был очищен от рувабийцев. Саша собрал два отряда и направил их на

восточную границу, в захваченные рувабийцами селения. В одном из них хватило буквально нескольких кругов над селом, чтобы черные халаты пали ниц перед новым Верховным, во втором пришлось немного повоевать, но сопротивление быстро сломалось.

Логично было бы сразу же атаковать Рувиб, столицу эмирата, но Саша знал, что его люди устали, среди них были раненые. Отослав войска обратно, он снова обернулся Змеем и направился в сторону столицы. Это оказалось опрометчивым решением: Рувиб лежал далеко на юге эмирата, он не рассчитал, что придется так долго, почти пять часов — провести в воздухе. Он появился над столицей уже после рассвета, уставший и недовольный собой, и при виде мирного, кипящего обыденной жизнью города, божественное существо, повелевавшее человеком, захлестнула неконтролируемая ярость. Змей испытывал голод, он устал и хотел убивать... Все еще подхлестываемый успехом, помнящий бой, запах крови, но уже утомленный длительным полетом, он кинулся на черные фигуры с алыми нашивками — отряд, маршировавший перед центральными воротами города. Они бросились бежать. Поначалу он их преследовал, из раздражения и ради забавы, но потом зацепил двоих когтем, и их жизни, яркие и сочные, вполне удовлетворили его. Насытившись, он сделал несколько кругов над столицей, отмечая, как испуганно разбегаются люди, прячутся в дома, как стремительно пустеет город... Довольный, он полетел домой. Так далеко и так долго... Нет смысла больше делать подобные броски, не имея конкретной цели. Надо поднять карту здешних шеадров, разбросанных по всей степи. Их тут достаточно. Так передвижение станет короче и эффективнее. Вряд ли кто-то осмелится караулить Вечного Нигейра, сидя в засаде у шеадра.

Домой в Ортлер он вернулся только к середине дня, по дороге еще немного поохотившись и придя в устойчивое, спокойное расположение духа, сытое и полное сил. Кочевники не успевали уйти от его стремительного пике, ему даже не требовалось садиться на землю, чтобы подцепить когтем жертву.

В прохладных, только что отремонтированных покоях, арочные окна которых выходили на плато, его ждали Кольер и Лануэль. Прямо в центре покоев располагался изящный фонтан в виде трех стоящих на хвосте нагов, из пасти которых тонкой струйкой лилась вода. Ее брызги наполняли влагой воздух, а тихое журчание воды приносило расслабление и покой.

Оглядев их, он медленно опустился на низкую тахту, рядом с которой стояла нехитрая закуска и сок со льдом. Больше 12 часов непрерывного полета — на сегодня это его рекорд. Спину и плечи человека-Саша нещадно ломило от таких подвигов, но древнее существо, скрывшись в глубине его души, было довольно и взирало на мир снисходительно и благосклонно.

Они уже знали о ночной атаке. Выслушав краткий Сашин рассказ с описанием ночного полета на Рувиб, Кольер недовольно покачал головой.

— Мог бы с тем же успехом утром пройти через шеадр в Адане и выйти в Рувибе.

— Я до сих пор мыслю, словно я дома живу, — огорченно признался Саша. — Забываю про шеадры и про их удобство. Непривычно.

— Тебе не взять Рувабе обычными методами, — сказала Лануэль, чуть качнув головой. — Поверь мне. Это мой край и я его хорошо знаю. Это кочевники...

— Да я понимаю, — обезоруживающе улыбнулся он.

Лануэль-кошка оказалась совершенно другой, ничем не напоминая ему хищницу Эрлен. Невысокая, изящная, но при этом округло-фигуристая, с небесно-голубыми огромными

глазами и золотистыми, сияющими локонами, светлой кожей, пухленьким маленьким ротиком, вся она была уютная, очаровательная, мягкая — настоящая кошка, белая и пушистая, которую так и хотелось погладить. Он вспомнил, что у нее, в отличие от остальных, две звериные ипостаси — черная и белая, и черная, говорят, опаснее эрленской дикой рыси.

— Я тут давно... — мурлыкнула она. — У Кошки здесь старый-престарый очаг, кажется, даже старейший из всех. Знаешь, что ваша сиамская порода кошек родом из Ар Шамала?

— Может быть, — снова улыбнулся Саша, потянувшись за соком.

— Кочевые племена возят с собой своих кошек, они тут те еще путешественницы, — продолжала она, — а в каждом рубе живет свое семейство. Хозяин стаи должен принять пришедший кочевой клан. Если кошки его не встретят на входе — это очень дурной знак.

— Ничего себе, — удивился он.

— Кочевники рассеяны по пустошам, и для них важно присутствие силы, как вот этих кошек в рубе. Присутствие надо как-то обозначить, — продолжила она, задумчиво глядя на наплывающие на небо тонкие грязноватые облака. — Возьмем хорошо известный пример — Ворон. Он все время летает над Ар Элес, над разными территориями, иногда — просто так, для удовольствия, иногда — добираясь с одного места в другое, по делам. Видеть Ворона в небе в Элезии считается хорошей приметой. Люди из домов выходят, если он появляется над головой. Считается, что это приносит им удачу. Так вот... Тебе надо, чтобы тебя увидели все. Все кочевые племена, от стариков до детей. Летай. Пусть видеть Аспида в небе станет грозным предупреждением. Пугай, кружи, иногда кого-нибудь выдергивай, можешь даже людей не трогать. Бери лошадей. Ты ведь наверняка можешь их напугать?

— Конечно, — кивнул Саша. — Но подобные действия потребуют времени.

— Ты куда-то торопишься? — серьезно спросила она.

— Дел много, к сожалению, — вздохнул он — Кинувшись сюда, я полностью оставил и Наган-Карх, и борьбу с Анг Миртом.

— Для Наган-Карха у тебя есть Кольер, — Лануэль бросила очаровательную улыбку старому нагу. — Там все спокойно и надежно, а тут — нет. Что же касается Анг Мирта, Ворон справится и без тебя, защищать — это, собственно, его базовая функция как Вечного.

— Еще я, к сожалению, пока не могу бесконечно находиться в облике, — вздохнул он. — Устаю и меня выбрасывает.

— Это временное явление, — ответила она, очаровательно потянувшись всем телом. — Как раз сейчас у тебя есть возможность научиться сливаться с ипостасью так, чтобы находиться в ней столько, сколько тебе нужно.

— А если меня выбросит, прикинь, где-нибудь в степи?

— А ты до этого не доводи. Чувствуешь, что все, силы на исходе, или что сегодня многовато было — не жди, сам лети в очаг.

— К сожалению, у Нигейра в Рувабе своего очага нет, — вставил Кольер, зорко глядя на эту очаровательную кошечку и пытаясь срочно вычислить, что она задумала.

— У меня есть, — она медленно поднялась с такой же тахты, усеянной подушками, и подошла к фонтану, подставив под струи обе ладони. — Я тебя приглашаю им воспользоваться. Отдыхай столько, сколько тебе будет нужно.

— Спасибо, — улыбнулся он. — Тогда тебе придется показать мне, где он находится, и желательно — по земле. Вернее, по воздуху, хотя бы на вимме.

— В любое время, — кивнула она. — Буду рада... Сегодня вечером, например?

— Почему бы и нет, — хмыкнул Саша, покосившись на непроницаемое лицо Кольера.

— И знаешь что... После того, как их хорошенько запугаешь, попробуй вызвать каида войск эмира на поединок, — добавила она, помолчав. — Предложи ему сразиться один на один перед войсками. Тут это в порядке вещей и многое решает. Думаю, после этого они тебе присягнут.

— Идея хороша, — проворчал Кольер. — Только не надо торопиться.

— А мы и не будем, — рассмеялась Лануэль.

Глава 8. Потерянный рай

— Хотел бы я знать, как оно выглядело... раньше, — с печальной усмешкой изрек Гевор, глядя на серые анг-миртские камни.

— В атласах тех времен достаточно картин, — сказал я, вспоминая богатейшую библиотеку Элласара.

— Но сохранилось их мало, — констатировал он. — Шутка ли, полуторатысячелетней давности издания.

— Есть и постарше, — возразил я. — В Аскареме хороший архив.

— В Ирнани мало что осталось.

Я глядел на пустынную, поросшую жестким мхом и карликовыми искривленными деревцами равнину. Этот мир жил странной, неудобной и очень печальной жизнью, даже не зная, насколько она отличается от нашей, и мы, именно мы — Вечные — были в этом виноваты. Мы его создали, этот мир, подобие рая, вложив в него все самое лучшее, что могли вообразить, и мы же его и уничтожили. Сейчас сложно сказать, насколько он был прекрасен, этот мир... В свое время я просмотрел все имеющиеся в архивах, атласах, музеях и обычных книгах изображения Анг Мирта, пытаюсь представить, на что он был похож, и что именно Вечные с ним потом сделали, какие войны бушевали на его территории. Да, ядерное оружие появилось у нас задолго до его изобретения на Старой земле. Здесь его когда-то и опробовали, его и другие разрушительные способы убийства себе подобных. И только потом, когда Вечные очнулись от потрясения, оно было уничтожено и запрещено навсегда, все оружие массового поражения, вплоть до простых и примитивных огнестрелов. Любое оружие, кроме индивидуального, способное поражать много людей сразу.

Сейчас этот мир существовал оазисами. Где-то земля была такой же, как участок, с которого шли атаки на грань, с огненно-алыми небесами, грязно-черными скалами, жарким, душным и смрадным воздухом; где-то она была такой же алой и черной, но холодной как лед, и в таком пространстве было мучительно тяжело дышать и двигаться. Но подобных аномальных зон в Анг Мирте осталось не так уж много. По информации Освина, одного из удачно вжившихся в здешнюю реальность разведчиков, их количество медленно, но верно уменьшалось из века в век: живительные силы оказались могущественнее, чем силы смерти. Разведка и нападения на Ар Соль велись именно с таких территорий, чтобы не дать нам проникнуть вглубь Анг Мирта и создать ложное впечатление о его безжизненности и опасности.

Другие места были гораздо более пригодны для жизни, но зачастую пустынно и небогаты растительностью, а в восточных краях, расположенных очень далеко от пространственной границы с Ар Соль и граничащих со Старой Землей, поверхность и вовсе оживала: там постепенно возрождались традиционная для наших миров растительность и живность.

Но средоточие цивилизации находилось здесь, в южных и западных краях. Люди существовали в стремящихся к небу городах-башнях, похожих на гигантские пирамиды. Жизнь их напоминала мне высокотехнологичные города Основы, только выстроенные ярусами. Мне было легко слиться с толпой в силу достаточно типичной внешности, Гевор же заметно отличался от местных, его пришлось гримировать и продуманно маскировать одеждой. Что касается меня, здесь существовало много черных больших и маленьких птиц,

которые носились над террасами и гнездились в углублениях ярусом, и я в любой момент мог принять ипостась и слиться с местной живностью. Я неоднократно бывал на Старой земле, в самых разных местах, поэтому замкнутое пространство, толпы народа, стремительный хаотичный ритм городской жизни, обилие металла, пластика и искусственного камня не удивляли меня, хотя и не вызывали восторга. Гевору же было бесконечно любопытно посмотреть, как тут все работает, но он выбивался из ритма и, что самое обидное, быстро начинал задыхаться и нервничать, особенно, когда попадал в узкие, с низким потолком и искусственным, но при этом тусклым светом, замкнутые пространства и помещения.

Мы уже второй раз выбирались в Анг Мирт вдвоем. Прошлый раз, раздобыв подходящую одежду, мы очень осторожно встретились с резидентами Гевора, которые обосновались во Фрейфене — самом крупном из городов-башен. Я, полетав по уровням и вокруг города, нашел удобное место для шеадра — в заброшенном городском туалете на окраине города, на одной из нижних террас. Отвратительное место, вонючее и заваленное городским мусором, но практически полностью безопасное, если игнорировать агрессивных городских крыс. Сегодня мы вернулись с нужным оборудованием, и я собственноручно воткнул тут одиночный шеадри, замаскировав плоскость перехода под разбитое зеркало в женском туалете. Решетку пришлось брать самую маленькую, встроить ее в бетонную сплошную стену оказалось делом весьма муторным. Такая проработает не больше пары-тойки лет, предупредил я Освина, слишком уж мала мощность, но он заверил меня, что рад и этому: шеадри вел прямиком в один из дальних замков Фьерхольма, на выходе Гевор пока что посадил охрану, а завтра собирался поставить своим сотрудникам, посвященным в Анг Миртовские дела, отдельное наблюдающее зеркало. Не забыть бы отправить ему специалиста... Наблюдающие зеркала были только нашей технологией, собственно, к зеркалам эти экраны слежения не имели никакого отношения, но название пришло откуда-то из тех же времен, что и сам Анг Мирт.

Опробовав шеадри, я ненадолго задержался во Фьерхольме — помыться и почистить одежду от грязи, и потом вернулся во Фрейфен, к Освину, Хельму и Гевору. Хорошо, что язык и письменность у нас с Анг Миртом оказались одни, за исключением некоторых понятий и бытовых названий. Ну и эффект Маара, конечно... тот самый, что давал всем нам возможность понимать языки тех миров, с которыми у нас существовала единая изнанка. Все, кто пересекал грань, понимал язык того места, в котором оказывался, Язык, но не письменность, увы, учиться читать приходилось с самого начала.

Техноас Освин за этот год сумел успешно устроиться в ремонтную контору, обслуживающую внутренние линии межъярусного движения, его напарник, прошедший в юности обучение у нагов, удачно внедрился в местные правоохранительные органы и быстро продвинулся по службе. Они снимали скромные апартаменты на 18й террасе, главным преимуществом которых был небольшой балкончик с видом на лежащие за городом пустоши. С него мы сейчас и смотрели на здешние унылые пейзажи. Техноасы, кстати, быстро освоили высокоточную подделку местных денег, так что в финансах парни нужды не испытывали.

— А на вас косо не смотрят, что вы тут... хм, вместе живете? — спросил я, возвращаясь в комнату. Хорошо еще, стены здесь старались красить в светлые тона.

— Тут гомосексуализм — норма, — усмехнулся напарник Освина, Хельм. — Женщин меньше, чем мужчин, и они труднодоступны. Кстати, вы заметили, что выжили только человеческие расы? Двуликих тут нет.

— Заметили, — кивнул Гевор. — Ты лучше повтори для Хэйгена, что от вояк слышал.

— Да в общем, не только от военных, — начал Хельм. — Это общедоступная информация. Здесь давно, уже не одно десятилетие, пропагандируется идея войны с Ар Соль. О наших землях известно многое, у них есть немало видеозаписей с приборов, похожих на наши визоры. Они о нас знают порядочно, если не все, а мы о них — ничего.

— Мы знаем, что нэрги успешно выполняли функцию не только разрушения или копирования материальных объектов, но и передачи информации, — пояснил я. — Псевдоплоть хорошо сохраняет воспоминания-образы, они нарастают на нее словно слои. Мы сейчас подозреваем, что в ранних атаках Анг Мирта, приблизительно двухсотлетней давности, в самом начале, уничтожались далеко не все нэрги, часть из них благополучно возвращалась обратно во время следующего прорыва. Они накапливались в определенном месте и проскакивали обратно в самом начале, еще до прибытия Пауков. Когда все начиналось, реакция Пауков не была такой отработанной, как сейчас, потребовались годы, чтобы научиться с ними бороться.

— Сейчас у них предположительно есть своя сеть, — хмыкнул Гевор. — Которую надо как-то выявить. Желательно — осторожно, чтобы не подставиться.

— Проще все-таки раскрутить, кто из своих за этим стоит, — вздохнул я.

— Есть пара ниточек от моих кэммон-арских подозреваемых, — сказал Гевор. — Только я очень боюсь их спугнуть.

— Второй шеадр, тот, что в Шеннон Аре, ставил Коллегиум, но тот, что у тебя в Кэммон Аре, по почерку наш, — буркнул я. — Решетка наша, огранка кристаллов очень характерная, это я тебе с закрытыми глазами скажу. Но кристаллы, по моим ощущениям, старые. Им лет как минимум полтора, а может и побольше. Ариады искусственные, выращены в Кэммон Аре.

— Наши земли рисуются здешними властями красочными и богатыми, а история о бывшем рае, который намеренно уничтожили в результате войн за господство, печатается в школьных учебниках. Картины нашей жизни время от времени показывают по местным информационным сетям. Это у нас только частный просмотр видео контента, а здесь — публичные цифровые сети, — продолжил Освин.

— Причем технологии, явно ворованные с Основы, — добавил Гевор, кивнув на черный плоский экран на стене.

— Да, Грань с Основой у них есть, — кивнул я. — Не очень большая, но пройти можно, если владеть технологией пространственных перемещений.

— А они владеют, — заключил Освин. — Не знаю, откуда она взялась, может быть сохранилась с тех времен, когда Анг Мирт был частью Ар Соль. Почему нет... А может быть, ее с нашей стороны подкинули. Разговоры о завоевании Ар Соль здесь не первый год ведутся, идея очень популярна у местного населения. Думаю, они этим давно бы занялись, если бы не исключительная бедность ресурсов. Единственное, что у них имеется в изобилии, это нэрги. Их выращивают в красных зонах — так тут они называют невозстановившиеся территории. Нэрги — это чистильщики, их делали как пожирателей промышленного мусора и радиоактивных отходов, но очень уж удачно сделали.

Я кивнул. Действительно, живой наэр-некрос, способный запоминать информацию, понимать и исполнять команды, оказался действеннее летящей в цель стрелы. Или пули.

— Вояки говорят, что зоны атак планируется расширить, им под это нужны люди, специально обученные сухопутные войска, готовые к передвижению по территории Ар Соль.

Их только недавно начали набирать.

— Значит, война еще не скоро, — предположил Хельм.

— Скоро или нет, раз набирают, значит планируют, — буркнул Гевор. — Города друг с другом воюют? Насколько я понял, они независимые, общего управления не имеют?

— Да, каждый город — сам себе хозяин, но общее управление у них есть, что-то вроде совета, Ассамблея 18 называется, по числу крупных анклавов. Крепости тоже имеют свой единый орган, но каждая крепость привязана к какому-нибудь городу, они не самостоятельны. Здешняя история знает множество попыток военных перехватить управление. И войн между городами было достаточно, у каждого анклава есть своя частная армия.

— Значит, военная подготовка развита, — кивнул Гевор.

— Но огнестрельного оружия тоже нет, потому что металла мало и в аномальных зонах не постреляешь, оно неадекватно себя ведет, — вставил Хельм. — А в городах стрелять опасно, пространство маленькое, везде коммуникации, есть риск повредить инфраструктуру. Дубинки, холодное оружие, парализаторы, электрошокеры, те же арлы, очень много электробичей, страшная, я вам скажу, вещь... Они ими мастерски владеют, от танцев до пыток.

— Хорошо бы сейчас под этот набор своих людей в армию внедрить, — задумался Гевор.

— Проще взять кого-нибудь отсюда, — предложил я. — И заменить нашим. Вплоть до пластики — Повелевающие все, что хочешь, с лицом сделают.

— Это поинтереснее, — оживился Освин. — Идентификации лиц и отпечатков у них нет, данные на человека в базах к биометрии не привязаны, качество съемки лиц достаточно низкое, мы сами только благодаря этому и выкрутились. Здесь замкнутый мир, пустоши необжитые, малых поселений нет, только банды между городами, и то больше на севере, где нет красных зон.

— Ну или местных вербовать, — продолжал я. — Мне кажется, это еще проще. Вытащить сюда, по землям повозить, пообещать райскую жизнь... Или заплатить — при общем невысоком уровне жизни это неплохо сработает. Вы, ребята, присмотритесь, кого можно было бы... зацепить. В общем, обычная разведка, работа, как с Основой.

— Хорошо бы твоих Пауков подключить, — кивнул Гевор. — Шандр?

— Не его профиль, — возразил я. — Разведка Основы — это Илар. Займемся.

Мы еще немного пообсуждали текущие вопросы, но на улице быстро темнело. Странное это было зрелище — словно осветительный аэр, расположенный где-то в дальнем углу, неожиданно выдохся, отчего все окружающее пространство скоротечно потускнело. Мир выцвел и поблек, растеряв краски, превратившись в старую черно-белую фотографию.

Пора было возвращаться, и желательно побыстрее, пока террасы и ярусы не обезлюдели. Не стоит привлекать к себе внимания.

****

Едва я появился у себя в Северной башне, прямо мне на голову свалился Шандр, виртуозно приземлившись на моей верхней площадке. Знает ведь, что я терпеть не могу, когда она занята чужими виммами... Значит, намеренно. Намекает.

Спустившись ко мне в кабинет, он отыскал сабли, небрежно брошенные мною в углу на подставку для оружия.

— Пошли, у тебя поединок через два дня, а ты не в форме, — буркнул он. Я послушно

забрал сабли и неохотно потащился за ним наверх, в вимму, откуда он, стартанув молниеносно и почти вертикально, увез меня к себе в штаб-квартиру Пауков, на тренировочную площадку. В нашей части света тоже темнело, но вечер стоял теплый и солнечный, заниматься на свежем воздухе было одно удовольствие. Я бросил куртку на траву, потом подумал, и снял рубашку — все равно он ее сейчас порвет, а так я сам буду осторожнее.

Насчет "не в форме" он, конечно, не совсем прав, но... Хотя, с его точки зрения, мои навыки сабельного боя действительно далеки от приличных.

Дети Ворона всегда хорошо владели традиционными для Ар Соль видами оружия, как высокотехнологичного, так и холодного. Я неплохо стрелял из всех типов арлов, вплоть до воздушной баллисты, и еще в бытность человеком освоил несколько техник рукопашного боя, но к холодному оружию и к его культуре был абсолютно равнодушен. Научился сносно владеть кинжалом, не более. Сабельному бою меня начал учить Харальд-ниגיע, как только я оказался рядом с ним в должности помощника, и особенно серьезно взялся за меня после трансформации. Потом я занимался больше из любопытства да ради поддержания приличной формы, перепробовал разные виды оружия, и убедился, что рукопашный бой все-таки ближе мне по духу, и постепенно забросил тренировки.

Отношение мое резко изменилось 15 лет назад, после попытки брэнна Аскарема ужокошить меня прямо в его имении. Мы здорово повздорили с ним, и вспыльчивый брэнн отдал команду своей дружине убрать меня прямо на выходе из его покоев. Убедиться в смерти носителя ипостаси можно только отрезав ему голову. В узкой галерее без окон, соединявшей его жилые покои и приемный зал, на меня напали четверо бойцов его охраны, всадив около десяти парализующих зарядов иглопала, не зная, что они действуют на Вечного лишь частично. Уйти я таки сумел, отбиваясь, но с большим трудом, получил несколько ранений и потерял много крови, в первую очередь, потому что вооружены они были традиционными малыми саблями, оружием, которым я владел кое-как, и спасла меня только невероятная воронова живучесть да большое окно в следующем за галереей зале, в которое я вывалился и успел обернуться, уже плохо соображая, что делаю.

Тогда я и задумался, что непозволительно беспечен, и что надо бы научиться лучше себя защищать.

А вот дальше возникли сложности. Мне требовался учитель, способный забыть, что я — Вечный. Таких, к сожалению, не нашлось — все были вежливы, обходительны и недостаточно жестоки к старательному, но далеко не самому дисциплинированному ученику.

Однажды вечером, а если уж точнее, то рано утром я возвращался из одного... хм, скажем так, дворца удовольствий в Саманданге, решив слегка проветриться после бурно проведенного вечера. Свернув в переулок, я наткнулся на кровавую драку, в которой пятеро убивали одного. Молодой шаам бился виртуозно и отчаянно, однако, зажатый в непроходной переулок, был уже неоднократно ранен и скорее всего, обречен, но мне удалось отвлечь на себя сначала одного, неожиданно напав сзади и сломав ему шею, затем и второго, которого повезло зарезать его же саблей. Потом мы разделались с остальными, причем парень их быстро и благополучно прикончил, я всего лишь отвлекал и удерживал, пока он разделялся с ними по очереди.

Возвращаться домой шаам отказался. Четвертый сын потомственных везиров из рода Тахиров, он пользовался расположением отца и уже не раз обращал на себя внимание

верховного эмира, и старший брат и наследник рода Тахиров справедливо опасался, что может быть обойден благосклонностью Гаяров. Покушение на его жизнь было уже не первым, должность при дворе не прельщала, и он решил убраться подальше от интриг и предательств родного дома. Я привел его в Элласар и оставил ночевать в маленькой гостинице на побережье, которой владел мой старый знакомый, а на следующее утро предложил ему попробовать наняться к Паукам, в ночную стражу порядка, в которой вечно не хватало людей, способных жестко и хладнокровно разбираться с пьяными драками и прочими беспорядками в курортной части. Я боялся, что его фамильная гордость будет задета моим предложением, но он только рассмеялся, и на мой осторожный вопрос, не роняет ли подобное занятие его семейной чести, заявил, что семейная честь осталась в той самандангской подворотне. Выждав неделю и убедившись, что у него теперь есть и работа, и койка в казарме, я, по-прежнему тщательно избегая вопросов о своей личности, попросил научить меня сабельному бою. С нигийскими саблями он обращался, как бог, но и традиционными шамальскими, да и всеми остальными видами холодного оружия владел в совершенстве.

Так и началась моя настоящая учеба. Он был безжалостен, язвителен и очень требователен. Он не признавал учебного, затупленного оружия. Мне пришлось забыть о гордости и выкладываться так, как я не выкладывался уже десятилетиями. Постепенно выяснилось, что именно нигийские сабли, легкие, изогнутые и чуть более длинные, чем тяжеловесные шамальские, лучше подходят мне по росту, весу и технике. Через полгода я уже мог кое-как защититься от него. Через год я научился выигрывать один бой из трех. Мы быстро сдружились, но избегать вопросов о себе мне становилось все труднее и труднее. Он быстро продвигался по службе, благодаря уму, образованности и смекалке.

Потом на какое-то время я потерял его из виду, а через год мы неожиданно столкнулись лицом к лицу на очередном прорыве Грани, где он заменил заболевшего командира отряда, а еще через два года я забрал его к себе в Альбре, помощником, как старый Харальд когда-то забрал меня самого.

Время от времени мы с ним фехтовали, я старался поддерживать полученные когда-то навыки. В разные годы получалось по-разному, бывали у меня и лучшие периоды, но в последнее время я редко брал сабли в руки. Сейчас же, получив вызов на поединок, приходилось срочно наверстывать упущенное. Шандр вытаскивал меня на учебное поле каждый вечер, и я, как пятнадцать лет назад, ныл, пыхтел, ругался и скрипел зубами, терпя его справедливые насмешки, уколы и царапины.

Сегодня мне удалось закрыться полностью и даже, кажется, два раза задеть его. Еще вчера он достал меня в четырех местах. Закончив, мы отсалютовали друг другу, и я обнаружил, что поглазеть на нас собралась добрая половина гвардии да случайные прохожие. Взмокший от пота и немного смущенный, я поспешил одеться и махнул рукой Шандру, которого отвлекли каким-то вопросом, чтобы тот поторопился.

— Знаешь, я жалею, что поддался на провокацию, — сказал я, когда мы сели ужинать у меня в башне. — Надо было не ввязываться ни в какие обсуждения, гиблое это дело, спорить с религиозными фанатиками.

Шандр медленно покачал головой.

— Доказать им что-то можно только их собственными методами, поверь уж мне, я там вырос. Только я бы на твоём месте еще и свидетелей привлек. Эти дети пустынь как были дикими, так и остались, — бросил он с презрительным раздражением. — Ваизы — род

молодой, они из Рувабе, окраинный эмират, один из самых дремучих. Что с них взять? Они только язык силы понимают. Кстати, ты по-прежнему отказываешься взять кого-нибудь с собой в качестве свидетеля?

— А зачем мне? — я равнодушно пожал плечами. — Даже если он меня заденет, на обратном пути я обернусь и послезавтра от царапины останется лишь слабый след.

— А если ранит? — серьезно спросил Шандр. — Ты не знаешь, случайный ли это вызов, просто чтобы девушку впечатлить, или реальная провокация? А если этот Ваиз — опытный мастер, который только кажется молодым? А если опять — яд на клинке?

Я задумался. Шандр, как всегда, был прав, но мне категорически не хотелось втягивать кого-либо в это дело, в основном из-за Юльки. Я с трудом признался сам себе, что завелся только из-за ее присутствия. Мне было обидно, что она видит во мне дурную тварь, плохо контролирующую свои инстинкты и не имеющую ничего за душой, кроме заемной вороновой силы. Я знал, что виноват в этом сам, позволив вечному и голодному существу выйти из-под контроля. Мне не было оправданий... Но что сделано, то сделано. Это причиняло мне боль, и безобразное желание отыграться на молодом и влюбленном в нее парне не делало мне чести. Извиниться перед ним, что ли? Какое мне, к дьяволу, дело, что он про меня и про нас всех думает...

— Значит, не ранит, — твердо решил я. — Зря ты тут, что ли, меня гоняешь?

Какое-то время мы молча наслаждались пищей, а я — еще и покоем.

— Ар Шамалю всегда была нужна вера более пристойная, чем вера в золотую ящерицу, — с бесконечным презрением в голосе заявил Шандр. — Я не сторонник возрождения Нигейра, но согласись, Аспид как символ веры гораздо приличнее, чем существо с набитым монетами брюхом. Мы и раньше поклонялись Змею, а когда его не стало... Очень может быть, что вера в Единого — компенсация отсутствия настоящей идеи.

— Меня другое волнует, — признался я. — Куда и кому уходит вся та энергия человеческих душ, направляемая в адрес Единого? Кстати, сила веры в темных Вечных тоже куда-то идет и где-то аккумулируется... Все мы знаем, что вера разумных существ, населяющих миры Ар Соль, питает божественную силу Вечных. Тогда куда и кому идет вера в Единого и нарисованных на стенах его храмов демонов?

— Питает вашу темную часть? — усмехнулся Шандр

— А что? Хорошая версия, — хмыкнул я. — Лучше я у Ширин спрошу. По части теологии сил и стихий она у нас на первом месте.

Глава 9. Рувабе

Кольер стоял на обдуваемой ветром возвышенности, глядя вниз, на равнину между армиями, бело-красными с небольшими вкраплениями черного с золотом. Армии были почти одинаковы по численности, но на сегодняшний день уже не равны по силе. Солнце то скрывалось за скользящими облаками, то появлялось снова. Начало осени наступало на степь, тронув выгоревшую траву охрой и багрянцем. Белые стены Рувиба дрожащим маревом виднелись вдалеке.

Два человека шли навстречу друг другу через степь. Остановились напротив, задержались, обменялись фразами. Чуть отошли назад, помедлили и, выхватив сабли, стремительно бросились друг на друга. Смертельный танец начался.

Великая рувабийская степь была охвачена ужасом. Она дрожала, она готова была поклониться золотому Змею селение за селением, руб за рубом. Неожиданные, обескураживающие набеги эльашрской конницы, короткие и смертоносные, возглавляемые Змеем в небе, громовой топот копыт, летящий на много хааров вокруг, день за днем сковывал страхом самый своевольный, самый независимый и гордый эмират. Вся ярость, весь гнев бессмертного демона обрушивался на головы непокорных, упрямых кочевников. Иногда Змей охотился в одиночку, то загоня кочевые кланы в рубы, то разметывая их по степи, не позволяя укрыться в древних убежищах. Не было селения, которое не подверглось бы нападению, не было города в Рувабе, над башнями которого хотя бы раз не пронесся золотой Змей.

В конце концов гонцы ордена Аспида прибыли в Рувиб, предлагая эмиру поклониться или выставить своего защитника для открытого поединка и таким способом, без большого кровопролития, решить судьбу эмирата. Эмир знал, что проиграет бой, и готовился проиграть его с честью, выставив против Змея лучшего из своих кайдов. Воины обеих сторон вышли на равнину перед городом, чтобы своими глазами видеть исторический поединок. Как мальчишки, стояли они поодаль, замирая от восторга, благоговей перед древним символом.

Кольер смотрел на одинокие и далекие фигуры, размышляя, что случится потом, напишут ли поэты новые стихи и песни, возникнет ли очередная волна легенд. Мощная, грозная фигура в черных одеждах против высокого, тонкого и стремительно хищного существа, ставшего на эти короткие мгновения воплощением остро отточенного клинка... Старый наг знал, что бой не продлится долго. Он сам тренировал мальчика, проверяя его реакцию, его технику, его гибкость и выносливость. Да, кайд Рувабе был опытен, силен и искусен в сабельном бое, но здесь ему пришлось столкнуться с древней, бессмертной силой, вернувшей себе право быть, выйти на свободу и возродиться во плоти и крови.

Прекрасный и смертельный танец длился недолго. Скоро, очень скоро все было кончено.

По традиции Рувабе, Саша отрезал голову кайда, предъявив ее всем четырем сторонам света. Мухарибы Эльашра разразились торжествующими криками, рувабийцы напряженно молчали. Громогласный крик нового кайда, занявшего место павшего — и конница степняков обрушилась на противника со всей яростью и гневом отчаявшихся, не желающих покоряться воинов. Эльашр ответил тем же. Две волны схлестнулись, гася друг друга, только над той, что несла вперед красно — белые цвета, мгновенно взвилось смертоносное тело

огромного золотистого змея.

Это и определило исход сражения. Кони, испуганные стремглав летевшим на них золотым чудовищем, падали, придавливая собой наездников. Змей кружил над ними, когтем выхватывая уцелевших всадников, следом шли пешие наги, добывая выживших. Еще немного — и они были под стенами, с которых навстречу летели множественные, но неточно нацеленные стрелы. Кольер улыбнулся — попасть в Аспида даже из современной, усовершенствованной и смертоносной баллисты было весьма сложно, его надо было старательно выцеливать оптикой. Ему же было достаточно всего лишь подняться вверх, вне зоны досягаемости, и ринуться на ничем не защищенный более город.

Ворота открылись, как только Змей исчез за стеной. Война с Рувабе окончилась за неделю.

Кольер оглянулся на стоявшую позади него вимму. Надо отыскать мальчика и еще раз проинструктировать насчет переговоров с эмиром. А лучше — быть рядом, внимательно следя за лживыми обещаниями и вероломными клятвами.

****

Очаг Ревалья в Рузанне находился недалеко от Эксеры, и внешне мало отличался от обычного самандангского дворца. Длинные прохладные галереи с воздушными мраморными колоннами создавали ощущение легкости и простора, а украшенные ажурными каменными орнаментами окна, дверные проемы и потолки рождали на поверхности рельефного мраморного кружева живую игру света и тени. Глава Золотой Гильдии сидел в своем рабочем кабинете, глубоко погруженный в бумаги, и не сразу оторвался, когда старый наг вошел в дверь. Дочитав что-то очень объемное и исчеркав последний лист пометками, он вызвал секретаря, молча отдал ему документ и только тогда остановил свой внимательный взгляд на Кольере.

— Не понимаю, что происходит, — задумчиво заговорил он. — Мы же договорились, что сначала вы успокаиваете маркграфов, они вот-вот и без вас начнут войну, а эмирами займусь я сам.

Кольер почувствовал себя неловко, словно мальчишка, которого отчитывают, и едва не вспыхнул. Да, ни один предварительный план не сработал — все пошло не так.

— Там подкуп работает лучше сабли, — продолжил Реваль, — плюс пара налетов на границе, пара личных поединков между знатными мухарибами, каидами конниц, и все — они выпустили пар и дело заглохло. Теперь вы растревожили такое осиное гнездо, что оно еще лет 10 гудеть будет. Они сейчас все эмираты переделают. Чем ты думал?

— У меня ничего не вышло, — признался старый наг. — Как только он увидел Ортлер, в нем проснулось нечто... неуправляемое. Слово древняя память. Теперь я его оттуда даже вытащить не могу. Он как с цепи сорвался, оказавшись в своей стихии.

— Прав был Хэйген... — раздраженно проворчал Реваль, и Кольер нервно дернул щекой, вспоминая тот скандальный вечер на карнавале. — Три эмирата из пяти гудят. В столице неспокойно, опять пошли разговоры о мятеже против Гаяров.

— А они когда-нибудь утихали? — осведомился Кольер с иронией.

Реваль кивнул.

— Бывало, что и утихали. Нынешний эмир стар уже, сыновья в затылок дышат, да этот вечно мятежный братец рядом крутится. Чую я, его вот-вот уберут, мне для этого даже при дворе бывать не надо.

— Так прими меры.

— Зачем? Сами разберутся. Чем меньше вмешиваешься, тем лучше. Пар все равно спустится, это такая земля, иногда им надо давать разрядку. Одно прошу — объясни ему, почему Каррану трогать не стоит. Хочет дальше воевать, пусть займется маркграфами. Ну да, там все гораздо проще и обыденнее, обжитая земля, дисциплинированные жители, если он Рувабе за неделю взял, то с маркграфами за день разберется. Но если он сунется к Карране — я обижусь. А если я обижусь, он до своих денег не дотянется.

— Думаешь, он об этом не догадывается? Альтернативная платежная система в руках Лануэль, а ты давно не интересовался делами дома Аспида, — хмыкнул Кольер. — Мальчик умен и дальновиден.

— Гордишься, — пробормотал Реваль.

— Горжусь.

— Эрлен у вас показывается?

— Была однажды.

— Кто еще?

— Вагабр, с официальным визитом. Кинэн, но не сам, сначала по моей просьбе, потом по делу.

— Шеадры восстанавливаете?

— Уже восстановили.

— Кто еще?

— Лануэль. Альсар уже пару раз заглядывал, хочет, чтобы он обернулся и полетал, для его, Альсара, вдохновения. Рисовать его хочет. Мальчик растерялся, — тут Кольер с трудом сдержал смех, вспоминая явление темпераментного и экстравагантного покровителя искусств, Сашино недоумение и реплики невпопад.

— А вот с ним поосторожнее, — нахмурился Реваль. — За его экстравагантностью подчас много что кроется... Не надо его недооценивать. И Лани, кстати, тоже. Она его уже заарканила?

Кольер кивнул, вспомнив, как понравился Саше ее старинный, но удобно устроенный и уютный очаг, и как он пропадал там всю неделю, пока наводил страх на Рувабе.

— И это пройдет, — констатировал глава Золотой Гильдии. — Гевор, кстати, опять исчез. Где его носит, хотел бы я знать...

— Объявится, — сказал Кольер, почти сразу же будучи прерван низким гудением гвора.

— Извини, — буркнул Реваль. — Дела. Так я к вам и не попаду никак, ни с официальным, ни с частным визитом.

— Успеешь еще, — успокоил его старый наг. — Вам с ним некуда торопиться.

Глава 10. Поединок

На площадке за шеадром было ослепительно солнечно, прохладно и ветрено, и Юлька приземлилась немного поодаль, чтобы пыль, поднятая крыльями, не запорошила ей глаза. Опять она забыла маску и очки. Летать в Шамале было неприятно, песок и пыль мешали даже на высоте. Самир уже находился здесь, с Наилем и специальным судьей для подобных поединков, которые были в Шамале частью традиционной культуры. Она с удивлением узнала, что традиции личных поединков есть во всех землях и существуют испокон веков, но разнятся популярностью и видами оружия — например, в Элезии предпочитали рукопашные бои, в Ар Лессене — с короткими шамальскими кинжалами, в Ирнани — с одиночными нигийскими саблями, на островах Ар Иллима существовал свой дуэльный кодекс — сложный, со множеством необычных ритуалов и формальностей. Шаамы дрались часто, охотно, установив для себя три формы личных поединков: до первого касания, до неоспоримого поражения, до смерти. Сегодняшний поединок должен был вестись до неоспоримого поражения одной из сторон.

Сняв форменную куртку, Самир разминался с саблями. Жутковатое зрелище, подумала она.словно стальной цветок медленно раскрывает свой бутон, расцветает, распаивает острые лепестки-границы и так же медленно увядает. Рессера не было. Завидев ее, Самир отложил сабли и с напряженной улыбкой подошел поздороваться.

— Что-то твой знакомый опаздывает, — усмехнулся он. — Ты уверена, что он придет?

Юльке захотелось его ударить.

Она сняла зажимы с локтей и запястий, опустила руки, и, сложив крылья за спиной, села на плоский камень чуть в стороне от площадки и принялась поправлять туго обтягивающие ноги плотные полетные лосины, отряхивая их от пыли и песка. Здесь женщины носили или платья, или шелковые шаровары, и ее вид считался чересчур вызывающим. Голодный взгляд Самира то и дело скользил по ее фигуре, отчего ей вдруг стало мерзко, словно он раздел ее на людях. В платье, к сожалению, не полетаешь, в шароварах — холодно и неудобно. Чего тарашиться-то?

Вчера она вернула ему книгу. В целом, взгляд на Единого пришелся ей по душе, но ее атеистическое сознание не могло воспринять это учение иначе как еще один эпос, в дополнение к уже прочитанным. Рисунки демонов и описание их жестоких деяний местами вызвали у нее смех, кое-где — отвращение, и единственное, что держало ее в напряжении все это время — мысль, что за подчас комичными, подчас избыточно кровавыми сюжетами могут стоять вполне реальные события, пусть однократные, пусть состоявшиеся даже не в этом тысячелетии, но реальные, не выдуманные. Темная ипостась Реваля, например, вполне могла бы внушить людям ненависть и заставить грабить друг друга, пусть одного единственного за все время существования Ар Соль Реваля, а черная ипостась кошки-Лануэль — задушить и съесть младенца. Жестокие оргии, устраиваемые Фениксом, и дикая охота обезумевшего зубра, под копытами которого разрушалась земля, и неконтролируемая ярость Нигейра, сжигающего города... Звериную жестокость Анта Хэйгена до сих пор помнили в Элезии, и даже Элианна-любовь могла когда-то оказаться беспощадной и безжалостной убийцей. Все это могло происходить и на самом деле, оно реалистично вписывалось в существующую картину мироздания, а значит, делало его гораздо более неблагоприятным и непредсказуемым, чем ей изначально казалось.

Рессер появился неожиданно, стремглав выскочив из-за правой грани шеадра. Она еще никогда не видела его таким, она бы его опять не узнала при встрече: гладко зачесанные назад и туго затянутые в хвост волосы, черная обтягивающая рубашка с длинными рукавами, черные брюки, на этот раз с оружейным поясом, к которому крепились две сабли. Спутников у него не было. Он едва заметно кивнул Юльке, и все той же быстрой походкой направился к своим противникам. Она смотрела, как шаам-судья осматривает сабли, проводя по ним какой-то хитрой губкой — на яды, что ли, проверяет? Она услышала вопрос о свидетелях и резкий ответ, что лишние глаза — лишние сплетни. Она услышала вежливую просьбу представиться — и такой же резкий отказ.

— Давайте быстрее, — сухо сказал он. — Я опаздываю со вчерашнего дня.

Противники разошлись в разные стороны площадки и отвернулись друг от друга, держа сабли в руках. Юлька рассматривала оружие, пытаясь понять их преимущество: шамальский клинок был шире, короче и тяжелее, нигийский — тоньше, длиннее и легче. Оба они идеально подходили своим хозяевам — массивному, мускулистому и атлетичному шааму и легкому, худощавому и подвижному элезу. Сигналом к началу поединка послужил боевой клич, выкрикнутый судьей. Они оба резко повернулись и молниеносно ринулись навстречу друг другу.

От страха у нее перехватило дыхание. Одно неточное движение, и кто-нибудь из них будет ранен, покалечен, убит... Не было ничего прекрасного, искусного или возвышенного в этом поединке, несмотря на внешнее сходство с элегантным и совершенным танцем. Танец не несет в себе ни боли, ни смерти. Она вспомнила, как Саша учился владеть оружием, сначала в Рамьене, потом — в Наган-Кархе, и запоздало осознала, что тренировочный поединок никак нельзя поставить рядом с настоящим, потому что цена у них слишком разная.

Она смотрела на кружившихся в убийственном танце мужчин с мучительным напряжением, изредка вздрагивая, когда металлический шелест сабель превращался в болезненный лязг. Тусклые молнии клинков иногда мимолетно отражали падающие на них солнечные лучи, рождая колющие, словно острие, блики. С непостижимой для глаза быстротой они наносили и парировали удары. Самир нападал яростно, со всей силы, и у нее каждый раз останавливалось сердце, когда его тяжелый удар с лязгом обрушивался на скрещенные сабли Рессера, которые сразу же жестко отбрасывали шаама назад. Рес больше защищался, чем нападал, кружа, отступая, выманивая вспыльчивого шаама на себя и заставляя его промахиваться и терять равновесие. Стремительно меняя позиции, он делал короткие обманные выпады, которые Самир едва успевал парировать, и снова оказывался в другом месте, легко отступая, но не позволяя противнику подойти к себе ближе, чем на длину клинка. От напряжения Юлька закрыла глаза, настороженно вслушиваясь в высокий металлический звон, иногда восходящий на крещендо, а когда уловила чей-то хриплый и болезненный вздох, то вздрогнула и в панике вцепилась взглядом в обоих — кто? На черной одежде Рессера ничего не было видно... Потом она заметила разрыв на рубашке Самира и выступившее на ней кровавое пятно. "Все, хватит", — хотелось закричать ей, но она знала, что только помешает кому-нибудь из них, опасно отвлекая внимание.

Первое касание, казалось бы, только подхлестнуло Самира и он обрушился на своего противника с удвоенной яростью. Шаг, другой — и он отбросил более легкого Рессера на землю, но тот мгновенно вскочил на ноги, увернувшись от весьма опасного удара. Теперь они осторожно кружили друг против друга, выжидая и оставаясь начеку. Пауза тянулась

невыносимо долго, Юлька почувствовала, как пот течет по ее телу. Она неожиданно поняла, что боится, до потери сознания боится, и вовсе не за Самира. Рес, возможно, Самира хорошенько попугает и поцарапает, но ни калечить, ни убивать не станет, а вот ожидать снисходительности от шаама было излишне.

Как же долго все это длилось... Юлька закрыла глаза, устав от бесконечного мелькания черного и коричнево-белого силуэтов. Скорей бы уже кончилось, как-нибудь не очень страшно, она уже устала бояться. Она никогда не подозревала, сколько ужаса может таиться во всех этих разговорах о благородной эстетике оружия, о героических поединках, в легендах, в песнях, в картинах и гравюрах. Облагораживание, оправдание, очищение такой обыденной и грязной вещи, как убийство. Зачем оно возведено в ранг подвига, благородного поступка? А она еще восхищалась нагами с их тысячами способов эффективного поражения... И Саша теперь — во главе всего этого. Как грустно. Как несправедливо.

Юлька силой заставила себя поднять на них глаза. В какой-то момент они и вовсе превратились в размытые силуэты, так быстро они двигались. Закрыв лицо руками, она снова вздрогнула от резкого лязга — это зазвенела выбитая из рук Реса сабля, но он опять успел, отпрыгнув назад и уйдя от удара, подобрать ее и ловким и неожиданным выпадом кольнуть противника в плечо. Хриплая брань была ему ответом, и они снова схлестнулись, с еще большим неистовством пытаясь достать друг друга.

Когда же оно кончится, устало подумала она. Рес опять споткнулся под натиском атаки и отступил назад, едва не упав и давая Самире пролететь мимо него и тоже потерять равновесие. И снова они выжидательно закружили... Вскоре на одежде Самира проступило еще одно кровавое пятно. И еще. Его движения становились все более резкими и тяжелыми, все менее точными, шаг за шагом, минута за минутой он терял скорость, промахивался, неловко увертывался от коротких и точных, хоть и не частых атак противника. В конце концов одна из его сабель отлетела далеко на противоположный край площадки, а через минуту там оказалась и вторая. Издав разъяренный и сдавленный вопль, шаам бросился на противника врукопашную, придавив его своим весом, но ловкий и подвижный Хэйген удачно вывернулся из захвата, тотчас оседлал врага и, прижав его к земле, приставил саблю к горлу.

— На этом, я думаю, мы можем закончить, — сказал он, тяжело дыша. Самир замычал, пытаясь вывернуться из железной хватки противника. — Хватит, я тебе сказал, — неожиданно рявкнул он, резко встряхивая подмятое под себя тело. — Утомонись.

И быстро отпустил шаама, отойдя в сторону и положив сабли на землю. Самир тяжело поднялся, отыскал глазами противника и медленно, как обезумевший от ярости бык, двинулся ему навстречу.

— Хватит, — негромко повторил Хэйген, и Юлька вздрогнула от его ледяного, жесткого и колючего голоса, а шаам словно бы наткнулся на что-то невидимое и острое и замер в неловкой позе. Наиль бросился к нему, спрашивая, как тот себя чувствует, и требуя заняться ранениями, а судья, подойдя к обоим, объявил поединок оконченным. Рес пристегнул к поясу снятые заранее ножны, аккуратно убрал сабли и, коротко кивнув судье, нашел глазами Юльку. Она встала со своего камня, понимая, что нужно что-то ему сказать, но ничего не пришло ей в голову, кроме отчаянного желания разрыдаться. Когда он приблизился к ней, Юлька поняла, что он зол.

— Тебе-то зачем оно было нужно? — сухо спросил он. — Поглазеть захотелось? Она оторопела от его неожиданной, обидной резкости.

— Этот бой был изначально несправедлив и неравен, потому что мне, чтобы устать, надо вдвое больше времени, скорость у меня на порядок выше, и большая часть ранений мне не опасны, — продолжил он хмуро. — Я не очень хороший боец, но его я сильнее, потому что не человек, и мне не стать им обратно, как бы я этого не хотел. Так кому и что именно ты хотела доказать? Поставила только этого вспыльчивого поклонника под чужую саблю.

— Ничего и никому, — тихо ответила она. — Я не знала, как вас остановить.

— Знала, — возразил он. — Но не захотела. Ты предпочла упрекнуть меня. Я же демон, так? Какой с демона спрос, он виноват уже потому, что он демон.

— Я не... — начала она, но вдруг поняла, что спорить бессмысленно — она и правда в тот злополучный день приняла сторону Самира.

— Книжку дочитала? — спросил Рес, поворачиваясь и отслеживая глазами своего побежденного противника, понуро ожидающего в сторонке. — Трупоеда и некрофила видела?

Его это задевает, поняла Юлька неожиданно. Он старательно лжет, причем сам себе, что ему все равно, но это не так, совсем не так... Ей захотелось его утешить, сказать что-то хорошее и правильное, лишь бы он перестал злиться, но она чувствовала спиной ревнивый и недобрый взгляд шаама, и так и не нашла слов.

— Ладно, пойду я... — он быстро глянул на нее и сразу же отвел глаза. — Будь тут поосторожнее с этими горячими шамальскими парнями.

— Постой, — Юлька, заметив, что его черная рубашка прилипла к телу, внезапно забеспокоилась. — Ты не ранен?

Он уже уходил.

— Какое это имеет значение, — бросил он, не оборачиваясь. — Демонам не больно.

Глядя, как он все той же стремительной походкой удаляется и исчезает за углом шеадра, она кусала губы от неожиданно подкатившей к горлу обиды. Самир понуро захромал в ее сторону, но ей захотелось послать его к черту, как здесь говорили — к демонам Маара. Вместо этого, неожиданно для себя самой она медленно опустилась обратно на камень и заплакала.

Глава 11. Истинное золото Карраны

В Наган-Кархе, в отличие от Ортлера, было прохладно и тихо. В горах уже чувствовалась осень, желтели верхушки деревьев, дни становились все короче, а вечерами холодало. Все чаще и чаще шли дожди. Дела потребовали Сашиного присутствия, и он неожиданно понял, что соскучился по этому месту, которое теперь считал своим домом, по его спокойным краскам, современным удобствам и технологиям, по Стеклойной башне, с верхней площадки которой можно было увидеть чуть ли не весь Ирнан, простиравшийся до Изумрудного моря.

Кроме того, он ждал визита Кинэна, с которым хотел посоветоваться по некоторым не только техническим вопросам. Как много ему не хватало... Он думал о щитах, которые были необходимы, чтобы защититься от атак с воздуха. Вчера большой отряд крылатых воинов Серджента, не встретив никаких препятствий, успешно десантировался в небольшом селении на границе с Эльашром и успешно вырезал гарнизон мухарибов. Нагов, к счастью, там не было. Никто не ожидал, что из темноты на темных крыльях, сливавшихся с ночным небом, на головы начнут валиться вооруженные до зубов воины. Они планировали на крыльях, ловко управляя телом, и высвободив одну или обе руки, стреляли из многозарядных арлов (скорострельных мини-арбалетов). Среди нагов тоже было немало Крылатых, и Саша задумался о подготовке подобного крылатого отряда, хотя и считал, что летать на крыльях в Шамале непродуктивно из-за рельефа местности. Плато и плоскогорья, сухие и зачастую безжизненные, требовали высоко подниматься вверх, а там становилось труднее и холоднее дышать, бескрайние степи с их контрастными перепадами температур и сухим воздухом делали длинные перелеты на крыльях утомительными, к тому же степные ветра сбивали легкие фигурки с курса. Летали здесь только на короткие расстояния, в пределах города. Но он сразу же решил, что можно было бы сбрасывать десант Крылатых прямо из виммы, как парашютистов-десантников, и так же потом забирать их с места сражения, подвесив вимму в воздухе высоко над объектом атаки и отработав навыки обратной посадки. Надо бы разработать удобную десантную вимму, на базе грузовой, но ему для этого не хватало ни опыта, ни образования, а техноасы пока что слышать о нем не хотели. Он решил обратиться за помощью к Кинэну.

С Кинэном он удивительно быстро и легко нашел общий язык. Его подкупила прямота так обманчиво похожего на мальчишку, но совершенно не юного и далеко не наивного человека. "Пока Гевор строит из себя целку, я на тебе заработаю, — со смехом заявил он. — Глядишь, он потом локти кусать будет. У тебя голова свежая, взгляд, опять же, нетривиальный и незамысленный. Идеи, новые идеи, вот что нам всем нужно"

Выслушав его объяснения и просьбы, Кинэн задумался.

— С виммами все понятно, тут мы быстро справимся. Я б тебе предложил взять за основу медицинский транспорт и транспорт быстрого реагирования, который используют Пауки, виделуже наверно, когда они на прорыв Грани летают.

— Они больше на персональных, или по несколько человек, — возразил Саша.

— Но у них они есть, и немало. В общем, я тебя понял. Насчет защитного поля... Сложно, но я подумаю. Тут два варианта — или делать некий периметр, способный выключать гравидвигатели вимм и гравиядра крыльев, или что-то на силах и стихиях, тоже в виде контура, или купола, по идее это должно выглядеть, как много-много концентраторов,

что-то вроде сети. У меня хороший контакт с Рейнардом, главой школы Эгрок, я подкину ему мысль. Только имей в виду — ему я скажу, что это нужно, чтобы защититься от тебя, — рассмеялся он. — Так оно вернее сработает. Сам пока помалкивай.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Саша.

— Слышал, как ты Рувабе взял, — с уважением продолжил тот. — Впечатляет. Куда дальше? На Сеннар? Или пока подождешь?

— Каррана, наверно, — подумав, ответил Саша. — Решение само просится, очень уж она удобно лежит — на пересечении трех эмиратов. С ее территории можно хоть на Сиент, столицу Сеннара, хоть на Саманданг выходить.

— Понимаешь, Каррана — это не только красивый исторический город, — задумчиво произнес Кинэн.

— Да знаю я уже, что это второй по важности грузовой транспортный узел Ар Соль, после Веллима под Элласаром, — улыбнулся Саша. — Поле грузовых шеадров и поле товарных складов.

— Не только, — покачал головой Кинэн.

— Только не начинай про старую столицу Шамалея, историческое и культурное сердце и бессмертный символ чего-то там вечного и прекрасного, — фыркнул Саша. — Я это уже от Кольера три раза слышал. Он ужасно беспокоится, что я там чего-нибудь бесценное поломаю.

— Видишь ли, на самом деле Каррана — это действительно нечто большее, чем просто исторический город, — помолчав, заговорил Кинэн. — И они не зря так за него трясутся. Там под городом — старые катакомбы. Когда-то очень давно на месте Карраны было месторождение ариадов — это камни такие, по структуре похожие на алмаз, глубокого синего цвета. Ценность их не в красоте, а в том, что это базовый кристалл решетки шеадра, то есть, именно на ариаде держатся все наши пространственные порталы. Когда-то месторождений в мирах Ар Соль было достаточно, но постепенно они иссякли и сейчас законсервированы. Последние лет пятьсот их почти не добывают, но зато успешно выращивают в пещерах Кэммон Ара, это и быстрее, и проще. Но природный ариад имеет ряд преимуществ, например, он не трескается и не мутнеет, а значит, шеадр на природных ариадах фактически вечен и никогда не даст искажений. Так вот, на сегодняшний день у нас осталось очень мало шеадров, где стоят природные ариады, их целенаправленно заменили на более простые и дешевые. На природных остались только самые важные и самые старые линии, например, Рузанна — Элласар, Рузанна — Карха и так далее. Думаю, полный перечень первозданных шеадров только Ворон и знает...

— Это как-то влияет на перемещения, ну, какой кристалл стоит, природный или искусственный? — поинтересовался Саша.

— Нет, не влияет, за исключением долговечности и надежности. Когда кристаллы меняли, или меняют сейчас, все старые ариады — а они в хорошем состоянии, они фактически вечные, — собирали и складывали в одно место. В старые шахты под Карраной.

— Зачем? Их можно повторно использовать?

— Конечно. Во-первых, для тех же шеадров, если вдруг возникнет какая-нибудь проблема. Во-вторых, из тех же синтетических ариадов делают концентраторы и щиты, они прекрасно впитывают любую стихию, но фишка в том, что природный ариад имеет емкость в два раза больше искусственного. Третье — это самое ценное и самое дорогостоящее платежное средство нашего мира. Четвертое — есть масса суеверий, связанных с ариадом,

например, что он приносит удачу, здоровье и долголетие людям, и умножает силу Вечных.

— Действительно умножает? — полюбопытствовал Саша.

— Ну, у меня есть один природный ариад, — признался Кинэн. — Особых свойств я за ним не заметил, но ясность мысли и какое-то небольшое улучшение настроения и самочувствия он действительно дает, если носить его с собой. Я, кстати, и ношу, — он показал Саше небольшой ярко-голубой камень на цепочке, вытащив его из-под рубашки. — Можно, я думаю, иметь его в качестве талисмана или украшения, но не более. Мифы всегда или прекраснее, или страшнее реальности, — хмыкнул он. — Кстати, природные ариады есть в сокровищницах многих сильных мира сего, если будешь на балах и приемах, присмотришь к их драгоценностям. Природный ариад — синий, а искусственный — бесцветный, прозрачный.

— То есть, настоящая ценность Карраны — это склад ариадов где-то под городом, — констатировал Саша.

— Именно. Отвечают за сохранность и за использование этого резерва Реваль и Ширин. Иногда что-нибудь из запаса используется, иногда их пополняют, кое-какая добыча осталась. И считается, что месторождение под Карраной не выработано. Вот тут я не знаю подробностей, слишком уж старая это история, старее архивов моего Горностая.

— Любопытно, — усмехнулся Саша. — Неприкосновенный запас. Насколько сложно отыскать хранилище?

— Не знаю, — вздохнул Кинэн. — Никогда не интересовался. Тут или план катакомб, причем чем старее, тем лучше, или самому исследовать, но для этого надо туда для начала попасть.

— А что, разве туда экскурсии не водят? — полюбопытствовал Саша. — Я вчера был там, по городу гулял, да слетал на шеадр-порт посмотреть. Там везде экскурсии в катакомбы предлагают.

— Это для туристов, — засмеялся Кинэн. — Специально восстановлены два участка — туристический аттракцион с освещением, походом к подземному озеру, сияющему гроту, куда-то там еще, не помню точно. Пожалуй, хорошие планы катакомб должны быть у эмира Эльашра. В разное время она принадлежала разным эмиратам — то Эльашру, то Сеннару, то Сердженту. Так что спроси Зарифа, а еще лучше — его везира. Или каида.

— Взять порт все равно интереснее, — продолжил Саша после паузы. — Если его перекрыть, объем грузоперевозок упадет, Элласар захлебнется, поставки замедлятся, возникнет напряженность и необходимость договариваться. Следующий шаг напрашивается сам.

— Ты хорошо его рассмотрел, порт-то? — насмешливо спросил Кинэн.

— Рассмотрел, — кивнул Саша. — И не раз, летал уже через грузовые терминалы, приходилось. — Стоит в чистом поле огромный ангар, похожий на многоярусный гараж-эстакаду. Много-много ячеек с парковочными пандусами и светофором красного и желтого цветов. Красный — нельзя, идет встречный. Желтый — можно, свободно. Подлетает вимма, паркуется на карнизном пандусе, водитель вставляет карточку оплаты прямо в ворота, ворота поднимаются, вимма влетает, внутри прямоугольные воротца. Красивых картиночек, как на пешеходных шеадари, нет, на внешней вертикальной плоскости межграневой вуали указан регистрационный номер, земля, точное место, географические координаты, условное общепринятое название, если есть. Дальше ты медленно, на минимальной скорости, проходишь через вуаль, и все. В хааре от ангаров — еще ангары, склады, рядом с ними

стоянка для всех видов вимм и большой пункт аренды. Кстати, тут я временно виммы и возьму, для десанта, через подставных лиц, пока свои не построю.

— Соображаешь, — уважительно сказал Кинэн. — Ну а что дальше?

— Управление у ангаров внешнее, вся эта пропускная автоматика и платежная система, завязанная на гвор-линии, запитаны от индивидуальной генераторной станции под землей. Достаточно взять генераторный блок и пригрозить его взорвать. Там же микроядерный реактор в качестве источника... Какой бы древней, надежной и супербезопасной не была ваша технология, если по нему долбануть, мало не покажется.

— Да уж... никому из местных такое в голову не придет, ядерным взрывом шантажировать, — хмыкнул Кинэн. — Глобально мыслишь. Ну допустим, взял ты ее, — продолжил он. — Удержать бы.

— Реваль принципиально придерживается политики невмешательства, — сказал Саша. — Будут переговоры.

— Отбиваться придется не от Ревалья.

— А от кого тогда?

— Ну, например, от Хэйгена с Гевором. Они давние союзники. Реваль, опять же, в этом случае их полностью поддержит, и Ширин тоже.

— А какое основание будет у Хэйгена сюда лезть?

— Если Реваль попросит его вмешаться и защитить шеадры от разрушения, он будет обязан это сделать.

— Тогда надо, чтобы Хэйген занимался своими делами, и ему некогда было смотреть в сторону Ар Шамалья, — прокомментировал Саша. — Хорошо, что Анг Мирт не спит. Мне достаточно снять нагов с совместных вылетов на прорывы, и ему сразу станет не до защиты чужих шеадров.

— Вторая сторона, которая может вмешаться — это Ширин. Своих боевых сил у ее поменьше, ассасины только, личная гвардия, зато возможности поинтереснее, — продолжил Кинэн. — Она легко обратится за помощью к шеннон-арским брэннам, а у тамошних кланов у каждого своя боевая дружина, да и цапаются они друг с другом регулярно. Думаю, они с радостью откликнутся. Плюс школа Джмар под боком, щиты-концентраторы-стрелы Некроса, стрелы стазиса, технология маар-пробоя... это тебе не саблей махать.

— Стрелы некроса-стазиса и у меня есть, — сказал Саша. — Жаль дальность у них небольшая, и из-за того, что наконечник хрупкий, пробивная способность не очень. Но мы над этим работаем, — широко улыбнулся он.

— Зашибись! — воскликнул Кинэн восторженно. — Чур я первый, когда доделаешь.

— А Ширин почему?

— У нее в Сердженте и в Кельбеле очаги, а в Эльашре — домен. Она в своем праве. Кроме того, на шеадр порт завязаны все, пожалуй, кроме Альсара с Даллахом. У всех есть свой интерес, каждый что-то с него имеет. Так что ты бы с ним поосторожнее, не торопись, с Кольером посоветуйся, он много чего знает.

— Кольер против, — огорченно сообщил Саша. — Но он и против Рувабе был. Я его понимаю, он осторожничает и боится за меня. И он консервативен, как никто.

— Поживешь подольше, сам поймешь, что это не консерватизм, а самозащита, — фыркнул Кинэн. — Думаешь, почему Вечные гибнут?

— Ну, кто-нибудь убивает их человеческого носителя, — сказал Саша со смешком. — Другого способа, как я понимаю, нет. Прежнего Вагабра, например, убрал Корт Лессена.

когда он попытался в очередной раз ущемить их права.

— Ему почти пятьсот лет было, — хмыкнул Кинэн. — Потерял осторожность. Корт Лессена к тому моменту почти полностью состоял из молодежи, недавно получившей власть, наглой, самоуверенной и хитрой. Они не захотели его терпеть, быстро договорившись между собой. Это почти что конфликт поколений, — хихикнул он. — Старик Вагабр забыл, что дети имеют привычку бунтовать и выходить из под контроля, настаивая, что их время — лучше. Чем больше нам лет, тем беспечнее мы становимся, привыкая к вечности и иллюзорной неуязвимости. И гибнем не только в результате заговора, а от банальных бытовых катастроф и рабочих просчетов. А Кольер очень стар, и он — не Вечный, поэтому он никогда не теряет осторожности.

— Я понимаю, — согласился Саша. — И ценю.

Какое-то время они еще обсуждали, как быстрее переоборудовать и переоснастить виммы.

— Кстати, а чем тут тоннели прокладывают? — неожиданно спросил Саша. — В Ахре отличная подземная пещера с тоннелями под хребтом, но боюсь, не пришлось бы расширять. Чем тут горные породы взрывают?

— Я пришлю тебе образцы, — ухмыльнулся Кинэн. — Посмотришь мощность, тонкости использования, сам решишь, что тебе нужно.

Глава 12. Призрак Ворона

Я уходил, чувствуя лопатками жгучий и обиженный Юлькин взгляд и с трудом стараясь не оглянуться. Нет, ее пылкий поклонник меня не достал, хотя и помотал изрядно. Я далеко не лучший боец, а уж до Львов Серджента мне точно далеко. И лучше мне держаться от нее подальше — ничего хорошего ей знакомство со мной не принесет, особенно сейчас, когда силы, считавшиеся спящими, вдруг пришли в движение. Так будет лучше. Так она точно останется живой, здоровой и может быть даже счастливой. Если ей нравится этот темпераментный красавец шаам, что ж, я не буду мешать.

Мне надо было заскочить домой, положить сабли, принять душ и переодеться. Меня ждала Ширин. Всю эту неделю мы наблюдали за Даллахом и Вагабром, надеясь, что они смогут самостоятельно вернуться в человеческий облик, но к сожалению, ничего подобного не происходило, они по-прежнему бродили в лесах, медленно, но верно дичая и все больше и больше теряя контроль над своей вечной силой. Даже Дзуликим не рекомендуется долго находиться в шкуре, они от этого деградируют, теряют человеческий облик, для них это наказание, неприятное и подчас мучительное. Что же станет с человеком внутри Вечного, если контроль разума над бессмертной сущностью так и не вернется?

Взлетая из башни, я решил быстро заскочить к Шандру, узнать новости, потому как на привычную утреннюю планерку в штабе Пауков я сегодня таки опоздал. Я не всегда на них бываю, обычно деля внимание между Пауками, Стражей и Следопытами по очереди, и обычными гражданскими вопросами не занимаюсь, если только не случается что-нибудь чрезвычайное, требующее моего личного внимания. Бренны земель прекрасно справляются и без меня. Но в последнее время меня настораживала напряженность, связанная с появлением Нигейра Аспида в наших мирах, словно он разбудил погруженное в спячку осиное гнездо. Воскресли и оживились застарелые конфликты между хозяевами земель и попытки передела давно устоявшихся территорий и сфер влияния. У нас тоже назревало, не только в Ар Шамале и в Ар Ирнани. Юг Элезии, с его богатыми, плодородными, густонаселенными землями тоже время от времени начинал закипать, и мне бы не хотелось, чтобы там полыхнуло. А полыхнуть могло на побережье Аскарема, где старые аристократические роды разумных и Дзуликих тысячелетиями перекраивали свои владения.

Описав круг над побережьем и еще раз полюбовавшись на море, я собрался было снизиться над Альбре, но заметил сбоку и сзади подозрительную тень. Немного наклонившись, я убедился, что это та самая тень ворона, что преследовала меня над Тайремом. Тень показалась мне крупнее, чем в прошлый раз, и плотнее, качественнее, что ли, и такая же карикатурно хищная. Я развернулся и, неторопливо описав пару кругов над морем, сделал вид, что передумал, а потом стремительно кинулся на нее, но тень оказалась неожиданно проворной и увернулась от моей атаки не менее ловко. Сменив направление, мой двойник немного уменьшил высоту, зашел на береговую полосу и устремился к лесу. Я последовал за ним, чуть увеличив скорость и рассчитывая нагнать призрак за полосой камней, но ворон неожиданно камнем упал вниз, торопливо уходя к лесу и словно выискивая над темно-зеленой чащей какое-то убежище. Я поднялся чуть выше, почти нагнал его и начал прижимать к земле, вынуждая сесть. Верхушки деревьев уже были совсем рядом, когда снизу, из лесной чащи, засвистели стрелы, и я почувствовал, как одна, затем — другая ударили меня в подбрюшье. Острая и короткая боль от укола вспыхнула и быстро исчезла,

уступив место тяжести и онемению. Я поискал заманившую меня под стрелы тень, но она ожидаемо исчезла за те короткие мгновения, когда я отвлекся. Стрелы вошли неглубоко, та, что попала ближе к подхвостью, и вовсе выпала, когда я взмыл вверх и направился обратно в башню. Надо было выдернуть вторую... И я серьезно опасался, что обернуться человеком уже не смогу.

Едва дотерпев до башни, я выдернул стрелу, опять пережив острую, но кратковременную боль. Все-таки гигантская птица гораздо легче переносила подобные неприятные вещи, чем человеческое тело. Потом попытался трансформироваться — и ожидаемо потерпел поражение.

Словно волна электрического тока прокатилась по всему телу... меня затрясло, но я попытался надавить, нажать, настойчиво вызывая нужные ощущения и представляя себя человеком... Без толку. Я дернулся и напрягся, пытаюсь вырваться из птичьего тела, но оно опять ответило встряской, а я чуть было не потерял равновесие.

Я лихорадочно метался по площадке, продолжая свои судорожные попытки и испытывая чудовищный шок от невозможности вернуть себе человеческий облик. Паника захлестывала меня волнами, и вместе с ней начало накатывать чувство потери контроля над ипостасью. Переключилось зрение и чувства, с человеческих на вороновы, стали пугаться мысли, вытесняемые хорошо знакомыми ощущениями стихийного существа-сгустка энергии, мыслящего образами, инстинктами и порывами. Меня захлестывало Вороном, как неопытного пловца волнами во время шторма, человеческие разум и воля медленно тонули в бескрайнем океане сознания бессмертного божества. Вынырнуть бы, вынырнуть... В отчаянии я рванул вверх, в небо, и лишь немного отойдя от береговой линии, камнем упал в холодный и прозрачный, почти безветренный сегодня океан.

Это немного остудило пожар паники в моей душе. Ворон мне подчинялся. Я вынырнул, отлетел еще дальше от берега и снова нырнул, ловя холодное течение. Постепенно вернулась и четкость мыслей, и чувство полного контроля тела, и вот то специфическое, но давно привычное состояние единения человеческого разума и всецельной стихии. Я даже подавил поднявшее изнутри чувство хищного голода, легко подавил, одним усилием, хотя раньше мне это либо не удавалось, либо удавалось с трудом. Все нормально. Я-таки человек, а не тварь, и не демон.

Но поесть было нужно, хотя бы для того, чтобы не давать неразумной сущности повода вырваться на свободу. Что ж, спрошу у Ширин, нет ли в Шеннон Аре беспокоящих ее племен, численность которых надо проредить...

Земля-Основа, а как же я теперь ее спрошу? Как я теперь буду контактировать с разумными?

В вечном облике не поговоришь. У меня с Шандром и с элитой Пауков была выработана система знаков для общения в бою, когда я в небе, но это даже не язык, а набор визуальных команд, понятный только своим. Их речь я, конечно же, понимаю, и даже слышу лучше, чем в человеческом облике, но как теперь отвечать прикажете?

Как бы то ни было, Ширин меня ждет. В человеческом обличье или в зверином — опаздывать все равно невежливо. А я уже опоздал.

Я осторожно приземлился на посадочной площадке для вимм Нуэйна, сторонясь садящихся и взлетающих транспортов. На меня зачарованно глазели и почтительно отходили в сторону. Подождав немного и надеясь, что меня кто-нибудь встретит, я медленно уменьшился, чтобы пройти размахом крыльев в дверной проход. Передвигаться в закрытых

помещениях в облике Ворона я терпеть не мог — дверь не откроешь, крылья не распахнешь, только если уменьшаться до размеров обычной птицы и использовать когти. Жутко неудобно. К счастью, двери Нуэйна открывались сами собой, и я влетел в просторный зал-прихожую, сел в центре, снова вырастил себя до размеров чуть больше человека и стал ждать, пока кто-нибудь ко мне выйдет. Буквально через несколько минут из проема напротив появилась сама Ширин. Окинув меня хмурым взглядом, она со вздохом спросила:

— И ты туда же?

Я отчетливо кивнул, наклонив голову почти до пола. Потом уменьшился и вспорхнул ей на плечо.

— Ну пошли, что ли... — она сняла меня с плеча и пересадила на руку. Мы поднялись в ее личный кабинет, где она ссадила меня на рабочий стол, села в кресло, положила подбородок на руки и печально уставилась на меня. Смущенный ее грустным и укоризненным взглядом, я попятился назад.

— Как же ты подставился? — спросила она со вздохом. Оглядевшись, я взлетел под боковой аэр и, сделав так, что моя тень отчетливым контуром легла на пол, бросился на нее. Потом на всякий случай повторил движение еще раз.

Она каким-то образом поняла, о чем я.

— Ты увидел свою тень или что-то похожее на тебя, и погнался за нею, — сказала она.

Я вернулся на стол и закивал.

— В тебя откуда-то целились и ранили, — продолжила она. Я клювом показал, куда. Она потянулась, взяв меня в руки и попыталась рассмотреть след от стрел, но он был фактически незаметен. — Тебе нужна помощь?

Никогда в жизни меня вот так не брали... в ладони. Ощущение от прикосновений ее пальцев оказалось так неожиданно приятно, что я поспешил высвободиться из рук и отрицательно повертел головой.

— Ты пытался обернуться и не смог, — продолжила она, — совсем, несмотря на усилия.

Я кивнул.

— Ты полностью контролируешь ипостась и ощущаешь себя человеком.

Я снова кивнул. Потом, заметив на ее столе документ, клювом вытащил лист и принялся показывать ей на буквы, одну за другой.

"Что с остальными?" — прочла она мой вопрос.

— Даллах дичает, блуждает где-то в лесах, его и не видно. Ваэль тоже... не радуется, хотя неприятных инцидентов больше не было.

"Предупреди всех о призраке", — снова показывая на буквы, попросил я.

— Обязательно.

"Сообщи Шандру", — опять попросил я, чувствуя при этом неловкость.

— Я бы на его месте тебе все перья вырвала, — усмехнулась она. — До чего ж беспокойное и безответственное руководство ему досталось. Интересно, смогу ли я переманить его к себе, пока ты тут изображаешь маленькую скромную птичку?

Я издал резкий горловой звук, расправил крылья и стал расти прямо у нее на столе

— Ну-ну, не сердись, — рассмеялась она. — Стол сломаешь.

"Кто следующий?"

Она протянула мне руки, приглашая сесть ей на ладони.

— А что, если все по очереди? — предположила она, поднося меня к глазам.

"Останется тот, кто стоит за этим"

— Думаешь, это кто-то из нас?

Я встрепенулся, пытаюсь таким образом выразить сомнения.

"Пожалуйста, будь осторожна."

Кончиками пальцев она провела по голове и крыльям, потом осторожно погладила оперение.

Я ей что, голубь?

— Я постараюсь, — серьезно пообещала она.

Глава 13. Каррана

Шеадари, ведущий из Саманданга в Каррану, располагался в северной ее части, недалеко от городской стены, внутри красивой старинной беседки, сплошь покрытой причудливой каменной резьбой. Вокруг находился большой кипарисовый парк, вдоль аллея которого цвело множество роз всех сортов и оттенков. Запах стоял невероятный — сладкий, пьянящий розовый дух смешивался с солоновато-терпким кипарисовым ароматом, и у Юльки сразу же от восторга закружилась голова. Как здорово, что они все-таки выбрались сюда, несмотря на хмурое настроение Самира, невыспавшегося Наиля, Ильнару, перемерявшую перед выходом весь гардероб, и нетерпеливого и ехидного с утра Ролли.

Теперь они восхищенно осматривали улочку за улочкой, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться на изысканные фасады домов и дворцов. Каррану не зря называли Золотым городом — белый с золотистыми слюдяными вкраплениями камень, добытый когда-то в каменоломнях под городом, светился на солнце нежным золотым сиянием. Старая столица Шамале оказалась не просто прекрасной, она была словно волшебная шкатулка — воздушная, изящная, сказочно чарующая, созданная будто бы и не людскими руками, а волшебными палочками фей. Что ни дом — то дворец. Что ни дворик — то сказочный сад. Что ни фонтан — то водопад звенящих капель и струй, само совершенство и очарование.

Юлька умышленно позвала с собой Ролли, зная, что он когда-то мечтал побывать в Карране и подозревая, что мужчины-шаамы с ней по музеям ходить не захотят. Так и получилось: Самир и Наиль действительно их бросили, отправившись на конную арену где-то на восточной окраине города, рядом с которой располагался местный конный рынок, где можно было за небольшую плату взять хорошего скакуна напрокат и поработать на недавно обновленной полосе препятствий. Погуляв по историческому центру, рассмотрев все знаменитые дворцы, сады, храмы Вечных, здания театров, монументы великим полководцам, настенные барельефы на исторические и мифологические сюжеты, крытые и открытые колоннады, выпив кофе в колоритной исторической кондитерской, компания договорилась встретиться в шесть вечера, когда после сиесты начнут открываться таверны и ресторанчики.

Самир получил четыре неглубоких ранения во время поединка и быстро поправлялся. Чувствовал он себя хорошо, и особенно воспрял духом, увидев, что ничего не потерял в Юлькиных глазах, а когда на следующий день она пришла его проведать, и вовсе обнаглел и на радостях полез целоваться. Ей пришлось жестко пресечь его поползновения — переходить на более близкий контакт она пока не собиралась. Вот еще одна причина, вынудившая ее позвать Ролли с Ильнарой: Юлька категорически не хотела оставаться с ним один на один, и посторонние нужны были ей, чтобы удерживать Самира в рамках приличия.

Ролли, который готовился к посещению Карраны, как к выпускному экзамену, сначала потащил их во дворец пяти эмиров, а потом — в музей изящных искусств. Дворец пяти эмиров располагался в самом центре и по площади занимал чуть ли не половину всего города. Эмиратов в Шамале всегда исторически было пять — по числу земель. В течение тысячелетий они меняли границы, столицы, эмиров, но за всю историю этого края число их — пять — оставалось неизменным. Дворец поражал размерами и роскошью, богатым убранством и множеством разнообразных садов-двориков, скрытых за мощными древними стенами: Лимонный дворик был усажен цитрусовыми деревьями, Розовый поражал

многообразием сортов роз, в Львином Юлька насчитала семьдесят статуй львов, разбросанных по саду в различных позах, сад амариллисов очаровывал затейливыми узорами из высаженных в определенном порядке цветов, а в чайном дворике можно было увидеть не только образцы чайных кустов, но и выставку всяческих чайников, чашек и чайных столиков.

В музее изящных искусств, кроме привычной уже портретной, пейзажной и батальной живописи Юлька увидела несколько залов, посвященных сюжетам, похожим на сказки Тысячи и одной ночи. Никогда раньше она не встречала такого красивого эротического искусства. Откровенные и в то же время лишенные всякой вульгарности картины располагались в залах с мягким, камерным освещением. Скрываясь в полумраке, они притягивали внимание. Еще там были статуи — не менее откровенные и не менее совершенные. Ролли краснел, Ильнара разглядывала картины с необычайной серьезностью, а Юлька решила, что вернется сюда в одиночестве, чтобы рассмотреть всю эту откровенную красоту без спутников.

Когда они вышли из музея, жара уже немного спала, но даже несмотря на середину осени, удушливая волна зноя все еще окутывала улицы. Встретив у памятника первому эмиру донельзя довольных Самира с Наилем, они отправились в заранее присмотренный ресторанчик по соседству с дворцовой площадью. Аппетитные запахи, тянувшиеся оттуда соблазнительной волной, будоражили и воображение, и желудок.

Заказав обильный ужин и устроившись на уличной террасе, они бурно обсуждали последние новости, свои дневные впечатления и последние университетские и городские события. Ролли рассказывал о своем житье-бытье в Альбре, и Юлька неожиданно с тоской поняла, что скучает по городку и по тамошним знакомым. Надо бы вернуться, подумала она. Хотя бы, чтобы спасибо им всем сказать.

Сумерки упали на город темным, расшитым звездами покрывалом, а с уходом солнца на его улицы и площади прокралась прохлада, которую приносил по вечерам ветер с гор. Улица, уставленная столиками, оживленно шумела, терраса быстро заполнялась народом. Довольная и расслабившаяся Юлька, потеряв нить разговора своих друзей, увлеченно принялась глазеть по сторонам. Вон парочка в ресторанчике на противоположной стороне, явно влюбленная, потягивает вино и ждет заказа, пылко глядя друг другу в глаза. А вон там, в забегаловке сбоку, гуляет компания уже подвыпивших крепких дядек. Шумят, яростно стуча кулаками по столу, у всех за поясом кинжалы, у многих — сабли. Не передрались бы, опасливо подумала она. Здесь это не редкость.

Искоса, осторожно, она посмотрела на Самира. Надо как-то тихонечко его отвадить. Поначалу его настойчивое внимание льстило ей, вызывая любопытство, но теперь его ухаживания тяготили, вплоть до раздражения. Слишком уж он самоуверенный на ее вкус, прям самодовольный, а вот мозгов — маловато, одни сплошные мышцы. Хотя, конечно, красавчик.

Юлька печально улыбнулась собственным мыслям. Красавчик, да. И Наиль симпатичный. Если их сравнивать с тем же Сашей, то Саша проиграет. Саша... он теперь далеко, совсем далеко, на недостижимой более для нее высоте. Он Вечный Змей. Могущественный, бессмертный, прекрасный и грозный. Он, скорее всего, забыл, вычеркнул ее из жизни так же, как когда-то вычеркнул Румянцева. Что ж, оно почти не болит теперь, если эту тему не трогать. Если просто жить дальше.

Ильнара, слушая ее раздраженные сетования на навязчивость Самира, ужасалась, как можно отвергать такого роскошного кавалера. С ним же так приятно прогуляться по улицам

Саманданга, посидеть в кофейне на центральной площади, ловя на себе завистливые взгляды подруг, можно и позволить ему пару ничего не значащих поцелуев... Юльку же раздражала подобная бездарная потеря времени, которого ей и так не хватало на все, что хотелось прочесть, изучить или увидеть.

Полетать бы... Жаль она не взяла с собой крылья, тут так интересно полетать над городом, на уровне вторых этажей, как принято в той же Элезии. Мир сразу видится по-другому, и скорости у него тоже становятся другие. И небо видится другим, когда ты в нем. Она так и не отважилась полетать над океаном в Альбре, повидать те островные форты. Неоднократно она приходила на скалу, с которой до них было рукой подать, и с завистью наблюдала, как время от времени над ними проносится огромная черная птица, то исчезая, то появляясь над облаками и изредка ныряя в океан. Вечером зрелище было особенно эффектным, когда черное с синими кончиками перьев существо возникало словно бы ниоткуда, рождаясь из тьмы и далеких бликов на воде подобно демону из ада. Каждый раз ей становилось страшно, и каждый раз она провожала его взглядом до башни, прячась и не желая выдавать своего присутствия.

В этих краях ночное небо было другим. Черным и непроницаемым, со множеством звезд. И теплым, ласковым.

Заглядевшись на черный бархат неба над видимой издалека площадью у дворца, Юлька неожиданно заметила на нем смутно проступающие темные фигуры с крыльями и, потрясенная, дернула Самира за руку. В этот же момент рядом звучно засвистела баллиста, одна, затем вторая, а откуда-то из дверей соседних домов один за другим вывалились люди в белых и золотых халатах. Она уже знала, что такую форму носят воины верховного эмира Гаяра; Самир, находясь на службе, ходил в таком же одеянии, только с более затейливой вышивкой на рукавах и воротнике. Компания мужчин из соседнего ресторана стремительно преобразилась, ловко и почти бесшумно покинула свой столик и, проскальзывая между прохожими, устремилась на площадь.

И тут неожиданно, в полный голос, с характерным хлестким звуком, который ни с чем не спутаешь, заработали баллисты, оказавшиеся на всех окрестных крышах, а из окон в сторону площади полетели арбалетные болты. Посетители кафе и случайные прохожие с криками ужаса бросились прочь, опрокидывая столики и стулья, кто-то кинулся прятаться в подъездах домов и за стенами двориков, кто-то ломился внутрь и во дворы ресторанчиков.

— Демоны Маара! — ругнулся Самир, — Он все-таки осмелился напасть.

— Кто? — испуганно спросила Юлька

— Зариф, эмир Эльашра, — сквозь зубы процедил тот. — Сговор у него с младшим братом нынешнего верховного эмира. Давно уж поговаривают, что переворот будет. — Пойдем-ка и мы отсюда, сейчас, боюсь, здесь будет очень жарко.

Отовсюду продолжали выскакивать воины в форме Гаяров и обычные люди, вооруженные саблями и арлами. С неба сыпались Крылатые и приземлялись на крыши домов и на площадь перед дворцом, а вскоре над крышами появилась одна большая и несколько обычных вимм, и Юлька машинально отметила, что они тех же моделей, на которых в Белый овраг когда-то прилетал Саша. Самир схватил ее за руку, Наиль подхватил Ильнару, и они опрометью кинулись из кафе и свернули на ближайшую улочку. За ними уже бежали другие. Заметив незакрытую калитку, Самир втолкнул ее в первый попавшийся патио. Там уже находились перепуганные насмерть люди, спасающиеся, как и они сами, от уличной резни.

Нервно озираясь и снова глянув вверх, Юлька взвизгнула и вцепилась в руку Самира. На плоскую крышу, где был разбит небольшой сад, только что приземлился крылатый воин с саблей наперевес. Ему навстречу бросились двое, но он снес их одним плавным, отточенным движением. "Точно наг", — подумала Юлька, испытывая смешанные чувства. Может быть, она даже знает его, если присмотреться. Может быть, это один из тех серьезных и внимательных людей, что сдержанно улыбались ей когда-то в Наган-Кархе. Теперь он превратился во врага и убийцу, и мысль о том, что через пару мгновений он может точно так же, элегантно отработанным движением снести голову и ей, вызывала у нее отвращение и ужас. И желание бежать сломя голову подальше отсюда.

На соседних улицах явно происходило что-то страшное: слышались громкий топот, звон разбиваемых стекол, пронзительные крики и брань, лязг оружия, характерный скрип баллист и свист арлов. На крышу спикировал еще один наг, прыгнул в гущу людей, от него отшатнулись, давая дорогу к калитке, которая теперь была выломана и висела на одной петле, неприятно скрипя и громокая об стену. Самир дернулся к нему, выхватывая кинжал, но Юлька панически вцепилась ему в руку.

— Тебе его не взять! — крикнула она срывающимся голосом. — Это же наги...

Над головами одна за другой пронеслось несколько вимм, затем одна из них, огромная и обшарпанная, низко зависла над соседней крышей, и на ее стали выпрыгивать обычные воины, в бело-красных одеяниях — мухарибы Эльапра. Они ловко спускались с крыши на галерею, и народ, набившийся в патио, с визгом бросился к выходу, вынося Юльку и всех ее спутников на близлежащую улочку.

Вместе со всеми они выбрались из дворика и снова оказались в самой гуще толпы, тесно сомкнутой и тяжело дышавшей страхом, истекающей потом в жарком вечернем безветрии. Под ногами уже появились тела, и Юлька, споткнувшись об одно из них, в ужасе подпрыгнула и отшатнулась назад, налетев на Ролли, который охнул и тоже чуть не потерял равновесие.

— Уходим домой, — скомандовал Самир.

Шеадари на Саманданг теперь находился в стороне от них, в северной части города, далеко за дворцом пяти эмиров. Продираясь сквозь толпу, валившую в противоположную сторону, они увидели, как на площадь все прибывают и прибывают виммы с десантом. Бой отрезал северную часть города от остальных.

— Идем через второй шеадр, — приказал Самир, — за городскими стенами.

— А куда он ведет? — спросила Юлька.

— Он внешний, — ответил вместо него Наиль. — Каррана — очень популярное туристическое место, тут за городом стоит огромный шеадр на 10, что ли, направлений, плюс есть большая стоянка вимм, прокат и камера хранения крыльев, кафе, и так далее.

— Можно будет взять вимму на стоянке, — добавил Самир. — Идем к западным воротам, если что — встречаемся и ждем друг друга на площадке для вимм, у здания, где камера хранения и кафе.

Выход из переулка оказался заблокирован очередной упавшей с неба виммой, вокруг которой кипел бой. Самир, постояв, неожиданно отпустил Юлькину руку и повернулся к Наилью и Ролли.

— Я не могу уйти, — процедил он сквозь зубы. — Я лев Серджента, воин эмира. Я не могу бежать от сражения...

— Может, ты доведешь нас до шеадра и вернешься? — испуганно спросила Ильнара. —

Вдруг на нас нападут?

— Наиль, бери женщин и Ролли и уводи их из города, — Самир поморщился от ее слов, но намерений не изменил. — И не задерживайтесь нигде.

Наиль сдержанно кивнул. Они развернулись и побежали обратно, а Самир, махнув им на прощание, принялся протискиваться в перегороженный виммой переулок.

В западной части города, состоявшей в основном из частных домов новой застройки не более пятисотлетней давности, оказалось спокойнее и просторнее. Сюда и стремились гости города и сами перепуганные горожане из тех, кто не мог сражаться, тем самым создавая давку и жуткую панику. Над головой то и дело проносились виммы, зависали огромные старые грузовозы, из которых выпрыгивали на крыши воины в красно-белых и черно-золотых одеждах. В них стреляли из арлов и баллист замаскированные на верхних этажах и крышах стрелки, на них кидались вооруженные и явно подготовленные к нападению горожане. Наиль шел впереди, размахивая подобранной на мостовой саблей и пробивая им дорогу в обезумевшей от паники и страха толпе. Привычно безоружный Ролли орудовал кулаками, а потом тоже подобрал звякнувший под ногами кинжал.

— Бей, бей шеземов, — кричали на улицах, — Ат аш на гайяр!

— Древний клич, — перевел Наиль поспешно. — "Свобода и сила"

— Что это? — испуганно завизжала Ильнара и вцепилась в руку Ролли еще сильнее.

Наиль озирался по сторонам, и Юлька опять подняла глаза вверх и замерла, всматриваясь и вслушиваясь в происходящее.

Крик. Брань. Снова крик. Топот. Лязг стали. Свист выстрелов.

Но смотреть надо было не туда. Внезапно она уловила отчетливые, глухие толчки под ногами, дрожь земли, все более различимую, нарастающую с каждым мгновением. А потом земля ушла у нее из-под ног. Катакомбы, вдруг вспомнилось ей, и, схватив Наиля за руку, она бросилась вперед, прочь от проседающей под ногами мостовой. Ильнара с Ролли кинулись в другую сторону, едва успев отбежать от разверзшейся прямо перед ними ямы. Там, внизу, обнажились неровные участки каменной выемки все той же бело-золотистой породы, из которой когда-то сложили этот город. Провал уводил вниз и внутрь. Земля содрогнулась еще раз, провал расширился, осыпаясь и опасно подползая к стенам дома, чье ажурное крыльцо уже угрожающе нависло над ямой.

— Идите в обход, — крикнул Наиль сестре, которая оказалась по ту сторону ямы. — Встретимся у камеры хранения, мы вас будем ждать.

Ролли махнул им рукой, и они с Ильнарой исчезли в толпе, из которой неожиданно донесся отчаянный вопль, и кричащая, охваченная паникой масса людей вывалилась с боковой улочки и врзалась в сгрудившийся перед ямой народ, сталкивая тех, кто стоял у края, прямо в провал. Их пытались подхватить и вытащить, но старая кладка, разрушенная по краям, продолжала расползаться, а провал — шириться. Обмирая от страха, Юлька искала своих, и, убедившись, что в провале их нет, позволила Наилю выволочь себя из свалки и увести в сторону.

А дальше опять были крики, лязг стали, дрожащая земля, скрежет, пыль, клубящаяся над провалами. До западных ворот оставался один квартал, издалека похожий на муравейник. На самом деле это было сплошь поле боя: одни теснили других, прижимая к дверям, к стенам домов, втапывая в мостовую или сбрасывая в ямы от просевших катакомб. На открытом пространстве улиц схлестывались защитники и губители Карраны, с крыш все еще падали баллисты и арл-стрелки, теперь уже вниз, а не вверх, выцеливая черно-золотых нагов,

которые, как крохотные стальные смерчи, неслись через город; за ними группами шли мухарибы, и если наги аккуратно и тщательно выщеливали воинов эмира, то эти не разбирали, кто попадал под удар их сабель. Наиль впихнул Юльку в нишу стены, закрывая собой и давая волне прокатиться мимо, но вскоре под ногами что-то опять вздрогнуло и поехало вниз, рассыпаясь, словно трухлявые доски, и они кинулись прочь, отшатываясь от яростно рубящихся воинов и вздрагивая от свиста стрел. Одна из них по касательной скользнула Наилю по ребрам, ободрав их в кровь, но он лишь выругался и поволок ее дальше. Земля продолжала содрогаться, стена стоявшего спереди дома медленно, будто в кино, осела вниз, придавливая камнями невезучих беглецов и окончательно перегораживая улицу.

— Назад, — крикнул Наиль, ища, куда бы свернуть. К счастью, рядом был переулок, они успели заскочить в него и неожиданно оказались на крохотном участке тишины и покоя. На заметной издалека параллельной улице шел бой — по ней уже неслась ворвавшаяся в город конница, а здесь было тихо, темно и пустынно. Они остановились передохнуть, отчаянно озираясь по сторонам.

— Катакомбы рушатся, — размазывая по лицу пот и кровь от случайных царапин, выдохнул Наиль. — Не понимаю, что происходит, они же тут тысячелетиями стояли, они же укрепленные...

— Их взорвали, — сказала Юлька.

— Как?

— Взрывчаткой. У вас же есть взрывчатые вещества для горнодобычи и строительства тоннелей, — устало продолжила она. — В Ирнани я видела немало тоннелей, они горные долины соединяют. Целые ряды тоннелей, отдельно для вимм и для крылатых. Очень удобно... Тот, кто хотел захватить Каррану, предусмотрительно заложил в катакомбы взрывчатку, точно, чтобы не весь город разрушить, а только посеять хаос.

И я даже знаю, кто это, подумала она с горечью. Не будем показывать пальцем.

— Смотри, — охнул Наиль, поднимая голову вверх. Зрачки его расширились от ужаса и восторга, в них отражалось неведомое откуда взявшееся в черноте неба золото. Гигантский змей падал на них сверху. Золотое его тело светилось в темноте, разбрасывая блеск зеркально сияющих чешуек, голова, длинная и узкая, щерилась золотистыми костяными пластинами, из-за которых причудливыми завитками, словно усы, топорщились роговые ленты. Глаза темного золота, миндалевидные, почти без белков, приковывали взгляд, парализовывали и внушали неконтролируемый, апокалиптический ужас. Крылья, перепончатые, золотые с зеленым оттенком, заканчивались шипастыми когтями на каждом сегменте, и на правом из них сверкал длинный алмазный меч-коготь. Упав на город, Змей стремительно пронесся над улицей, чуть выше городских крыш, и Юлька с Наилем почувствовали, как сквозь них прокатилась удушливая, тошнотворная волна ужаса и паники, их ударило концентрированной смесью смрадного, невыносимого страха, от которого подогнулись ноги и помутилось зрение.

Когда кошмарное наваждение отошло, они обнаружили, что оба, мелко дрожа и в холодном поту, сидят у стены. С трудом поднявшись на ноги, Наиль помог Юльке выпрямиться и потянул ее к выходу из опустевшего переулочка, но она все еще смотрела в небо, в котором иногда, на высоте, мелькали золотые крылья. Это — Саша? Это он? Он стал вот этим вот чудовищем? Ошеломленная, она покорно потащила за Наилем, плохо соображая, куда они идут.

Почти у самых ворот на них налетели всадники в красно-белых одеждах — это еще один

отряд эльашрской конницы ворвался в город. Наиль с трудом успел парировать сабельный удар пронесшегося мимо всадника, и подставился под следующего, успев толкнуть Юльку на землю — сабля просвистела у нее над головой. Ему распоролось грудью косым ударом на излете, но к счастью, задело только мышцы. Кровь заливала одежду, ему было больно, но жизни этот глубокая и болезненная рана не угрожала. Чтобы стянуть ему грудью хоть какой-то повязкой, Юлька раздела и раскромсала на полосы рубашку мертвого мухароба, не испытывая при этом ничего, кроме ненависти — страх, жалость, даже отвращение — все ушло куда-то вглубь, оставив на поверхности только холод, усталость и злость. Наиль мужественно пережил ее неумелую перевязку, а потом они снова поднялись и потащились к воротам, чтобы влиться в толпу беженцев, среди которых было много раненых.

Земля раскачивалась у них под ногами, мир казался безумным и пьяным. Выйдя за городские стены и пройдя часть дороги в сторону шеадра, Юлька еще раз обернулась на город. И опять увидела Змея в небе. Он взмывал вверх, и Юлька различала у него в когтях фигурки людей; он падал вниз, исчезая на улицах, и снова подымался, с невероятной скоростью проносясь чуть выше крыш и снова подымаясь в черное небо. Золото на черном и над белым. До чего же прекрасным и страшным казалось это зрелище...

Вдоль дороги к шеадру тоже тянулись провалы — очередные пустоты под городом, только более глубокие. Здание, в котором размещалась камера хранения, небольшое кафе и несколько сувенирных лавок, стояло на краю посадочного поля для вимм и крылатых, в стороне и от города, и от шеадра. Сейчас там творилось нечто невообразимое. Поле было переполнено беженцами, которым не хватило вимм, и которые сидели, стояли, лежали на каждом свободном клочке земли. В отдалении со стороны гор на посадку медленно заходил медицинский транспортник, мигая огнями и давая предупреждающие гудки, чтобы ему освободили место. Вокруг дома и в дверях толпились люди, огромная очередь выстроилась к двум боковым дверям, ведущим в туалет.

Дойдя до развилки, Наиль остановился.

— Подождем Ролли с Ильнаррой? — спросил он.

— Не знаю, — вздохнула Юлька. — Мы понятия не имеем, что с ними случилось и куда они пошли.

— Я бы сейчас пошел через шеадр и вернулся в Саманданг, — сказал он. — Тут получится кружным путем, через Рузанну, наверно, быстрее всего, и вернулся бы с отцом и дядями, у меня их двое, и они очень крепкие мужики и воины отличные. Не львы Серджента, — усмехнулся он с горечью. — Но за себя и за других постоять способны. Может, лучше на вимме, или даже на медицинском транспорте прилететь, чтобы не стреляли. Воздушный бой в основном уже закончился, он весь на улицах. В небе, как ты видишь, только сам Змей.

Юлька задумалась. Предложение Наиля показалось ей очень правильным.

— Тогда пошли к шеадру, — сказала она.

И они торопливым шагом направились в сторону высокого пирамидального сооружения, к которому цепочкой подтягивалась толпа.

Где-то уже совсем близко к заветной цели Юлька неожиданно обнаружила, что ее ожерелье резко нагревается. Поспешно она ощупала камни — и концентратор фэйра, и в особенности красный камень — щит от наэра неприятно обжигали кожу. Наиль пожаловался, что у него кружится голова и двоится в глазах. Состояние становилось странным — ей почему-то стало казаться, что ночное небо дрожит...

— Юля, туда нельзя, там, похоже, что-то с шеадром, — испуганно сказал Наиль. —
Смотри, тут поблизости тоже были обрушения, возможно, там плиты трянуло.

— И что? — спросила она, борясь с подступающей дурнотой.

— Аномалия Грани, — прошептал он. — Опасно очень. Надо возвращаться вот за те столбики, — и он показал на оставшиеся позади каменные столбы с навершиями в виде небольшой статуэтки ворона. — Это зона безопасности.

— Ты уверен? А почему тогда они идут? — она кивнула на уже поднимающихся по лестнице людей.

— Или не чувствуют, или там вблизи все спокойно, — сказал Наиль. — Давай подождем хотя бы немного...

Но они не успели.

Глава 14. Неудачный расчет

Взять шеадр-порт без потерь не получилось. Эмир Серджента, предупрежденный Ревалем, был настороже, и при подлете к полям нагов встретил веерный огонь из баллист и туча тяжеловесных болтов. Много вимм получили повреждения, а первые высадившиеся на площадку над станцией были уничтожены. Саша предполагал, что охрана станции окажет сопротивление, поэтому бросил вперед особо отчаянных мухарибов, специально отобрав их — они и полегли, ступив на землю воздушного порта. Наги шли второй волной, они то и прорвались на генераторную станцию. Бой велся до последнего защитника, гражданских сотрудников запирали в кабинетах и рабочих помещениях, чтобы сохранить живым персонал станции и не нарушить ее работы. Саша сделал пару устрашающих кругов над территорией, но быстро понял, что он нужнее на земле, чем в небе. Каждый этаж, каждый коридор, каждое помещение приходилось брать с боем. Саша тихо радовался, что в последний момент учел совет Кольера погрузить с собой металлопластовые раздвижные щиты, в каждый из которых было вмонтировано кольцо-щит от наэра. Как только он увидел арлы в руках защитников станции, он проклял свою неопытность — без них потери возросли бы втрое. Противник их тоже имел; к счастью, и наги, и мухарибы прекрасно ими владели. Плохо умел пользоваться щитом сам Саша, тут он и получил свое первое боевое ранение — арл-болт насквозь пробил мышцу на левом бедре.

Станцию в итоге смогли взять только после трехчасового боя, с существенными потерями, после чего Саша передал командование и сменил облик. Оказалось, боль и потеря крови ослабляет даже тело Вечного и мешает трансформации, и принять второй облик, будучи раненым, не так-то легко и очень больно. Связавшись через гвор личной виммы с Тэром, командующим группы, которой был поручен захват Карраны, он узнал, что там тоже все еще идет бой. Атака на Каррану должна была начаться ровно через час после нападения на шеадр-порт, независимо от хода и от результатов первого сражения за генератор. Если силы, задействованные в атаке на станцию, не присоединялись к Тэру ровно через час, он должен был начинать атаку на город самостоятельно.

Оказалось, что Каррана тоже оказала яростное сопротивление и до сих пор исход сражения не решен. Баллисты на стенах города, установленные буквально в последние несколько дней, тоже нанесли урон технике. Более того, обнаружилось, что на крышах домов и в частных патио были спрятаны опытные стрелки и среди воздушного десанта крыльев были убитые и раненые. Но конница, ожидавшая команды Нигейра и скрытая в тоннеле под Сеннским хребтом, уже мчалась на помощь.

Перед вылетом его перехватил Кольер.

— Мне сказали, ты отдал приказ подорвать катакомбы, — тяжело дыша, спросил он. — Зачем?

— Для устрашения, — объяснил Саша нетерпеливо. Его душа рвалась в Каррану — Змей требовал разобраться с непокорным городом.

— Это риск. Там, под городом, обширные пустоты. Уверен, что они не начнут сыпаться? В городе много туристов. Будет много невинных жертв.

— Места взрывов выбраны далеко от туристических троп, заряды заложены неглубоко, — пояснил Саша, раздражаясь. — Несколько штук в городе, под площадями, на удалении друг от друга, несколько — за стенами. Я хочу показать Вечным, что знаю об

истинном сердце Карраны и собираюсь его найти.

— Отзови приказ! — рявкнул Кольер. — Останови это, ты плохо представляешь, чем оно чревато! — хватка старого нага была железной, Саша попытался выдернуть руку и удивился, что это оказалось не так-то легко. — Там огромный шеадр, любые вибрации на земле опасны для настройки решеток. Если люди кинулись прочь из города, то нарушения в работе шеадра чреваты жертвами.

— Поздно, — отрезал Саша. — Приказ отдан, таймер выставлен с задержкой на полчаса после первой атаки. Все заряды в стороне от шеадра, — повторил он, тщательно скрывая накатившую неуверенность. — Что касается исторических ценностей — первым делом Тэр и его отряд десантировались у дома управляющего Карраны и сразу же предложили ему сдать город без боя. Он отказался. Тэр дал ему 10 минут форы, чтобы уйти, и только потом отдал приказ.

— Есть граница, которую переходить не стоит, — ледяным тоном отчеканил Кольер. — Ты выставляешь себя необразованным дикарем, варваром...

— Именно варвары когда-то захватили Рим, — пробормотал Саша, но, наткнувшись на недоумевающий взгляд Кольера, развернулся и, отступив назад, начал трансформацию.

Обернувшись, он бросился в город. Ярость клокотала в нем, бешеная, туманящая мозг ярость. Вечное существо пылало ненавистью к жалким червям, осмелившимся сопротивляться его воле, к этим ползающим по земле тварям. Они посмели убивать его людей, его нагов, его лучших воинов! Они ранили его самого. Аспид не чувствовал боли в простреленной ноге, бешенство и голод захлестывали его. Они посмели пойти против него, против всесильного Нигейра-Змея. Они должны за это заплатить.

Он мчался на Каррану, предвкушая, как он разделается с непокорными.

Змей налетел на город, в котором все еще яростно, на каждой улице, на каждой площади шли бои. Гоня перед собой волну ужаса, он вихрем бросался в самую гущу людей, расшвыривая их когтем, хватая лапами, поднимая и бросая вниз, и гоня, гоня перед собой концентрат страха и паники, невидимое оружие Нигейра, действовавшее не хуже, чем клинок. Некоторые участки улиц просели в результате взрывов, и он гнал бежавших в панике людей в эти ямы, заставляя их давить друг друга. На ходу он выхватил какую-то ярко горящую душу, огонек силы, чтобы подкрепить себя, разорвал горло и поспешно насытился... и снова бросился в бой. Со стороны южных ворот доносилась волна криков, и он увидел, как часть стены и входной башни осела, обрушившись вовнутрь. Странно, в его плане подрыва не было ни стен, ни башен... В памяти Змея смутно забрезжил какой-то план катакомб, а в крохотном человеческом разуме, полностью задавленном потоком ярости и боевого неистовства, граничащего со сладострастием, испуганно металась мысль об ошибке. Но Вечному Аспиду было не до ошибок — он жаждал уничтожить этот непокорный город. Пусть рушатся стены, освобождая дорогу воинам, маленьким частичкам его самого, продолжению его бессмертного духа, пусть гибнут слабые во имя Нигейра. Он чувствовал единение с ними, своими детьми, и он делился с ними своим упоением, своим экстазом, своей силой... Он снова и снова бросался в полет над улицами, то поднимаясь вверх, то резко пикируя туда, где видел красно-белые и черно-золотые мундиры своих людей.

Скоро все кончилось. Скоро на улицах некому стало перечить его детям. Город затих, покорившись. Змей поднялся над городом, чувствуя, что сыт и полон. Ему было хорошо... Вставало солнце, заливая рассветным золотом уцелевшие белокаменные дворцы и рухнувшие стены домов и дворцов, растрескавшиеся башни и рассыпавшиеся в прах

мостовые. Глядя на провалы, заполненные телами, Змей ощутил умиротворение и торжество. Они не имели права сопротивляться его воле. Они поплатились.

Поднявшись еще выше, вверх, к солнцу, он заметил, что тело его изменило цвет. Не золотистая мягкая чешуя, а черная и блестящая, с зеркальным отливом, антрацитово, аспидно-черная, поглощала солнечные лучи, впитывая эгри, жизненную энергию огня, основу силы и могущества Змея.

Будучи полон, в состоянии блаженного покоя, он устремился в Ахру, его ближайшее гнездо. Там он поспит и передохнет, чтобы завтра поставить своим змеенышам, своими нагам, новые цели.

Глава 15. Под землей

Прямо перед ними покрытая плитами поверхность дороги вдруг начала просаживаться, открывая гигантский зияющий провал. Потеряв равновесие, Юлька полетела вперед, падая прямо на вставшие горкой плиты, и поехала вниз, в зияющую на месте дороги дыру. Наил явно отбросило в сторону, потому что потом его рядом не оказалось. Она летела кубарем куда-то вниз и вглубь, в нос и глаза сразу же набилась мерзкая труха, сверху сыпались комья земли и камни, больно ударяя по голове и рукам, а затем мир пронзило судорогой, и она распалась вместе с ним на много-много частичек, расплылась-рассеялась, и через несколько мгновений снова собралась-спаялась в единое целое. От гадкого ощущения ее чуть не стошнило. Ожерелье на шее раскалилось и жгло кожу. Юлька испугалась, что с камнями произойдет что-нибудь неожиданное — взорвутся, например, и она попыталась сдернуть его с шеи, но запуталась в одежде и, судорожно вцепившись в камни, сжалась в комочек, пытаясь каким-то образом смягчить это непрекращающееся падение.

...И оно резко остановилось, словно кто-то повернул выключатель. Осознав, что движение прекратилось, она какое-то время лежала неподвижно, боясь шевельнуться. Потом осторожно приподнялась. Ничто не сковывало движения. Она боязливо встала на четвереньки, ожидая от тела предательского подвоха. Мышцы отзывались болью, кожа саднила, но кости, кажется, были целы. Вытерев руки о шаровары, она нащупала в кармане платок и принялась обтирать лицо и глаза, потом, проморгавшись, решила открыть их. Что-то рассеивало кромешный мрак, и она не сразу поняла, что светятся камни ожерелья. Особенно ярко сияли голубым концентраторы фэйра. Еще утром они были частично разряжены — Юлька активно пользовалась ими для улучшения аэродинамики, когда летала на крыльях. В разряженном состоянии они были светло-голубыми, но сейчас сияли яркими сапфировыми красками. Полные... Откуда? Она сняла украшение, намотала на руку и запястье и подняла его, используя вместо фонарика. Света оно давало совсем чуть-чуть, но все-таки помогло осмотреться, куда она попала.

Она находилась посреди просторного коридора, ничуть не похожего на катакомбы. Камень стен — ровные одинаковые блоки карранского золотого камня — был гладко отполирован, нигде не было ни следа разрушений или провалов, через который Юлька сюда попала, словно грань, исказившись, сыграла с ней злую шутку и вышвырнула куда-то подальше от катаклизма. Где это может быть? Подвальный этаж или бункер, подземный ход или галерея... Если это так, у нее есть шанс выбраться отсюда живой.

Она отряхнулась от земли и песка и еще раз попыталась осмотреться. Где может находиться выход, в какую сторону двигаться? В коридоре было тихо и темно, ни звуков, ни шорохов, камень стен по обе стороны от нее был одинаково сухим и прохладным, пахло пылью и немного — сыростью. Юлька сделала несколько шагов влево, прислушиваясь и принюхиваясь, затем двинулась вправо — и не заметила разницы. Вытянув вперед руку с ожерельем, она попробовала понаблюдать за реакцией камней, вдруг они как-то укажут ей верное направление, но и тут ничего не вышло.

Ее начало трясти от страха и усталости, а еще больше — от накотившей паники. Что если это место — вовсе не в Карране? Друзья решат, что она провалилась в катакомбы и погибла под завалами. Ее никто не станет искать... Неизвестно, добрались ли Ильнара с Ролли до места встречи, что произошло с Наилем, державшем ее за руку в момент падения, и

жив ли Самир. Рес мог бы поинтересоваться, как у нее дела, и снова спросить что-нибудь про Сашу, но она сама обидела его, и он больше не придет. Зачем иметь дело с человеком, который считает тебя демоном? И Саша, давно уже не Саша, а Нигейр-Аспид, никогда больше не скажет "я за тебя отвечаю" и не будет искать ту, что сама дала понять, что не хочет иметь с ним дела...

подавив волну отчаяния, Юлька всхлипнула, стиснула зубы, закрыла глаза и сосредоточилась. Зря, что ли, она учится в школе Джмар? Мир наверху полон сил и стихий, надо лишь почувствовать ту, что близка тебе по природе.

Сначала она попыталась настроиться на джив, свою базовую силу. Там, наверху, должно быть много джив... но джив она не ощущала, видимо, каменный слой над нею был слишком велик. Зато неожиданно, где-то очень далеко она учуяла чужеродно-обжигающий, но уже знакомый и понятный по практическим занятиям эрги. Много эгри где-то там, в отдалении. Хоть что-то, решила она, хоть слабая, но путеводная звезда. Настроившись на горящее огненной энергией пятно, она тихонько, экономя силы, побрела ему навстречу, останавливаясь на каждой развилке и прислушиваясь к чувствам. Два раза она сворачивала не туда, но к счастью, быстро понимала свою ошибку.

Идти пришлось долго. Она дважды присаживалась, отдыхая и осматриваясь. Дышалось в коридорах легко, воздух казался сухим и немного затхлым. Тело изнывало от усталости, но страх запутаться и остаться здесь навсегда гнал ее дальше; когда истерика снова подкатывала к горлу, она заставляла себя глубоко дышать и жестко изгоняла из головы все панические мысли. Сейчас не время. Сейчас надо выбраться.

Меж тем лабиринт менялся: появились аэры, расположенные на далеком, но одинаковом расстоянии друг от друга и хорошо рассеивающие тьму, воздух стал менее душным и более влажным. Помещения облагородились — появились дверные проемы в виде арок, украшенных каменной резьбой. Огненное пятно эгри неуклонно приближалось. Уже совсем рядом с ним она наткнулась на небольшой зал с тремя креслами и двумя кожаными диванами, парой низких столиков на гнутых ножках, стойку с посудой и, что самое важное, с закопченным каминным местом. С любопытством все это осмотрев, Юлька обнаружила на стойке непечатую бутылку вина. Пить ей хотелось мучительно, и она решила, что если не найдет воду, то придется отколоть у бутылки горлышко.

Вода, к счастью, нашлась. По соседству с залом обнаружился хорошо оборудованный и чистый туалет. Она напилась, умылась и привела себя в порядок, глядя в большое старинное зеркало. Если уж совсем ноги откажут, тут можно и отлежаться... А пока лучше продолжить поиски выхода.

Пройдя еще немного, она уткнулась в запертую бронированную дверь. Там, за дверью, пылал эгри- очень, очень много эрги. Юлька обошла выступающую с трех сторон часть помещения, которая натолкнула ее на мысль об огромном каменном сейфе. На противоположной стене неожиданно обнаружились два шеадари. На одном была изображена лаконичная пепельно-серая крепость с плоской крышей, над которой реяла большая летучая мышь, на втором — золотая ящерица в перевернутом треугольнике на фоне изящного восточного дворца. Персональные пути Вечных — Ширин и Реваля... Юлька похлопала по одному из них ладошкой — нет, не реагирует. Персональными путями Вечных могут пройти только сами Вечные, обычно они ведут в святая святых, в их домены и даже личные покои.

А жаль. Но выход тут все равно должен быть.

И она принялась искать, опять же, настраиваясь с помощью своего личного чувства сил

и стихий. Джив оказался совсем рядом. Юлька торопливо, чуть ли не бегом бросилась туда, где колыхалось теплое, светящееся зеленым марево, но очень быстро снова уперлась в бронированную дверь. Еще бы... Кто ж сомневался, что вход в это загадочное место надежно заперт!

Пришлось вернуться в зал с диванами, прилечь и задуматься. Тут, конечно, явно кто-то бывает, но вот насколько часто? Не хотелось бы застрять... Имея воду, она долго продержится, но шанс сойти с ума у нее гораздо больше, чем умереть от голода. Закрыв глаза, она стала проваливаться в мутную, тяжелую дрему, но перед глазами мелькали рубившиеся воины, кровь и рушащиеся камни, и она с криком очнулась. Дрожа от ужаса пережитого, она поняла, что спать ей категорически не хочется.

Что ж, тогда надо снова пробовать. Здесь должна быть хорошая вентиляция, воздух кажется почти чистым, хоть и сыроватым. Что если настроиться не на джив, а на фэйр, стихию воздуха? Она неплохо научилась ее чувствовать благодаря концентраторам. Размотав ожерелье и снова надев его, она сжала в руках нижнюю синюю подвеску, долго и настороженно прислушивалась к чувствам, и в конце концов уловила на большом отдалении что-то похожее на смесь фэйра и джив. Обрадовавшись, она направилась по их следам и в итоге зашла в тупик, вверху которого находился узкий круглый колодец с врезанными в камень скобами. Сверху, высоко-высоко, лился яркий естественный свет.

Что ж, попробуем, решила она. Спускаться будет ужасно тяжело и обидно...

Лезть вверх по узкой круглой шахте оказалось неожиданно легко. Юлька отдыхала, прислонившись спиной к камню, через каждые десять скоб. Светлое пятно становилось все ближе, вскоре она разобрала, что свет льется сквозь узорчатую решетку, а в воздухе отчетливо пахнет цветами. Розами... Уже догадываясь, что каменный стакан выходит куда-то в сад, она готовилась кричать и звать на помощь, если решетка окажется вмурованной, но ей несказанно повезло. Упершись в решетку затылком, она почувствовала, как та приподнимается. Осторожно, стараясь не свалиться уже на самом финише, она подняла ее головой и плечом и потом резко толкнула. Решетка сдвинулась, Юлька с трудом подтянулась и улеглась на живот, кое-как выкарабкалась наружу, и сразу же угодила в колючие заросли розовых кустов, мгновенно оцарапавших ноги. Медленно поднявшись, Юлька обнаружила, что находится посередине огромной розовой клумбы, огороженной ажурной ковanej решеткой высотой чуть выше колена. Она неожиданно вспомнила этот дворик — они проходили мимо него в самом начале, на пути от самандангского шеадари в центр города. Вокруг было светло, высокое прозрачное небо, чуть подсвеченное розовым и золотым, говорило ей, что над Карраной только-только встало солнце...

Юлька огляделась. По сторонам лежали тела... Мухарибы в красно-белых одеждах и воины Серджента в бело-золотых, простые горожане, сжимающие в руках оружие, разнообразно и пестро одетые гости города, ассары и Двуликие — все, кого застал этот неожиданный и безжалостный налет. Почти на краю клумбы лежал остов разбившейся виммы, утыканной тяжелыми бронебойными стрелами, еще дальше валялось несколько порванных крыльев. Она осторожно выбралась из розовых кустов, цепляющихся за ее шелковые сиреневые шаровары, и пошатываясь, переступила через лежащее на земле тело. Потом через еще одно. Сколько их, господи, убитых и раненых... Не все из них мертвы, возможно, кого-то еще можно спасти...

Выйдя на открытое пространство, она снова посмотрела на небо. Бой был окончен. Где-то вдалеке над городом заходил на посадку плоский серый блин с трилистником на борту —

эмблемой целителей-Повелевающих жизнью. Сделав следующий шаг, она споткнулась о Крылатого, судя по одежде, мухариба, утыканного арл-стрелами. Так тебе и надо, мразь, с отвращением подумала она, а еще крылья надел. Крылья, кстати, показались ей целыми, за исключением двух маленьких дырочек недалеко от спинных креплений. Расстегнув крепления, она яростно принялась стаскивать с него крылья, бесцеремонно и без малейшего уважения к смерти пиная тяжелое, почти негнущееся тело. Отойдя подальше, она еще раз внимательно их осмотрела и проверила гравидиск, работает ли. Движок был цел. Держа крылья подмышкой, она побрела к дальнему краю дворика, ища, куда бы подняться и взлететь. Старт с низкой поверхности, в прыжке, ей сейчас ни за что не выполнить.

Уже на выходе взгляд ее упал на молодую пару, лежавшую, словно обнявшись. Светловолосый юноша-элеэ, чье тело было безжалостно разрублено от ключицы до середины живота, и темноволосая смуглая девушка, обнимающая его в смерти. Юлька отвела глаза... и снова, с безмолвным ужасом всмотрелась в лицо юноши, не желая узнавать — и узнавая Ролли. Кинувшись к ним, уже не сомневаясь, что рядом — Ильнара, она перевернула ее, пытаясь понять, чья на ней кровь — его или ее собственная? Юлька резко встряхнула ее, и девушка застонала, дернувшись от боли...

Поспешно надев крылья, она взбежала по выщербленной лестнице, ведущей на открытую галерею. Крылья были велики и тяжелы, но опыт помог ей справиться. Надо было срочно, срочно привести сюда помощь.

И тут она увидела Змея. Черное точеное тело мрачной молнией перечеркнуло небо, паря на дымчатых крыльях. Он был прекрасен — изящный, грациозный, совершенный... и страшен, как проклятие, как сама смерть. Она потеряла поток и едва не врезалась в балюстраду, с которой взлетала. Подавив приступ страха, она снова набрала высоту.

Нет уж, хватит. Она больше не позволит ни одной черной твари себя пугать.

Глава 16. В шкуре

Быть только Вороном, оставаясь человеком, оказалось очень тоскливо: мне не хватало обычного, живого человеческого общения, а все те рутинные дела, которые раньше вызывали раздражение, вдруг стали желанными и привлекательными. Конечно, у меня получалось общаться с Шандром тем же способом, что и с Ширин — с помощью письма. Шандр поставил у себя в кабинете большую рамку с песком, на которой я быстро приспособился писать. Я по-прежнему был в курсе всех дел и контролировал наиболее важные из них, но до чего же теперь это было неудобно и муторно! Несколько раз я заглядывал к Ширин, повадившись ее дразнить: я нашел пару открытых вентиляционных шахт, порталов и окон, которые часто открывались, вычислил окна ее личных покоев и площадку, с которой она сама время от времени отправлялась в полет над Шеннон Аром, и заскакивал в ее суперзащищенную святая святых в самые неожиданные моменты. Однажды даже удалось подловить ее переодевающейся, за что она выгнала меня вон первой попавшейся подушкой. Ребячество с моей стороны, конечно, но это хоть как-то скрашивало невеселое времяпровождение.

Еще я много летал над Приграничем, присматриваясь к изменениям, происходящим с моей землей, и часто болтал с Эйлой, чему она была несказанно рада. Несколько раз я находил Даллаха, и с грустью наблюдал, как он бродит по своей пуще, время от времени охотится, как на зверушек, так и на разумных, и все больше дичает. Белый олень блуждал вокруг Рузанны, словно привязанный, а его охрана и свита старательно следила, чтобы никто из разумных не попадался на его пути. Узнав про нападение Нигейра на Каррану и захват шеадр-порта, я смотался посмотреть на то, что осталось от прекрасного древнего города. Да... парень откуда-то прознал про хранилище ариадов и явно пытался его найти, совершив несколько очень опасных подрывов в городе и за его стенами, и зацепив при этом шеадр. Мастера путей были вынуждены разобрать все решетки и теперь выравнивали плиты и настраивали преломления заново. К счастью, они справились без моего участия. Разрыва Грани и смещения земель не случилось, по окрестностям прокатилась небольшая волна искажений, которая расшвыряла людей, попавших в зону волны, по разным непредсказуемым местам, и обвалила еще больше катакомб. Интересно, что теперь думает об этом Реваль, один из активных участников кампании по воплощению Змея в землях Ар Соль?

Нашел я и Юльку, позволив себе немного понаблюдать за ней издали. В Саманданге было беспокойно, и сверху мне казалось, что в городе появилось слишком много многозначительных и тяжеловесных чужаков, ничуть не похожих на туристов. Тут явно что-то назревало. С ужасом я узнал, что девушка оказалась в Карране как раз в самый разгар наговской атаки, и что ее спутники пострадали, а парень из Альбре, студент университета Роланд Роллхейм, погиб. Первым желанием было уволочь ее отсюда, прямо в когтях, куда-нибудь в тихое безопасное место, вторым — послать Шандра, чтобы он убедил ее покинуть Саманданг, раз уж я не могу, третьим — найти человека по имени Алекс и долбануть его хорошенько клювом по голове за все устроенные им безобразия. Боюсь, ничего из этого бы не помогло. Она упрямая и самостоятельная. И сильная. Недаром к ней так парни притягиваются... видят, что она — особенная.

Когда я услышал уже давно знакомый крик Эйлы и почувствовал, что где-то далеко, за

пределами моей земли Грань дрогнула и подалась, расступаясь и пропуская наружу нечто чужеродное, то воспринял это с какой-то скрытой парадоксальной радостью. Хотя что-то полезное сделаю...

Нападения с той стороны продолжались с завидной регулярностью, но теперь мы немного знали и понимали, как и зачем это делается — наши разведчики шаг за шагом восстанавливали картину, что происходило в Анг Мирте последние несколько сотен лет и что происходит сейчас. Технология разрыва Грани появилась где-то лет двести-двести пятьдесят назад и поначалу опробовалась в малонаселенных, а местами и безжизненных землях Ар Хойта. Обитатели Анг Мирта никогда не забывали, кто их создал и погубил, верили в существование прекрасных и благополучных миров за Гранью и предпринимали попытки найти туда дорогу. Варварский способ прорыва на тот момент был единственно возможным, и похоже, что собственной технологии открытия Порога у них тогда еще не было.

Установки, размыкающие Грань, стояли в крепостях, территориально расположенных так, чтобы именно из этого места разорвать Грань было легче всего. За два столетия путем многочисленных попыток они вычислили наиболее проницаемые для прохода места, и с завидным упорством по ним лупили. К сожалению, их ученые поняли, что подобная частота ударов потихоньку разрушает грань между мирами, делая ее все более тонкой и хрупкой. Они бы, наверно, делали это чаще, но технология оказалась энергетически затратной, для каждого удара приходилось длительно накапливать энергию. Размыкатели стояли всего в двух местах — крепости Кан недалеко от Фрейфена, и крепости Шен. Обе они располагались в аномальных зонах, и одну из них — крепость Кан — я уже неоднократно видел, делая свои короткие вылазки в Анг Мирт в облике Ворона. У меня уже несколько раз возникала мысль попытаться подорвать обе установки в крепостях, но как это сделать, у нас с Гевором пока что не было ни малейшего представления. Для начала следовало бы разжиться агентурой среди военных.

Сегодняшний разрыв произошел в Ар Лессене. К счастью, те края были сплошь покрыты полями сельскохозяйственных культур, которые к этому времени года были уже убраны. Появившись там раньше Пауков, я сделал несколько кругов над территорией разрыва, низко промчался над землей и поднял сильный ветер, разгоняя немногих работающих разумных. Следом за мной пришли Пауки, еще чуть позже появился Шандр. Сегодня болидов не было, из ярко-алой вертикальной щели, привычно расплывавшейся от нашествия гранеедов, валила тупая лавина нэргов. Я ждал появления нагов, иногда они успевали среагировать быстрее, чем мы сами, но с их стороны никто так и не появился.

Нагов не было. Мы, конечно, справлялись и без них, но с ними — быстрее, и уж тем более они были незаменимы, если в атаке участвовали воздушные боевые единицы Анг Мирта. Привычно разделяваясь с гранеедами и уже отработанным до бессознательности усилием затягивая дыру в Грани, я все ждал, когда появится хоть кто-нибудь из Наган-Карха, но никто из Ордена Аспида так и не пришел на помощь. Время шло, Пауки постепенно вычищали поля от сгустков некрота, а во мне все сильнее и сильнее закипала злость. Значит, собственные шкурные интересы, демонстрация мускулов и разорение своих, вернее — наших земель для Нигейра важнее защиты от внешней угрозы? Дерьмо дело, надо сказать...

Когда Грань полностью восстановилась, а нэрги с гранеедами были окончательно уничтожены, Шандр сделал мне знак, что хочет поговорить. Я стал снижаться и уменьшаться до удобного для разговора уровня и размеров, когда вдруг почувствовал, что с

Гранью снова что-то происходит. Предупредив Шандра пронзительным криком, я хотел было рвануться вверх, но тут словно бы ниоткуда через все небо полыхнула целая стена огня. Ужасный, отчаянный крик Эйлы в моем сознании сменился собственной жгучей болью где-то в районе крыла, и я ощутил, как этот огненный резак во все небо, состоящий из чистой эгри, рассекает пространство на две части, и грань снова расползается в том месте, где горит. Паника охватила меня, сумасшедшая, неконтролируемая паника. Я не чувствовал, что там, за стеной огня, я не чувствовал землю, как будто там возникла пустота и кусок пространства откололся, оторвался от нашего мира. В ужасе отшатнувшись назад от огненной завесы, я в каком-то умопомрачении сконцентрировал весь имеющийся у меня наэр, хорошо гасящий эгри, и швырнул им в пылающую стену. В пространстве опять что-то мощно полыхнуло, меня отбросило назад, и я понял, что падаю. Во время падения на мгновение пришло знакомое ощущение холодного ожога. Грань послушно схлопнулась обратно, а я рухнул на землю, ударился головой и потерял сознание.

Очнулся я в лазарете Пауков, с головной болью, тошнотой и головокружением. Осторожно ощупал голову... Это с какой же высоты я рухнул? Обнаружив на левой руке повязку, от плеча до кончиков пальцев, я попытался вспомнить, когда это я ее повредил и что я вообще здесь делаю. Память возвращалась медленно и неохотно. Разрыв Грани, не явившиеся Наги, стена огня, мой бросок наэром...

Рука!

Я каким-то образом вернул себе человеческий облик.

***

— Ну и что мне теперь с этим делать?

Ширин посмотрела на меня с укоризной. Уютно устроившись у камина в моем кабинете, она неторопливо потягивала вино, всем своим видом показывая, что ничего ужасного не случилось. Я же нервно кидался от одного окна к другому, выглядывая в прохладную и темную северную ночь, и никак не мог успокоиться.

— Я даже не понял, что произошло! Что это за новая напасть на наши головы и как от нее теперь защищаться! Хорошо еще, там уже никого не было, кроме нас с Шандром, и никто не пострадал...

— Кроме твоего воронова самолюбия, — фыркнула Ширин. — Не переживай, никто не видел, как ты хлопнулся о землю, — прошептала она с очаровательной насмешкой. — Тебя что, некому по головке погладить, чтобы ты успокоился? От ожога через пару дней уже следа не останется, кости у тебя целы, голова тоже... кажется. Или нет?

— Да не в этом дело, — раздраженно парировал я. — Я не знаю, что в очередной раз прилетело на наши головы со стороны Анг Мирта, понимаешь? И когда это уже закончится! С тех пор как этот чертов змееныш перешел Грань, мир словно с ума сошел! Дня не было, чтобы не случилась какая-нибудь гадость...

— Пряма-таки дня, — усмехнулась она. — Хватит психовать, а то от твоих эмоций над океаном уже ветер поднялся, — видя, что я открываю окно и высовываюсь по пояс, чтобы проверить, она встала и бесцеремонно втащила меня обратно. — Меня сдует на обратном пути! Будешь продолжать, пришлю тебе сюда пару очаровательных нигиек с поручением вернуть тебе спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

— Не люблю нигиек, — буркнул я, смущенный и раздраженный одновременно.

Она рассмеялась.

— Жаль я не видела, как ты кинул наэром. Может оказаться, что их новое оружие легко

нейтрализуется кем-нибудь поомытнее из школы Джмар.

— Может, у них там заряд кончился — проворчал я, усаживаясь в кресло напротив нее.

— Может, — согласилась она. — След на земле остался?

— Шандр сказал, что да, такой же, как от пожара, но строго по линии, где он возник.

— Сам не видел?

— Меня оттуда унесли, — с упреком сказал я.

— Зато в человеческом облике. Как ты считаешь, что именно помогло тебе его вернуть?

— Не знаю, — ответил я неохотно. — Возможно, сильный испуг. Возможно — эгри, я к нему уязвим. Может то, что я швырнул наэром. Не знаю, — повторил я в крайнем раздражении, стукнув кулаком по подлокотнику.

— Может, парочку хорошеньких айор? — прошептала она насмешливо.

— Шейла... Перестань.

— Я пришлю кого-нибудь на место, где это случилось, — продолжила она деловым тоном — След посмотрим, остаточные эманации. Подумаем, что можно сделать. Хорошо бы озадачить этой проблемой нашего юного Змея...

— Он занят, — буркнул я. — Отвоевывает себе Ар Шамаль. Нагов сегодня с нами не было.

— Еще бы, — вздохнула она. — Одного Наган-Карха ему будет недостаточно, а Шамаль — его исконная вотчина, причем дело даже не в варахе, а в людях. Ему жизненно необходима сила их веры, иначе он так и останется змеенышем-недоучкой и никогда не обретет то, что подвластно настоящему Нигейру-Аспиду. С Анг Миртом, видимо, тебе придется справляться самому. Кстати, подумай хорошенько, что же все-таки помогло тебе обернуться, а то у нас еще один случай.

— Кто? — с тяжелым предчувствием спросил я.

— Реваль. Вчера. Прямо у себя дома, в саду, стрела с соседней крыши свистнула. Он прихворнул, а были какие-то дела, хотел ночью поработать. Принял облик, чтобы взбодриться, усталость сбросить — тут в него и выстрелили...

Да, хороший, проверенный способ, подумал я. Только вот дома... Дворец Ревалья находился на окраине Саманданга, красивое старинное здание в шамальском стиле, построенное едва ли не раньше, чем дворцы Карраны. Это означает, что стрелок, и возможно даже не один, сидел в засаде круглосуточно и ждал малейшей возможности.

— Мне сообщил его помощник, — продолжила Ширин. — Сказал, что тоже видел тень, копию Ревалья, но бесплотную, в другом конце сада. Еще он уверен, что сам Реваль тень не заметил, он лежал под деревом на солнышке, грелся, довольно далеко от тени.

— Ты его видела?

— Видела... Он не потерял разум, но общаться с ним трудно. Труднее, чем с тобой. Хорошо, что я, уже зная о проблеме, пришла к нему с детской азбукой, — она хихикнула, как девчонка. — Злой он был... настоящий бешеный варан.

— Вот, побереги нигiek для него, — съехидничал я.

— Он попросил тебя вмешаться, если ситуация в Сердженте станет критичной.

Я задумался. Не хотелось бы рисковать своими людьми, но... если так пойдет и дальше, Реваль имеет право просить о помощи любого из Вечных, а у нас в таком случае не принято отказывать.

— Если ты мне поможешь, — сказал я.

— Чем могу, — кивнула Ширин. — Ассасины, элементалы из тех, кто поопытнее и

умеет держать оружие. Могу и подлунные кланы попросить, эти с удовольствием повоюют, только им в Ар Шамале жарковато будет. Но молодежь воспримет призыв с энтузиазмом, для них это экзотика.

— Поговори с ними, только осторожно, — попросил я. — Чтобы слухи раньше времени не пошли. — Подождем пока... Может, Нигейр остановится.

— Не остановится он, — вздохнула Ширин. — Пока бит не будет.

— Побьешь такого, как же, — буркнул я.

Глава 17. Образ Вечного

— Наиля завтра отпустят, — сказал Самир, пытаясь взять Юльку за руку, но она ловко увернулась. — Фиксаторы, правда, пока придется носить.

Она кивнула. Волна искривления Грани бросила Наиля в катакомбы, придавив плитами, он получил перелом руки, ключицы и ребер. Ему повезло, его быстро вытащили спасатели. Целители Повелевающих жизнью быстро заживили его раны, сложили сломанные кости и ускорили их регенерацию, и Наиль уже сам рвался домой. Ильнара пострадала сильнее. Она попала к целителям школы Джмар, чьи методы лечения отличались от школы Повелевающих, но лечили они не менее результативно. По их прогнозам, со временем от травм и ранений не останется и следа, но пока они не разрешали девушке даже вставать. Юлька навещала обоих каждый день, стараясь развлекать их свежими университетскими новостями, но на самом деле бодрое настроение и забавные истории давались ей с огромным трудом. Она считала себя виновной в том, что случилось с друзьями. Это она потащила их в Каррану в такой неподходящий момент, хотя Ворон же предупреждал... Гибель Ролли навсегда останется на ее совести. Это она позвала его, просто так, для компании, для развлечения, отмахнувшись от предостережения Реса, который как в воду глядел...

С тех пор у нее пропало всякое желание выходить с территории университета и вообще с кем-либо общаться. Особенно с Самиром, которому, в отличие от друзей, несказанно повезло: он не получил в сражении за Каррану ни одной царапины. Но он не оставлял ее без внимания, чувствуя, как она все сильнее отдаляется от него, погружаясь в депрессию. Вот и сейчас они сидели в университетском саду, на скамеечке, но Юлька больше думала об оставленных в комнате концентраторах, чем о молодом шааме. На днях на занятии им дали попробовать поработать с концентраторами, объяснив технику зарядки и предложив испытать свои силы, выдав по маленькому кружочку, каждому — по типу ударной силы. Юлькина ударная стихия была джив, и ей стоило только вспомнить захват Карраны, как концентратор сразу же оказался полон. Ее учитель был удивлен и взволнован, а она попросила разрешения взять несколько пустышек домой, чтобы поэкспериментировать.

— Ты спрашивала меня, можно ли управлять Вечным, — заговорил Самир вполголоса, сделав до этого длинную паузу, и она согласно кивнула. Она действительно задумалась над этим вопросом после того, как увидела Нигейра во время боя. Она не верила, что Саша мог превратиться в такое чудовище, что он мог так легко, бессмысленно и бездумно убивать людей. Может быть, он находится под чьим-нибудь влиянием, того же Кольера-людоеда, например, который хоть и не Вечный, но та еще тварь... похуже некоторых Вечных будет. Предполагал же Рессер еще тогда, в Белом овраге, что Саша — игрушка в чужих руках. Так может быть, его банально натравили, использовали его незнание, непонимание силы, что досталась ему странным поворотом судьбы. Она озвучила этот вопрос Самиру, но тот был не силен в вопросах теологии, зато пообещал спросить более сведущих людей. И вот...

— Давай я тебя кое с кем познакомлю, — предложил он неуверенно. — У этого человека есть для тебя ответы.

— Хорошо, — согласилась она. — Когда?

— Да прямо сейчас, — расцвел он. — Пойдем?

Он привел ее в один из особняков в северной части города, новых, но элегантно

стилизованных под шамальскую старину. Хозяин оказался элезом — рыжим, белокожим, зеленоглазым, высоченным и жизнерадостным уроженцем Ар Лессена, на вид лет тридцати, не более.

— Джилейр, — представился он, поцеловав ей, по здешним обычаям, кончики пальцев. Юлька смутилась — маникюр ее давно оставлял желать лучшего, а если честно, то и вовсе отсутствовал. — Самир передал мне, что вы хотели бы поговорить о Вечных?

Она кивнула.

— Я представляю школу Эгрох, — провожая ее в соседний зал, объяснил он. Зал поразил ее абсолютно современным интерьером, таким, какие она часто встречала в Кархе — стекло, органопласт, плавные, скругленные поверхности, светлые и темные, контрастные с блеском ткани диванов и кресел, максимум пространства, минимум вещей — словно в другой мир попал. — Здесь, в Саманданге, у нас нет учебного корпуса, только небольшая рабочая группа, а собственно школа — в Сиенте. Джмар всегда больше интересовали практические, прикладные аспекты учения сил и стихий, в то время как Эгрох традиционно задавались не только вопросами "как", но и "почему". А это часто приводит к довольно неожиданным результатам...

Он с улыбкой пригласил ее располагаться на широком, кофейного цвета диване, а сам принялся колдовать над серебристым устройством в форме шара, от которого шел насыщенный запах кофе. Юльку порой удивляли здешние контрасты: в одних домах можно было встретить суперсовременную технику, вроде стазис-шкафа, где даже готовые блюда могли сохраняться чуть ли не вечно, в других — архаичные кладовки в подвале, в основании которых лежали толстые пласты льда. Традиции в Шамале зачастую любили больше, чем удобство.

— Вы, Юля, пришли сюда с Основы... — протянув ей благоухающую чашку кофе, продолжил он. — Многого не знаете. Невозможно быстро, всего лишь за год, вместить и впитать все то, что обычный разумный впитывает тут с рождения. Вопросы контроля над разумными расами Ар Соль мучили эту цивилизацию всегда. Все двенадцать тысяч лет. Вы, наверно, заметили, что несмотря на большие пространства, наши земли очень плотно заселены самыми разными существами, от высших разумных до почти диких, но имеющих близкий к человеческому облику, племен?

Она кивнула.

— Всего у нас обитает около трех миллиардов существ разной степени разумности, и это на площади, суммарно составляющей лишь половину площади Старой Земли. Вполне сравнимо с Основой по населенности, — продолжил он. — Нас спасает то, что население равномерно рассеяно по землям, а в городах нет скученности. Но если бы мы не управляли Дзуликими, здесь был бы хаос. Ассары — те, кто имеет человеческий облик, составляют всего лишь треть общего населения, и контроль за ними только административный. Когда-то нам пришлось приложить очень много усилий, чтобы люди и Дзулики не враждовали. Сейчас все давно устоялось, но в истории Ар Соль были и такие времена, когда люди уничтожали Дзуликих. И наоборот.

— Хорошо, что сейчас это не так, — сказала она, разглядывая рыжего чуть более внимательно, чем раньше. Что-то издалека он заходит... Хотя... Пусть так. Так, наверно, понятнее.

— Все это время в мирах Ар Соль искали способы управлять волей любого живого существа, — сообщил Джилейр. — Считается, что технологии управления находились и

терялись, находились снова и запрещались навсегда, и потом снова изобретались и забывались. Последний раз это случилось около 800 лет назад, причем есть версия, что способ был настолько универсален, что распространялся даже на Вечных. Именно тогда же убрали Нигейра Аспида, и среди историков, изучающих тот период, есть неофициальное убеждение, что именно на нем и пытались опробовать эту рискованную технологию. И преуспели. Потом эксперименты по контролю за сознанием с созданием устойчивой связи по типу "хозяин-зависимый" стали известны Вечным. Они приложили все усилия, чтобы их как можно скорее запретить, и все данные по эксперименту были уничтожены. Но это, как вы понимаете, только гипотезы. Оно ничем и никогда не подтверждалось.

— Может, кто-нибудь из Вечных об этом знает? — спросила заинтригованная его рассказом Юлька. — Из старейших?

— Может быть, но как их спросишь? Кроме того, все нынешние Вечные пришли гораздо позже, с той эпохи не осталось никого, кроме Кольера, а он — не Вечный. Если посчитать, в ту эпоху Кольер был очень молод и вряд ли знал об этих экспериментах.

Она невесело усмехнулась. Да уж, попробуй спроси Эрлен о чем-нибудь, о чем она не хочет говорить. Или того же Рессера. Сделает вид, что не слышал...

— Но все, что было изобретено когда-то, можно повторить на другом этапе развития, — продолжил Джилейр, сделав небольшую паузу для того, чтобы отхлебнуть свой кофе. — С тех пор имели место новые попытки, и именно в отношении Вечных. Видишь ли, демоническая сущность плохо предсказуема и иногда многократно опаснее для разумных, чем сами разумные друг для друга.

— Вы случайно не адепт учения о Едином? — рассмеялась Юлька.

— Нет, — обаятельно улыбнулся рыжий Джилейр. — Хотя, конечно, неплохое учение, — он оглянулся на скромно сидящего в сторонке Самира, видимо, ожидая возражений, но молодой человек промолчал, делая вид, что не расслышал его слова. — Но я как человек, получивший классическое образование и вхожий в несколько доменов, не могу разделить их точку зрения. В чем-то адепты Единого, конечно, правы, но общую картину это учение сильно искажает. Демонов не уничтожишь. Вечный-человек слаб, демон, завладевший его телом, подавляет человеческую душу, делая ее полностью бессильной в те моменты, когда вырывается на свободу. Они не хозяева сами себе и контролировать свою стихийную часть не могут. Мы считаем, люди должны научиться укрощать демоническую часть души Вечного так же, как они когда-то научились контролировать звериную ипостась Двуликих.

Юлька вспомнила Змея, гонящего перед собой волну страха, и бешеную черную птицу в небе. Не могут... Или не хотят?

— Думаете, это возможно? — хмыкнула она, с недоверием глядя на Джилейра.

— Мы считаем — возможно. Есть свидетельства, что кто-то и когда-то уже пытался это делать, — заключил он. — По сути, было нащупано два вероятных пути. Первый — технический, завязан на эксперименты с зависимостью постоянных обликом разумных существ. О нем известно, что это создание некоего прибора-контура, перестраивающего процессы головного мозга и изменяющего психическую управляемость. Насколько я знаю, вы столкнулись с экспериментами на этом поле, когда жили в Рамьене.

Юлька вспомнила установки в бестиарии и эксперименты над Румянцевым. Но Эрлен же сама — Вечная, как она могла допустить такие исследования у себя под боком? Или... или она их и возглавила, ища способ расправиться со своими недоброжелателями из числа

Вечных?

— А второй?

— Второй... кое-что удалось найти в очень старых и очень необычных записях одного чрезвычайно талантливого, на грани безумия, самоучки. Метод держится на создании связи, аналогичной связи "хозяин-зависимый". Связь эта устанавливается через Маар, через наши фантомы-образы-души-двойники в Мааре, которые многие из нас непроизвольно или сознательно создают.

Юлька вспомнила свое попадание в Маар. Она уже знала из пройденного в школе Джмар, что там, в пространстве Некроса, было не ее тело, а энергетический слепок личности, ее душа-двойник. Так же, как и у Ширин.

— Итак, нужно создать фантом — энергетический слепок, — деловито продолжил Джилейр. — За основу можно взять либо хорошо намоленный образ, либо очень талантливый рисунок, передающий саму сущность того, кто изображен. В принципе, подойдет любой домашний образ, висящий у обывателя на стене, но чем старше образ, тем эффективнее связь. Лучше всего, наверно, сработали бы изображения в храмах, они очень мощные, намоленные. Далее нужно это изображение оживить. Сделать это может очень талантливый элементал, работая на базовой или на ударной силе. Например, Даллах — это джив, и вы — джив, значит, вы могли бы попробовать создать фантом Даллаха... хотя бы маленький. Для этого используется мощный концентратор. Кстати, я в курсе, — он очаровательно улыбнулся, глядя ей в глаза, — что вы уже пробовали работать с концентраторами, и у вас есть успехи.

— Я только начала, — возразила Юлька, испытывая неловкость пополам с подозрением. Откуда он так много знает о ней и зачем все это рассказывает?

— Далее есть два пути, — продолжил Джилейр увлеченно. — Фантом можно поместить прямо в Маар. Он останется там, пока не истает или пока его кто-нибудь сознательно не уничтожит. Для этого нужен элементал с даром свободно входить в Маар. Второй путь — это помещение созданного фантома в специальную среду — в концентратор.

Юлька задумчиво покачала головой.

— Может быть, все это и возможно, — сказала она. — Но как этот фантом может влиять на Вечного?

— Фантом и самого Вечного надо связать, — продолжил Джилейр. — Есть несколько способов, например, чтобы Вечный и его фантом соприкоснулись. Не самый надежный, есть и другие... — видя ее скептическую усмешку, он встал. — Я понимаю, все это кажется сложным и звучит как бред, но...

Аккуратно поставив пустую чашку на столик, он ушел в соседнюю комнату и вернулся с плоским предметом размером с ладонь. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это концентратор, внутри которого в ярко-голубом кристалле, обрамленном в уже знакомый платиново-дымчатый металл, Юлька увидела миниатюрный и виртуозно нарисованный образ Наджара-Филина.

— Смотри, — и он протянул ей медальон.

Юлька боязливо взяла его в руки и удивилась, настолько он тяжел и как сильно от него веет фэйром и рохом, уже знакомыми и понятными, но совершенно чужими ей силами. Это действительно оказалась необычная, наполненная энергией вещь, она отзывалась в ее руках и ощущалась не как предмет, а как живое существо. Изображение Филина внутри кристалла было отчетливым, детальным, притягивающим... Вглядываясь все глубже и глубже, она

вдруг почувствовала, как мир вокруг нее растворился, отодвинулся назад, и неожиданно она снова оказалась под черным с алмазными гранями небом. Задохнувшись от ледяного воздуха, она поспешно огляделась, привыкая к другому состоянию тела, и сделала по кристально-прозрачному льду несколько шагов вперед.

И сразу же увидела *его*. Жуткое это оказалось зрелище — птица с человеческими глазами. Рыжевато-охряное тело мерцало, переливаясь золотом и пеплом, а глаза... Желтые, немного навывкате, они смотрели на нее с болью и укоризной. Птица встрепенулась, когда Юлька сделала шаг ему навстречу, распахнула пестрые крылья, словно собираясь улететь, но очень по-человечески моргнув, осталась на месте. Юлька сделала еще один маленький шагочек, а потом присела на корточки, разглядывая это пугающее создание. Несколько долгих мгновений они смотрели друг другу в глаза, а потом Юлька почувствовала щемящую жалость к этому странному, такому красивому и такому одинокому существу...

Может быть, Филина потому и нет в мирах Ар Соль, подумала она, что настоящий Филин заперт здесь, в Мааре, навсегда, посредством этого странного медальона. Мысль показалась столь чудовищной, что она, попятившись назад, решительным усилием рванулась обратно, в теплый, знакомый и уютный родной мир.

Очнувшись, она обнаружила, что лежит у Самира на руках, который очень даже неделикатно обнимает ее за плечи. Высвободившись, она вернула медальон-концентратор Джилейру.

— Кто и когда сделал эту вещь? — спросила она с дрожью в голосе.

— Человек, оставивший дневники, — ответил тот. — Когда? Наверно, еще в те времена, когда Наджар был жив.

— Зачем вы мне все это рассказали? — спросила она требовательно.

Джилейр повернулся к Самиру.

— Оставь нас, пожалуйста, ненадолго.

Послушно, но неохотно, Самир поднялся и вышел из комнаты.

— Юля, — начал Джилейр с мягкой серьезностью, — только что вы вышли в Маар. — Знаете, насколько этот дар бесценен?

— Знаю, — ответила она спокойно. — Говорили.

Он кивнул.

— И ведь этот выход в Некрос у вас не первый, — улыбнулся Джилейр. — И успехи в обучении тоже... обращают на себя внимание. Вы могли бы нам помочь.

Юлька с трудом сдержала удивленный и гневный взглас.

— Мы знаем, что вы не та, за кого себя выдаете, — мягко сказал Джилейр. — Нет, Самир не знает, — улыбнулся он. — И вы с ним не делитесь. Он добрый, влюбленный, но слишком уж примитивный парень, он может неправильно вас понять. Вы пришли с Основы, и Нигейр Алекс — ваш старый и близкий друг. Вы много времени провели вместе, блуждая по нашим мирам, пока не очутились в Наган-Кархе, но в итоге вы покинули Наган-Карх по личным причинам.

— Откуда вы знаете, — потрясенно прошептала она. — Вам кто-то рассказал?

— Скажем так, у нас было много разных источников информации, — продолжил он, все так же мягко улыбаясь. — Вам не все равно, что происходит с вашим другом. Вы не хотите, чтобы он и дальше становился таким, каким он уже, фактически, стал. А мы... Мы боимся явления Аспида. Нам не нужен черный демон в наших небесах. Мы хотим попробовать как-то, — тут он замаялся, подбирая нужное слово, — повлиять на него.

— Он упрямый, — сказала она шепотом, глядя в окно невидящими глазами, перед которыми неожиданно всплыло бледно-голубое утреннее небо с аспидно-черной фигурой змея.

— Мы считаем, что у вас может получиться создать фантом, — сказал Джилейр так же тихо. — Если бы у вас получилось, мы бы доверили его вам. Вы не пожелаете ему зла. Вы не пошлете его уничтожать города. Тут нужна любящая душа, чистая и сильная. Возможно, вы сможете даже... изменить его. Сделать лучше.

— Я не умею рисовать, — прошептала она, очарованная заманчивым предложением.

— Это совершенно неважно, — улыбнулся Джилейр. — Среди нас есть очень талантливые художники. Знали бы вы, какие чудеса могут творить дети Феникса, — он негромко рассмеялся. — Могу вас даже познакомить. Вашей задачей станет создание образа Змея, но образа красивого, благородного, положительного... Если получится — вы станете его хранительницей. Хотите попробовать? — вкрадчиво спросил он.

Юлька долго молчала, глубоко задетая столь притягательной идеей. Почему бы действительно не попробовать? И она медленно, но твердо кивнула.

Джилейр подошел и взял ее за руки.

— Вот и славно, — сказал он.

Через два дня Самир принес ей большой кристалл концентратора, дымчато-пепельный кругляш, до предела заряженный наэром, и акварельный рисунок. На переливающемся нежными утренними тонами розового и золотого небе был изображен величественный змей, паривший над белоснежными пиками гор на фоне хорошо знакомой башни из стекла и стали. Рисунок был явно сделан в Наган-Кархе и дышал удивительной легкостью, полетом, движением... Юлька долго любовалась тонко выписанным телом, полупрозрачными золотистыми крыльями, изящными шипами и роговыми лентами, но потом неожиданно осознала, что одного рисунка для полноценного воплощения недостаточно. Нужен... человек. Сам Саша. А она так ни разу и не видела его после принятия ипостаси.

Но все еще вдохновленная благородной идеей, она решила попробовать. Взяв концентратор в руки, она долго вглядывалась в рисунок, вспоминая черты его лица и те его образы, что сохранились у нее в памяти с прошлых времен — времен Старой Земли, когда они вместе работали. Ну вот, усмехнулась она про себя. Как быстро она стала называть свой собственный дом по-местному... Перебирая в уме драгоценные крупинки памяти, она продолжала любоваться рисунком, а потом, устав, закрыла глаза и стала вспоминать его лицо, пытаясь решить, что же осталось в ее душе от былой пылкой и неразделенной любви. Печаль. Сожаление. Немного обиды. И страх — страх, что тот добрый, чуткий внимательный и заботливый, такой симпатичный человек Саша потерян теперь навсегда. Он больше не Саша, он Нигейр Алекс, Вечный Змей-Аспид, бессмертное и могущественное существо, в котором осталось так мало человеческого.

Когда она открыла глаза, прямо над картинкой парил и переливался бесплотный и небольшой, но вполне реальный Змей. Неужели получилось? Она осторожно взяла оживший под ее пальцами фантом в ладони. Дальше, кажется, надо поместить этот чудный фантомчик в медальон? Держа Змея в одной руке, она подтянула медальон к себе, но когда они соприкоснулись, фантомчик стал быстро скукоживаться и в итоге полностью исчез. На всякий случай Юлька всмотрелась в медальон — изображения в нем не было, а концентрация наэра в кристалле явно уменьшилась, потому что его сочный, рубиновый цвет поблек, превратившись в грязно-розовый. Я сделала Змея из джив, подумала Юлька, потому

что моя ударная сила — это джив, но когда эти две силы соприкоснулись, они погасили друг друга. Надо попробовать как-то иначе. Надо делать фантом на той силе, которая не антагонистична наэру. На рох, например. Или на фэйр. Но она не владеет этими стихиями.

Надо что-то придумать, подумала она. Или с кем-то посоветоваться. Или попробовать взять второй концентратор, например, то же ожерелье с фэйром, и использовать его энергию. Я и вправду это могу. Я должна попробовать. Ради Саши. Ради всего человеческого, что в нем осталось.

Глава 18. Человеческий облик

Огромный лохматый зубр раздраженно мотал головой, оглядываясь на меня все с большей и большей неприязнью. Ему не нравился человек, кругами блуждающий вокруг него. Зубр не знал, то ли боднуть его толстыми изогнутыми рогами, то ли равнодушно пройти мимо.

Я отошел назад, оценивая размеры опушки леса, на которой он пасся. Как бы отогнать его подальше от поселений разумных существ? Не хотелось бы устраивать безобразие так близко от жилья. Появилась тут у меня одна гипотеза... Как применить ее к Вагабру, я не знал, но с Даллахом, если она верна, воплотить ее в жизнь вполне в моих силах.

Я сменил облик и поднялся в воздух, еще раз осматривая окрестности. Лес тянулся где-то хаара на два, потом начинались населенные районы — деревеньки Дзуликих и смешанные поселения городского типа, расположенные на обоих берегах реки. Что ж, попробуем поаккуратнее.

Поднявшись над лесом чуть повыше, я начал концентрировать на крыльях фэйр, поднимая и разгоняя ветер, создавая воронку и кружась над землей по спирали. Круги мои становились все шире и шире, двигался я, постоянно увеличивая скорость и стягивая все имевшиеся в округе ветры на себя. Сформировав здоровенную воронку смерча, я оттолкнул ее от себя в сторону Даллаха.

Смерч прокатился по опушке леса, сбил и перевернул массивного зубра, зацепил деревья в лесу и заглох, проложив в чаще небольшую просеку. Зубр встал, отряхнулся и медленно побрел вдоль поваленных деревьев. Я ругнулся, понимая, что он как назло двигается в сторону селений. Эх, была не была...

Я повторил процесс. На этот раз растревоженная ранее стихия поддалась быстрее, в воронку закрутило вырванные с корнем сосны. Мне было жалко леса, но если Даллах очнется, своей вечной силой он быстро зарастит последствия моего локального урагана. Смерч швырнул зубра сильнее и дальше, одна из сосен едва не придавила его, а я, испугавшись, чуть было не погасил созданный мною ветрище. Полежав какое-то время в прострации, зубр поднялся на ноги и с бычьим упорством поковылял дальше. Над лесом и лежащей за ним деревенькой сгущались тучи, нагнанные моими попытками натравить на Даллаха стихию воздуха. Что ж, возможно, подобная встряска недостаточна для такого могущественного зверя, как Вечный Зубр.

В этот раз я долго раскачивал воздушные потоки, разгоняя ураганный ветер на несколько хааров вперед. Издалека я видел, как клонятся под ударом мощной стихии плетеные изгороди в деревне, расположенной на дальней опушке леса и почти на самом берегу реки. Подождав еще немного, я опять бросил очередной смерч прямо на печально бредущего сквозь лес зубра.

Удар стихии был безжалостен. Темная ураганная воронка, полная комьев земли, вырванных с корнем деревьев, захваченных в столб зверушек, зацепила зубра и выбросила его на опушку леса, и, потеряв лишь немного в силе и свирепости, двинулась на деревню. Даже издалека я слышал крики паники и грохот разбиваемых ветром построек. Пройдя по краю деревни, ураган сорвался в реку, а я рванулся следом за ним, стремительно вырастая до самого большого своего облика и крыльями гася мною же созданное безобразие. Развернувшись над рекой, я отыскал взглядом Даллаха, увидел, как он выбирается из-под

сорванного с земли и рухнувшего прямо на него сарая, и, испытывая злость от очевидной бесполезности моих попыток, снова принялся закручивать воронку. Все, эта — последняя, иначе стихия снесет несчастную деревеньку прямо в реку.

И вот тут-то оно и случилось... Когда очередная воронка уже была сформирована, и я готовился толкнуть смерч, нацеливая его на одинокую фигурку зубра, я вдруг почувствовал на себе тяжелый, пронзительный взгляд. зубр поднял морду, и сначала медленно, а потом — набирая скорость, двинулся в мою сторону, наступая на удерживаемую мною воздушную воронку. Я чуть качнул ее навстречу ему, угрожая спустить взбесившуюся стихию с цепи. зубр продолжал двигаться... я ждал, все еще вливая фэйр в воронку...

И тут он меня ударил. Здоровенной энергетической оплеухой, сплошь состоящей из смеси джив с рох, отчего меня отбросило назад и вниз, аж до самой речки. Неловко погасив падение и едва не рухнув в речку, я поспешно остановил сорвавшуюся без моего контроля воронку. С трудом поднявшись над берегом, я увидел, как из ямы, образовавшейся на месте, где только что был зубр, выбирается на четвереньках оглушенный и растерянный человек. Впитав обратно фэйр из воронки, отчего она разом просела, и сбросив остатки в реку, я опустился рядом с Даллахом и вернул себе человеческий облик.

— Что ты тут вытворяешь? — рявкнул он свирепо, поднимаясь в полный рост. — Ты ж чуть деревню не снес!

— Ты помнишь, что с тобой произошло? — спросил я устало, садясь на землю и чувствуя, как от его удара у меня ноют все кости.

Он примолк и надолго задумался.

— Смутно. Помню, как что-то вынудило меня принять облик... Помню, что не мог вернуться... Потом... — он неожиданно замялся. — И долго я так?

— Почти три недели, — вздохнул я.

Даллах свистнул.

— Будто один день, — потрясенно пробормотал он. — Все слилось...

Я кивнул в сторону вывороченных и поваленных деревьев.

— Ничего умнее я придумать не смог, ты уж извини. Решил, что если ударю тебя стихией, к которой ты уязвим, поставлю под угрозу существование твоей земли, то это вырвет твой разум из капкана ипостаси. Меня, по крайней мере, это вырвало, — пояснил я.

Он смотрел на меня с нескрываемым изумлением.

— Тебя?

Я кивнул.

— Давай для начала выберемся отсюда, — предложил он, помогая мне подняться. — Надо найти вимму. Принимать облик мне что-то больше не хочется.

— А мне и не может, — пробормотал я, опираясь на него и стараясь не свалиться на землю.

***

— Он что-нибудь помнит из того, что делал все это время? — спросил Гевор, дослушав мой рассказ. Этим вечером он звал меня к себе во Фьерхольм, поделиться новостями, но я категорически отказался сползать с дивана. Ну в конце концов, сколько можно испытывать меня на выносливость? В башне было тихо, тепло и уютно, хотя за стенами бушевал ветрище, отголосок поднятого мною урагана в Тайреме. Горел камин, Нвер подал нам отличный ужин, и я позволил себе валяться на диване в любимом халате, напрягаясь только ради того, чтобы дотянуться до стакана.

— Смутно, — вздохнул я. — В целом его воспоминания похожи на те, что остаются у наказанного ошейником Двуликого. И факт нападения он уже не помнит.

— Плохо... — проворчал Гевор. — Хотя... Это уже ничего не меняет. — Так чем ты его выбил, говоришь?

— У меня была мысль, что сила, к которой он уязвим, в сочетании с угрозой его землям может сработать. Но похоже, сработала только реальная угроза его жизни.

— Когда потребовалось нечто большее, чем сила Вечного, — задумался Гевор. — Разум.

— Или потрясение. Мы с ним были друзьями много лет. А тут я фактически напал на него.

— Или это, — кивнул Гевор. — Предлагаешь, чтобы кто-нибудь напал на Вагабра?

Я пожал плечами. Нигейра на него натравить, что ли?

— У меня тут любопытные новости с Анг Мирта, — начал Гевор задумчиво. — С зеркал.

Я кивнул. Те двое парней, закрепившиеся в Анг Мирте, сделали с помощью визоров много ценных записей. Когда мы их получили и обработали, появилась возможность поставить на некоторых любопытных анг-миртовских персон наблюдающие зеркала. Технология старая и хорошо отработанная, хотя не самая простая. Зеркало настраивалось мастером, хорошо оперирующим фэйр, рох или эгри, но не по изображению с визора, а обязательно по живому рисунку, сделанному другим талантливым мастером, желательно из детей Феникса. С помощью обычной видеозаписи или снимка не создавалось связи между живым существом на картинке и реальным человеком, вдохнуть жизнь в изображение и создать связь между человеком и его изображением мог только от руки сделанный рисунок. Что любопытно, работало это только в случае с разумными. Зеркала, наблюдающие за местностью, прекрасно настраивались по обычным координатам. В штате Стражи было несколько талантливых художников-портретистов, способных нарисовать вполне достойное изображение по записям с визоров. Чем лучше, достовернее, живее был портрет, тем четче и стабильнее работало зеркало. И конечно же, если получалось рисовать с натуры, то такие портреты давали самый лучший результат.

Мы вели наблюдение за тремя людьми, одного отслеживали люди Илара, возглавлявшего разведку Основы, двух — Гевора, и активно обменивались отчетами. Я просматривал их все, но с большим запозданием из-за моего почти десятидневного пребывания в вороновом теле.

— Любопытная у них вера, — начал Гевор, задумчиво глядя на огонь. — Их мир был создан тринадцатью ангелами и представлял собой некое подобие рая. Создавали они его для себя самих, как дом для избранных, чтобы жить отдельно от людей и существ, обитавших в соседних мирах. Но постепенно ангелы стали переносить туда людей, разумных существ и животных, к которым они привыкли в других мирах и с которыми они не могли расстаться, в качестве друзей, спутников и слуг. Люди размножились и стали жить отдельно, а позже стали могущественнее ангелов, что те, естественно, не смогли им простить. Последовала длинная и жестокая война, в которой один из ангелов принял сторону людей, а остальные двенадцать были повержены. Но поскольку они были бессмертны, то не погибли окончательно, а переродились в демонов, потеряв часть своей силы. Тебе это ничего не напоминает?

— Еще как напоминает, — проворчал я. — Как раз недавно пообщался с одним поклонником... демонов в родном отечестве. И насколько похожи их демоны на наших?

— Существенно, — пояснил Гевор. — Те же животные с теми же профилями силы, и с похожими возможностями.

— Вот почему я чувствовал там подпитку, когда летал, — задумчиво пробормотал я. — На Старой Земле я быстро устаю, если передвигаюсь в вечном облике.

— Нам с тобой все равно, на какую картиночку они смотрят, — прокомментировал Гевор, — на белую или... черную. Молятся или проклинаят. У энергии нет цвета, у нее есть только мощь.

— В целом все логично, — продолжил я. — Анг Мирт был населен уроженцами Ар Соль, почитавшими Вечных. Неудивительно, что вместе с людьми выжила и вера.

— А ты не знаешь, был ли там чей-нибудь домен?

Я покачал головой.

— Откуда? Хотя могу предположить, что если и вправду Вечные создавали там рай, то домены были у всех.

— Вряд ли от них что-то осталось, — вздохнул Гевор. — В общем, в их божественном пантеоне двенадцать падших ангелов и один настоящий, которого они называют Спасителем. Все остальное очень похоже на нашу веру в Единого. Даже образы.

— А вот совпадение образов меня настораживает, — задумался я.

— Возможно, есть связь, — согласился он. — Вера в Единого появилась в наших мирах не так давно.

— Думаешь, она не просто так появилась?

Он пожал плечами.

— Кто и когда написал "Откровение Единого"?

Так называлась книга, которую пылкий шаам давал читать Юльке.

— Никогда не задумывался, откуда она взялась, — задумчиво пробормотал Гевор. — Но можно поискать истоки.

Он еще что-то добавил, но я не разобрал, почувствовав, как посторонний садится на верхнюю площадку моей башни. Хлопнула верхняя входная дверь на лестнице, ведущей с площадки прямо ко мне в кабинет, а я поспешно поднялся, приводя себя в порядок.

Через несколько мгновений в кабинет ворвалась Ширин.

Окинув нас встревоженным взглядом, она опустилась в пустующее кресло рядом с камином.

— Теперь и я, — заявила она, откинувшись назад и закрывая глаза.

— Ты вроде бы человек, — озадаченно заявил Гевор.

— Я прикинулась, что меня зацепило. Возвращалась из Мардины (столица Шеннон Ара) домой, заметила ниже себя мышь-тень, насторожилась, но не повелась. Через какое-то время тень исчезла, но мне на хвост села вимма, обычная пассажирская, очень быстро и нагло догнала меня, из окна высунулись и пальнули несколько раз из арла. Болты прошли мимо, но один ударил в крыло на излете, не пробил и не оцарапал, но я на всякий случай изобразила потерю высоты, заметалась и рванула к Лунному кряжу, я знаю, где там спрятаться. Подождала какое-то время, долетела до Нуэйна, покружила в облике, садилась, взлетала, росла и уменьшалась, насколько могу, в общем, навела дома панику, а потом вернулась в Мардину и сразу — к тебе.

Я вытащил из шкафа еще одну бутылку и протянул Гевору.

— Открой, я пока на кухню спущусь.

Когда я вернулся, неся моей гостье ужин, она выглядела менее испуганной.

— Рес, а можно поставить зеркало на Вечного? — неожиданно спросил Гевор.

— Можно, — кивнул я. — Но сложно. Портрет для зеркала должен не только передавать сущность, он должен отражать двуликость, — пояснил я. — Кстати, именно поэтому на Двудликих зеркала ставить в разы сложнее, чем на ассаров.

— Крейг думает, что за нами следят, — сказала она

— Мы уже это предполагали, — согласился я. — Но склонялись к мысли, что это делается путем обычного шпионажа. Зеркало, конечно, проще и надежнее, но настроить это зеркало... Сложно. Что ж, попытаемся порасспрашивать Следопытов, не поступал ли в последнее время им какой-нибудь необычный заказ.

— Это еще не все, — вздохнула Ширин. — Что я, собственно, в Мардине делала... В Саманданге переворот. Сегодня утром, на рассвете, младший брат верховного эмира Икран Гайяр при поддержке Эльашра зарезал спящего старика Гайяра и попытался вырезать всю его семью, но часть из них успела уйти, прикрываемая гвардией. Знать его не поддержала и в городе началась резня. К вечеру Икран с небольшим личным войском и частью мухарибов, накопленных в столице заранее, полностью взял под контроль центральную и западную часть города, но дальше его не пустили. Сейчас бой утих, но братец заявил, что ждет подкрепления из Эльашра, готов присягнуть Нигейру Аспиду на верность и положить Саманданг к его ногам в качестве подарка. Хэйген... Вечный Реваль и я, Вечная Ширин, перед лицом Маара просим тебя о помощи — тебя, Ворона-защитника. Надо прекращать это кровопролитие. От необдуманных действий этого молокососа гибнет слишком много людей.

Я вздохнул. Эх, пропал мой диван и тихий вечер наедине с друзьями и бутылкой... Теперь никуда не денешься — придется. Хорошо, что мы с Шандром уже успели обсудить, что мы будем делать, если нас вынудят вмешаться.

Я вытащил из нижнего ящика стола три больших, грубо сделанных, зато мощных маар-щита и бросил их Ширин и Гевору.

— Надеваем, — приказал я и надел побрякушку сам, а потом, убедившись, что щиты на них, пояснил. — Маар-щит создает помехи наблюдающим зеркалам, если они есть. Особенно сильно страдает звук. Другой вариант обмануть наблюдателя, — тут я наклонился к уху Ширин, обнимая ее и при этом полностью загораживая ее лицо, шепча тихо и едва разборчиво. — Вот так с Зеркала тоже ничего не разобрать. С этого момента все ценное — только шепотом и на ушко. А если хочешь скрыть текст на бумаге — разворачивай его лицом к себе и пусть тот, кто читает, становится у тебя за спиной. Для зеркал рисуют полупрофиль, чтобы иметь лучший обзор тех, кто попадает в круг наблюдаемого, бумага в этом положении окажется чистой стороной к зеркалу.

Затем я отстранился, на всякий случай повторив то же самое для Крейга.

— Ты говорила с подлунными кланами?

— Да, они не прочь поразмяться, но войска не сформированы, слишком уж быстро все произошло, — сказала она.

— Тогда бери тех, кто есть, и кого можно быстро собрать. Переправляйтесь в Саманданг. Только имей в виду... Успевайте до пяти утра — ровно в пять я полностью закрою все Грани с Шамалем. Отрежу землю от других. Жаль, что твой очаг в Саманданге небольшой, надо будет где-то до поры до времени прятать людей.

— Там огромные подвалы, — сказала она тихо. — И университет на соседней улице. Из школы Джмар в мой особняк ведет просторный подземный ход.

— Тогда ждите Шандра. Он дворец Гайяров как свои пять пальцев знает. Без него — не

соваться. И вот еще что. Можно я воспользуюсь твоим доменом под Ашром? Мне нужно будет кое-кого туда притащить и может быть, даже сломать ему пару костей.

— Конечно, — кивнула она. — Я предупрежу своих. Делай все, что тебе нужно. Может, что-то еще?

— Стрелы стазиса, — подумав, ответил я. — У Пауков их много, но не все заряжены.

— Тогда давай я лучше их сама заряжу, — предложила Ширин. — Прямо сейчас, мне все равно через ваш шеадр, что в Страже, домой лететь. — Стрелы Некроса нужны?

— Хватит нам Карраны, и так много разрушений, — поморщился я. — обойдемся без них.

— Моя помощь нужна? — тихо спросил Гевор.

— Пока нет. Но за предложение — спасибо.

Шандр откликнулся сразу же, словно ждал моего звонка по гвору.

— Уже знаю, — ответил он, как только я заикнулся о Саманданге. — С чего начнем?

— С эмира.

— С эмира? — переспросила Ширин шепотом.

— Эльашра. Нечего ему, засранцу, прохлаждаться. Пора бы уже остудить его подогретое Змеем самомнение.

Глава 19. Ночь перед боем

— Почему ты со мной? — спросил мужчина, провожая глазами очаровательную нагую женщину, поднявшуюся с ложа, чтобы полюбоваться на степной рассвет. Небо, еще недавно золотисто-малиновое, постепенно светлело, обретая нежно-сиреневое, прозрачное свечение. Рождающееся на горизонте утро постепенно высветляло черноту, изгоняя тени и наполняя землю жизнеутверждающими соками, и покрывая тело женщины нежно-золотистым сиянием. — Я по сравнению с тобой — нелепый и неуклюжий неумеха. Дилетант.

Она чуть качнула головой, не отрывая глаз от далекой линии горизонта.

— Ты горячий и пылкий. Юный. В тебе сила... Не сила Змея, а сила страсти. И жизни.

— Пожалуй, страсти в тебе больше, чем во мне.

— Это не страсть, — откликнулась она после длительной паузы. — Это другое. Голод. Животная сила, которая накатывает и перекрывает твой разум. Жажда крови и жажда обладания-совокупления, гложущие то существо, что навечно к тебе приковано. Неужели ты еще не почувствовал?

Молодой мужчина, следящий за ее движениями с низкого просторного ложа, невесело усмехнулся.

— Еще как. И мои способности, ранее вполне обычные, теперь... хм... увеличились

— Это не совсем ты, — мягко ответила она. — Это Нигейр в тебе. Чужая сила, но теперь на самом деле всегда твоя.

— Странное ощущение. Словно я... насытиться не могу.

— Это и есть голод. На самом деле — неприятная штука. Ты можешь заменить его охотой, и наоборот. Но не до конца.

— А ты-человек? Что чувствует твоя человеческая часть?

— Когда как, — женщина отступила от окна, возвращаясь на ложе и вытягиваясь рядом. — В основном — тоску. Одиночество. Понять меня может только равный, который испытывает те же чувства. Или обычный человек, но сильный, из тех, кто повидал не меньше, чем я.

— А они встречались на твоём пути?

— Равные? Да, мне очень повезло когда-то, когда я только обрела ипостась. Меня бросило в объятия одного из нас, и он помог мне... разобраться с тем, кем я стала, и не превратиться в озлобленную истеричку, кидающуюся жрать каждого, кто косо смотрит мне вслед.

— А потом?

— А потом мы расстались. Пробыли вместе почти 10 лет... Тогда мне казалось, что он не способен любить. Совсем. А сейчас я понимаю, что его душа уже тогда была подернута пеплом.

— А люди?

— Были и люди. К сожалению. К счастью.

— Почему — к сожалению?

— Большинство людей считает тебя чем-то между богом и верховным правителем. Слышал это обращение — Верховный? Вот... Очень точно. Второе — длинная жизнь и фактически неизменность физического облика. Ты вот, например, таким молодым и останешься, даже если до пятисот доживешь. А вот твои близкие состарятся. Это больно

наблюдать, а еще они сами из-за этого начинают переживать. Не верят, что ты их любишь и такими. Затем они умирают. Вырастают дети, внуки, правнуки... А ты отдаляешься от них. Для первого-второго поколения я еще мама и бабушка, но дальше они перестают видеть в тебе близкого. Я еще мало пожила, и то уже успела это почувствовать, а ты подумай, например, о том же Даллахе...

— Не могу, — рассмеялся он. — Я его ни разу не видел в человеческом облике. Только в виде зубра, и то — издалека.

— Неужели? — она рассмеялась. — Могу вас познакомить. Так вот, ты живешь и теряешь. А находишь все реже и реже. Остаются насечки на душе, словно шрамы. Знаешь, я помню всех, кого любила. Постепенно мы учимся... не привязываться. Голод легко утоляется случайными связями, короткими интрижками, ну и островами удовольствий в Ар Иллиме. Там много всего интересного... Не был еще? Хм, вряд ли Кольер тебя туда сводит, он у тебя аскет. Хочешь, покажу?

Он засмеялся.

— Хочу. А что там?

— Острова, где круглый год тепло и солнечно, и где построены целые дворцы развлечений на любой вкус. Дзуликий — ты найдешь там сорасца. Человек — тем более. Любишь мальчиков — пожалуйста. Девочек — легко. Хочешь забыться — любые виды дурмана, от легких наркотиков до ядерной дури. За дурь, правда, власти Ар Иллима гоняют, но избавиться от нее невозможно — она там везде растет.

— Покажи, — улыбнулся он, проводя ладонью по спине женщины, отчего она выгнулась, как довольная кошка, подставляющая под хозяйскую ласку. — Никогда не пробовал никакой дури, даже безвредной. Хочу наверстать упущенное.

— Подействует, но гораздо слабее, чем на обычного человека.

Какое-то время они молчали.

— А семьи... бывают? И дети? — спросил он со смущением.

— По-разному, — ответила она. — У некоторых — бывают, но лишь иногда. Большинство из нас именно так и живет, страдая интимофобией. Исключение, пожалуй, составляет только Реваль.

— Реваль?

— Да. Он же шаам, старый шаам, и до сих пор верен укладу пятисотлетней давности его земли. У него все время есть жены и пара-тройка отпрысков. Он их воспитывает весьма консервативно, по старым шамальским традициям. Большинство из них остаются в его доменах, помогая вести дела.

— А что, серьезный подход, — хохотнул он. — Типичный такой шамальский родовой клан.

— Даллаха очень любят женщины, — продолжила она. — У него их тоже несколько, и он им никогда не отказывает. Дети бывают, но он их не воспитывает и при себе не держит. Хотя матерям всегда помогает. А еще, если бездетная одинокая женщина придет к нему просить дать ей ребенка, в прямом смысле — от него, он и даст, — тут она рассмеялась, глядя на его изумление. — Ну, он же повелитель жизни, ему можно.

— Я слышал, что Ваэль официально женат, — сказал он.

— У нас нынче очень правильный Вагабр, в пику предыдущему, который славился любвеобильностью. Рассказывают, что раньше в Эксере каждые полгода была новая фаворитка.

— Еще я слышал кучу сплетен про Альсара.

— У этого всегда толпы поклонниц, один он в постель вообще не ложится, — расхохоталась она. — Кинэн предпочитает держать несколько любовниц в разных местах. Гевор заводит очередную подружку, год-полтора они вместе, потом он охладевает и расстается с нею. Но он хотя бы честен с ними со всеми — ничего не обещает, кроме веселого времяпровождения и своего покровительства, и, как я слышала, расстается с ними хорошо, без обид. Хэйген уже много лет перебивается случайными связями, предпочитая постоянным отношениям иллирийские острова. Эрлен любит соблазнять... для нее это игра, но тоже одноразовая. Добившись своего, она тебя бросит. Я даже не знаю, любила ли она хоть кого-нибудь по-настоящему. А про Ширин никто ничего не знает.

— Знаешь, на интимофобию все вышеописанное не похоже, — хмыкнул он. — Скорее наоборот.

— Это именно она и есть, — возразила Лануэль. — Все эти недолгие связи — лишь иллюзия тепла, иллюзия близости... Очень быстро становится скучно — ты знаешь, что будет дальше, а привязаться, полюбить — боишься. Уж лучше быть одной. Так спокойнее.

— Тогда мы возвращаемся в начало — почему ты со мной?

Она игриво закинула ногу на его бедро.

— Любопытство, — прошептала она, придвигаясь поближе. — Ты ведь чужой — со Старой Земли. И я повторяюсь — юный, сильный, горячий, еще пока не хлебнувший нашего фирменного равнодушия. Я называю его — пепел души. Твоя душа еще не подернулась пеплом вечности.

Далекий отзвук гвора отвлек их обоих. Саша нехотя поднялся, натягивая штаны, и поплелся в соседний со спальней кабинет, мимолетом бросив взгляд на часы. Почти шесть утра... Что-то наверняка случилось, что-то непредвиденное и неприятное, его не стали бы беспокоить так рано. Пожалуй, никто, кроме Кольера, не осмелился бы ему звонить.

— Слушаю, — откликнулся он в раструб гвора.

— У нас проблемы, — голос Кольера звучал сухо и напряженно. — Я не могу попасть в Ар Шамаль. Нигде.

— То есть? — растерялся Саша.

— Прямые шеадари в Ахру и в Ортлер перестали работать. Я должен был переправить в Ахру отремонтированные виммы с гвардией ноа для Саманданга, но ни карранский шеадрпорт, ни прямые пешие шеадари не функционируют. Мы пробовали разные пути, не прямые, через Рузанну и Элезию тоже. В Шамаль не пройти.

— Такое возможно? — опять переспросил Саша, плохо понимая, что происходит. — Это авария, или что-то более серьезное?

Как некстати, занервничал он. Конница мухарибов Эльашра должна была выступить еще до рассвета, им от места базирования под Карраной до Саманданга около двух часов скачки. Гвардия ноа, десант пеших бойцов из мухарибов и воздушные бригады на крыльях должны были прийти с поддержкой с воздуха где-то к семи утра. Он сам планировал появиться над Самандангом только в самом конце, когда перевес будет полностью на стороне нового эмира, Икрана Гайяра, принять столицу и обойти ее с воздуха, закрепив и поддержав новую власть с помощью психической атаки. Икран, конечно, поторопился, уговор был начать операцию по захвату Саманданга через три дня, но разведка доложила, что старый Гайяр обратился за помощью в другие земли Ар Соль и получил поддержку. Икран, опираясь на силы Зарифа Ашра и на весьма скудные свои, решил рискнуть и

достаточно успешно захватил часть города. Встретив бешеное сопротивление личной гвардии эмира, Львов Серджента и самагдангской знати, которая сама собой являлась сборищем разрозненных, но весьма боеспособных воинов, он упустил младшего Гайяра с матерью и оказался заперт в историческом центре. Пробриться к нему с внешней стороны не представляло труда, Саша еще вечером передал через Зарифа приказ коннице, и через Кольера — ноа, большая часть которых находилась сейчас в Наган-Кархе и в Ахре. Выступить приходилось раньше, чем он планировал, но Саша не видел больших сложностей в захвате Саманданга, слишком уж светской была столица. Сопротивление местных было просчитано заранее, от Икрана он хорошо знал, где именно установлены баллисты и организованы посты арл-стрелков.

— То есть, из-за сбоя в работе шеадров наши силы не могут попасть в Ар Шамаль? — еще раз уточнил он.

— Да, — подтвердил Кольер.

— Как быстро его ликвидируют?

— Его ликвидируют, если это сбой, — продолжил старый наг. — Как быстро — не знаю, зависит от сложности. Но я считаю, что тут иная причина.

— Ворон вмешался, — шепотом сказала незаметно подошедшая сзади Лануэль.

— Он может... перекрыть шеадры?

Она кивнула.

— Тебе придется использовать только те силы, что есть в Шамале, — продолжил Кольер. — И действовать лично. Боюсь, не опоздали ли мы.

Выключив связь, Саша повернулся к ней.

— Присоединишься? Сейчас мне нужен каждый боец.

Она покачала головой.

— Извини. Вряд ли Хэйген действует один, обычно он старается держать нейтралитет. Но если он вмешался, его или вынудили, или очень убедительно попросили. Те же Ширин с Ревалем. Против их коалиции я однозначно не пойду, это самоубийство.

— Хорошо, — кивнул он, подумав, как стремительно состоялось самое первое на его пути предательство и удивившись, что не испытывает по этому поводу злости, словно знал заранее, что это произойдет. Надо срочно подымать все имеющиеся в Ортлере и в Ахре силы, и желательно успеть в Саманданг до того, как та сторона, что поддерживает старого Гайяра и действующий порядок, заявит о себе.

Глава 20. Сражение за Саманданг

Первый конный отряд мы настигли где-то в 30 хаарах от Саманданга. Со своей высоты я видел и другие, мчащиеся к городу с разных приграничных гарнизонов, но этот подошел ближе всех. Двадцать крылатых воинов-Пауков шли надо мной, прикрытые с земли огромным вороном. Настигнув конницу, я ринулся вперед, на обгон, а Крылатые, отстегнув крепления на запястьях, расчехлили шок-бичи и иглопалы и атаковали мухарибов сверху. Выбивая их из седел, они стреляли по ним парализующими иглами, затем, рискованно снижаясь на уровень всадника, сбивали лошадей с ног с помощью бичей, всаживая в них по несколько игольных зарядов. С седел сабельный замах до Крылатых не доставал, но воинам эмира удавалось обрубить бичи саблями, хорошо еще, что запасные комплекты лежали в наспинных сумках. Когда отряд был полностью остановлен, я дал своим знак уходить как можно дальше за мою спину — там, на западе, к Самандангу двигались другие конные отряды, стремительно сокращая расстояние до столицы. Выждав, когда мои Крылатые отдалятся, и наблюдая, как мухарибы постепенно приходят в себя и поднимаются, я понемногу концентрировал под собою фэйр. Все они то и дело поднимали головы вверх, опасно ожидая, что предпримет непредсказуемая черная птица. Мысленно вздохнув, я опять стал закручивать воронку. Я еще толком не пришел в себя от перекрытия шеадров, голова даже в вороновом теле гудела как чугунный колокол, а тут снова пришлось оперировать стихиями. Разогнав ураганный ветер, я ударил их воздушной волной, вобравшей в себя степную пыль, сухую траву, камни и землю. Убедившись, что всех недогадливых сорвало с места и отбросило назад, я погасил воронку, чтобы своим не досталось, развернулся и помчался нагонять Крылья. Если тут и найдутся желающие продолжить поход на Саманданг, их будет очень немного...

Зариф, эмир Эльашра, сдал все их совместные с Нигейром планы после первой же пары оплеух. Проникнув в виде небольшой птицы в его дворец и обернувшись человеком, я вытащил сонного эмира из постели во внутренний двор, мгновенно принял обличье Ворона, зацепил его когтями за одежду и выволок в Шес, крепость-домен Ширин под Эльашром. Полет в виде добычи настолько впечатлил Зарифа, что после приземления мне не потребовалось много времени, чтобы узнать точное расположение гарнизонов, число конных воинов, время выхода конницы и расчетное время подхода к стенам Саманданга. Отдав обделавшегося от страха эмира людям Ширин, я метнулся к ожидавшим меня под Карраной Паукам. Ночью они тихо проскочили на виммах с эмблемой Повелевающих Жизнью через шеадр-порт, который, хоть и был теперь под контролем Нигейра, функционировал по-прежнему; возможностей останавливать и досматривать идущие из других земель транспорты у контролеров не было. Другая часть наших сил прошла через второй шамальский шеадр-порт, расположенный на границе Эльашра, Кельбелы и Рувабе; небольшой, рассчитанный на внутренние перевозки порт имел только два внешних шеадра — в Рузанну и в Веллим под Элласаром, и как важный транспортный узел не рассматривался. Они сразу же ушли в направлении Саманданга, до которого было полтора часа хода на максимальных скоростях. Мне и Крылатым, спрятанным в полуразрушенной Карране, требовалось вывести конницу из строя.

Один за другим мы сбросили с лошадей и раскидали по степи еще пять таких отрядов. Шандр с небольшой группой Пауков и сборными силами Шеннон-Ара должен был еще на

рассвете тихо выйти через дом-очаг Ширин рядом с университетом и проникнуть во дворец эмира. По данным разговорчивого Зарифа, в Саманданге было много и переодетых мухарибов, и сторонников Икрана, но и сопротивление верных Гайяру воинов и обычных местных жителей, не желавших, чтобы ими правили выходцы с дикого юга, оказалось яростным и весьма умело организованным. Саманданг сдаваться не желал.

Сделав свое дело, мы взяли курс на столицу. Давно уже рассвело. Я видел, что наши люди пересекли границу городских стен и высаживаются на плоских крышах и пустых площадях, спускаясь на улицы. Подмога гвардии ноа и шаамов, ставших под знамена Нигейра, задерживалась; мы получили то, на что я и рассчитывал, перекрывая шеадры — преимущество во времени.

Я планировал присоединиться к Шандру во дворце, но прежде чем это сделать, бросился в университет, находившийся в самом центре боевых действий. Надо вытащить отсюда Юльку, любым способом, вытащить и спрятать ее в доме у Реваля, в который, естественно, никакие мухарибы не посмеют сунуться.

Приземлившись в переулке недалеко от университетской площади, я медленно трансформировался обратно. Быстро сейчас не получалось — на мне был маар-щит и много металла, требовалось аккуратно вернуть его в ту же форму, что и до смены облика — в виде сабель и кинжала. Сейчас металл был разлит в качестве защиты от выстрелов снизу в подбрюшье и в кончики крыльев. Приняв человеческий облик, я бросился через площадь к центральному университетскому корпусу. Первая волна боев уже прокатилась по городу, несмотря на раннее утро: на отполированных сотнями лет и тысячами ног плитах лежали тела убитых. Пока их было немного, но они все равно были...

Ворота в университетский городок были заперты, судя по окнам, внутри никого не осталось. Я развернулся и бегом бросился на противоположную улицу, где располагался дормиторий. Заскочив во внутренний дворик, я увидел, что школа Джмар использовала его под госпиталь: все свободное пространство между деревьями было занято койками с ранеными. Пробежавшись между рядами и убедившись, что Юльки здесь нет, я поднялся на галерею, стучась во все комнаты подряд и выкрикивая ее имя. Не обнаружив ее в жилой части, я снова метнулся к университетским корпусам и, обойдя квартал, нашел боковой вход на территорию школы Джмар, через который планировалось вывести часть накопленных в ее доме бойцов. Дверь была распахнута, но и во дворе, и в здании было пусто. Над головой низко прошла одна вимма, затем другая, третья... снизу я не успел разглядеть символику, но, похоже, это наги и их шамальские сторонники, лишенные коротких путей, наконец-то добрались до Саманданга.

Я снова метнулся в дормиторий. Где же она? Неужели я фатально опоздал и что-то случилось уже вчера, когда в городе вокруг университета шли бои? Цепляясь к каждому встречному и бряцая на всякий случай саблями, я в конце концов выяснил, что еще час назад ее видели выходящей из ворот дормитория в сторону лежащей на противоположной улочке хлебной лавки.

Я выскочил на улицу, охваченный нервным возбуждением и страхом. Где она? В дальнем конце, у поворота на университетскую площадь, уже суетились люди. Выступ углового дома мешал обзору, не давая разглядеть, что там происходит. Издалека уже доносился характерный шум всеобщей свалки — свист стрелковых орудий, скрежет грубо сядящихся на мостовые вимм, звон сабель, шелест и характерный тупой шлеп шок-бичей, ругань и крики. пробежав улицу до конца и заметив разгромленную витрину хлебной

лавочки, я, озираясь по сторонам, кинулся дальше. Там, на пересечении улиц, только что села серо-черная, с эмблемой нагов, вимма, трехместная удлиненная, из новых, модифицированная для воздушных боев. Машинально я отметил, как грамотно прикрыты легким и прочным органомпластом все важные узлы... Двое вышедших были в форме нагов, третий — мухариб. Один из нагов бросился мне навстречу, остальные ушли вперед. Я схватился за сабли. Вот она, самая болезненная проблема — еще недавно мы с нагами плечом к плечу сражались против общего врага, а теперь по чьей-то прихоти вынуждены кидаться друг на друга. Мы с Шандром договорились, что будем по возможности щадить бывших коллег, если придется — а нам придется — столкнуться с ними вплотную, оставляя их в живых.

Да, гвардия ноа — это тебе не пылкий влюбленный лев Серджента... Впрочем, и мне не надо было щадить ничье самолюбие и репутацию в глазах девушки. Мне потребовалось некоторое время, чтобы изловчиться и, не открываясь, садануть его рукояткой кинжала в висок. Оттащив противника в ближайшую подворотню, я прислонил его к стене и бросился дальше, обходя вимму, и снова зацепившись взглядом за установленные на окнах фиксаторы для арлов и удобно приспособленные подставки для опоры локтей. Нет, пожалуй эту вимму я у них конфискую, лишь бы свои не сбили. Пролетая над улицами, я выцеливал глазами все женские фигуры, но к сожалению, так и не нашел той, что искал.

По мере приближения к дворцу эмира столкновений становилось все больше. Я видел Пауков, нагов, мухарибов, камардов Шеннон-Ара, личную гвардию — ассасинов Ширин, и просто защитников Саманданга, цеплявших на ремни голубые с золотом ленты. В этой хаотичном побоище всех со всеми важно было отличить своих от чужих. Сделав пару кругов над дворцом и получив несколько ударов из баллист в днище, к счастью, хорошо защищенное, я убедился, что большая часть дворца и часть садов эмира уже перешли в руки законных владельцев. Надеюсь, что меня не примут за нага, я сел перед центральными воротами, где накатывалась и откатывалась назад уже значительно поредевшая толпа атакующих с эмблемами Эльашра и Кельбелы, и бросился на помощь Львам, успешно оборонявшим воротную башню. Заметив среди них Самира, я стал пробиваться к нему. Парня, как назло, теснили двое ражих степняка с почти черными от загара лицами. Сбросив со ступенек обоих, я не без тщеславного удовольствия отметил изумление на его лице.

— Главу Пауков видел? — крикнул я, перекрывая лязг оружия и хриплые крики пополам с руганью. — Где он?

— Западные ворота, — ответил тот. — Там еще много предателей, забаррикадировались в воротной башне и на галерее, стрелков много, никак не выкурить их...

Я кивнул. Выкурят. Шандр знает все ходы и выходы из дворца, по плану он должен был бесшумно, тайными ходами, провести нашу совместную ударную группу прямо в один из внутренних садов, расположенных рядом с женской половиной дворца и со спальней верховного эмира. Скорее всего, ему это удалось, судя по тому, что большая часть дворца уже была в руках объединенных защитников Саманданга.

— Икрана не взяли?

— Убит. Бежать пытался.

— Твоя подружка... не знаешь, где она?

— Какая именно? — хрипло спросил он

— Юлия, — гаркнул я, с трудом удержавшись, чтобы не смахнуть с плеч его пустую голову.

Его лицо мгновенно приобрело испуганно-виноватое выражение.

— Я ее уже несколько дней не видел, — выдохнул он.

— Идиот, — сплюнул я, оставляя его за спиной и устремляясь к воротам. Подобрал с тела погибшего Льва голубую с золотом ленту, я прицепил ее к пуговице на кармане куртки и направился искать Шандра.

Мы встретились у Западных ворот, но бой был уже практически закончен. На подходе я срезал несколько прорвавшихся откуда-то мухарибов, когда он заметил меня и поспешил навстречу.

— Надо зачищать периметр, — сказал он, зорко следя за тем, как камарды выкидывают с галереи оставшихся сторонников Икрана. — И выставить охрану. Много еще чужаков в городе?

— Порядочно, — кивнул я. — Наги только недавно добрались, сейчас идет вторая волна.

— Много их?

— Не очень, но и наших тоже мало.

— Наши почти все здесь, — сказал он, оглядываясь на донесшийся откуда-то сзади истошный вопль. — Я видел одного из своих братьев, среднего. Слава богам, отец жив, он ушел с двумя младшими сыновьями Гайяра, остальных и верховного везира, к сожалению, убили при мятеже.

Отец Шандра был вторым везиром при дворе Гайяров.

— Старшего я тоже видел, — мрачно сообщил он. — Рядом с трупом Икрана. Хорошо, не я его... Подонок.

— Каид Львов жив?

— Да, — кивнул Глава Пауков.

— Кто наследник?

— 16-летний Казир. По моей информации, неплохой парнишка, но чрезмерно горяч по юности. В ночь мятежа его едва убедили уйти, все порывался мстить за отца.

— Я б тоже порывался, — вздохнул я. — Его надо сюда, чтобы видели — у династии есть наследник, и ситуация у него под контролем.

— Уже послали. Отец, если что, удержит его в узде, — хмыкнул Шандр. — Он это умеет, — тут он невесело улыбнулся и поежился, видимо, вспоминая тяжелую отцовскую руку.

— Зигор Сеннарский еще не подошел?

— Войска сеннарского эмира вышли только утром, — к нам подошел высокий крепкий немолодой мужчина в форме Львов. — Жаль их не предупредили, что шеадры будут перекрыты.

— Вы уверены, что среди сеннарской военной аристократии все еще нет поклонников Нигейра? — ядовито осведомился я. Он хотел было возразить, но Шандр поторопился официально представить нас друг другу, и каид Львов склонился в почтительном поклоне. — Эффект неожиданности был важнее. Конница, скорее всего, где-то на подходе, все ворота Саманданга открыты и свободны. Реальная опасность исходит только от нагов, вот их и выдавливайте, остальных — зачистить, — отрезал я. — Кто из наших останется?

— Силы Шеннон-Ара, — пояснил Шандр. — Большую часть Пауков я хочу вернуть, как только подойдут войска с Сеннара.

— Вы забыли про Нигейра, — мрачно возразил каид. — Я уже видел, к сожалению, его

явление, когда мы попытались поддержать Каррану... Не хотел бы, чтобы он устроил тут то же самое.

— Не забыли, — отрезал я, глядя на садящихся перед воротами троих Пауков-Крылатых. Один из них был явно ранен. — Вам Змей все равно не по зубам. Пока его нет, делаем все, что можно и нужно. Придет — будем разбираться... Шандр, — я встретил и с трудом выдержал очень тяжелый, пристальный взгляд моего друга. — У меня есть одно незаконченное дело... Я отлучусь в город, потом вернусь, если что. Где тебя искать?

— Да здесь же, во дворце. Дождусь отца с мальчишкой, будем решать, что дальше, — ответил он и когда я уже собрался уходить, удержал меня за рукав. — Что ты задумал... насчет Нигейра? — спросил он вполголоса.

— Ничего, — ровно ответил я. — Пока он не появился — ничего.

— Может быть... не стоит?

— А ты думаешь, есть другой путь? — мрачно осведомился я, вырываясь из его хватки и торопясь отойти подальше, чтобы не быть вынужденным отвечать на те вопросы, на которые у меня самого не было ответов.

Глава 21. Поединок в небе

Юлька осторожно выглянула на улицу, и, убедившись, что в зоне видимости никого нет, перебежала на противоположную сторону. Завернув за угол, она поняла, что зря пришла сюда — лавочка-пекарня была разгромлена. Жаль... у нее совсем не осталось еды, хотя можно было бы попросить тарелку у лекарей-джмаровцев, обосновавшихся в dormitorio, они бы никогда не отказали. Но это не выход — неизвестно, сколько продлится мятеж, когда утихнут бои на улицах, а есть хочется постоянно. Лучше уж рискнуть и чем-нибудь разжиться, все равно чем, лишь бы съедобно. Бои обошли университет стороной, потому что школа Джмар еще в самом начале выставила по крышам воинов с арлами, заряженными стрелами, испускавшими холодное белое и зловещее красное сияние — стрелами стазиса и некроса. Несколько таких залпов — и попытки ворваться в университет заглохли на корню. Вечером ее охватило паническое желание бежать из Саманданга, укрыться от бесконечной войны, идущей за нею по пятам, но куда ей бежать? Ближайший шеадр находился в воротной башне Бахри, и только один из его шеадари вел в другие земли, остальные связывали столицу с городами Шамалья.

Она осмелилась пройти дальше — через несколько улиц находилась другая пекарня, которая, к счастью, оказалась открытой. Она быстро перекусила горячими лепешками и, взяв в запас упаковку колбасок и большой каравай хлеба, собралась возвращаться обратно, когда в небе над головой с хорошо знакомым звуком пошли на снижение золотисто-черные виммы. Нигейр пришел на помощь самозванному эмиру, заявившему во всеуслышание, что столица теперь принадлежит ему.

До университета теперь было далеко, оставаться на улицах, где опять закипал бой, она категорически не хотела — Каррана до сих пор снилась ей в кошмарах. Пришла мысль спрятаться в каком-нибудь храме Вечных, в любом, хоть у Нигейра, лишь бы там было относительно безопасно. Или, может быть, добраться как-нибудь до того дворика, где Самир показывал ей храм Единого? Дворик, к сожалению, находился на другом конце города, и она плохо помнила дорогу. Она сообразила, что не так далеко отсюда стоит роскошный и вычурный храм, посвященный Альсару-Фениксу, и решила пробираться туда.

Звуки боя преследовали ее и все время подгоняли, словно наступая на пятки. Юлька внезапно осознала, что двигается к центру, захваченному мятежниками. Вот уж куда точно не стоило соваться! Нервно озираясь по сторонам и старательно обходя места, где мелькали хоть какие-то фигуры, она поражалась, как много появилось в городе камардов и женщин-бойцов, красивых и опасных, со щитами от эгри на груди и с браслетами-концентраторами наэра на запястьях. Как же лихо они орудовали теми же саблями и шок-бичами... Приглядевшись, она различила на пряжке оружейного пояса эмблему летучей мыши и поняла, что в игру вступила Ширин, державшая нейтралитет с самого начала шамальской войны.

Сунувшись в один из переулков, она в панике отпрянула назад, споткнувшись о скорчившийся около крыльца труп. Сверху из-за спины в узкое пространство между стенами на крыльях пикировали Пауки с бичами в одной руке и длинными кинжалами — в другой. Значит, и Шандр где-то здесь... Переждав их посадку, и проследив глазами, куда они направились, она восхитилась, как точно и безжалостно, не хуже нагов, выцеливают они сторонников мятежной власти. Когда отряд отдалился, она пробежала переулок,

отдышалась, огляделась, и проскочила еще пару кварталов. Круглое изящное здание, облицованное сияющей золотом плиткой с фигурками феникса вдоль стен уже виднелось в квартале от нее; убедившись, что улицы пусты, Юлька уже было собралась рвануть туда изо всех сил, но по какому-то наитию задрала голову вверх. Там, еще очень далеко, еще плохо различимый с земли, реял и снижался над городом золотистый змей.

Тело ее сковал холод. Все ближе и ближе... Надо было срочно искать укрытие от волны страха, которую он сейчас погонит на город, но Юлька все еще не могла шевельнуться, очарованная красотой золотого, такого гибкого и такого изящного тела. Неожиданно ей вспомнился крохотный сияющий фантомчик, словно птенец дракона, родившийся у нее в ладонях. Вот если бы у нее тогда получилось, может быть, она смогла бы усмирить его, остудить, удержать от безумств и жестокости, а может быть, даже заставила бы принять человеческий облик. Но нет... Ей не дано его остановить. Все, что ей под силу — смотреть с нарастающим ужасом, как растет на ярко-лазурном небе грозная и прекрасная фигура демона войны.

Змей неуклонно приближался. Когда он был уже совсем низко над домами, кто-то чуть не сбил ее с ног и сильно придавил к стене, полностью закрывая от пронесшегося над улицей золотистого тела. Тошнотворная волна страха ударила в тот же момент и Юлька, захлебнувшись криком, вцепилась в плечи прикрывавшего ее воина, но мокрые от нахлынувшего ужаса ладони соскользнули и бессильно упали вдоль тела. Тот крепко прижал ее к себе, а сам, шепча что-то успокоительное, повернул голову Змею вслед, совершенно не поддавшись панической волне. Когда ей полегчало, она поспешно отстранилась от него и неожиданно узнала Хэйгена.

— Что ж тебе дома-то не сидится, — с упреком сказал он, когда она с облегченным всхлипом ткнулась носом ему в грудь и чуть не поцарапалась о металлические клепки оружейной перевязи.

— Так получилось, — ответила она, сглотнув слезы облегчения. — А ты почему здесь?

— Реваль попросил, — сказал он коротко. — Давай-ка к нему сейчас и пойдем, пока Змей еще не разошелся, там точно безопасно. Далековато только.

— Я хотела в храме пересидеть, — пояснила она.

— А что, хорошая идея. Если не дойдем — так и сделаем.

И он потащил ее вверх по улице, неотрывно глядя на небо.

— А почему он то золотой, то черный? — задала Юлька вопрос, мучивший ее еще с Карраны.

— Нигейр чернеет в бою, — пояснил Рес. — А в мирное время он золотой.

Она еле успевала за ним, цепляясь за руку, спотыкаясь и едва не падая. Оказавшись недалеко от эмирского дворца, они увидели Аспида, поднимающегося в небо и снова бросающегося всем телом на город. Рес опять вдавил ее в стену, закрывая собой.

— Не думай о нем, думай о чем-нибудь хорошо знакомом и приятном. Закройся от него, — приказал он, прижимая ее к своей груди. Сам он снова задрал голову вверх, пристально следя за движениями Змея. Тот пронесся чуть в стороне и свернул обратно, почти поравнявшись с ними. Она послушно стала перебирать воспоминания, но они как-то не помогали, а вот волна страха разбилась о спину Рессера, не докатившись до нее. Он проводил Змея глазами, и, велев ей оставаться на месте, пошел вдоль улицы, выискивая, где тот находится. Змей кружил над дворцом, то снижаясь, то взмывая вверх. Тело его перестало светиться золотом, и прямо у них на глазах потускнело и налилось пятнами черноты.

— Пойдем-ка, — сказал он и снова потащил Юльку куда-то. Оказалось, рядом, фасадом к дворцу, располагался огромный храм Вагабра, увенчанный высоченным золотым шпилем. Добежав до него, Рес втащил Юльку вовнутрь — и отпрянул, обнаружив там целую толпу народа, ищущего защиты под крышей храма самого главного Вечного.

— Никуда не уходи, — велел он ей. — Если все закончится печально, иди в двухэтажный особняк из розового камня за университетским кампусом. Это очаг Ширин, там единственный работающий шеадр, остальные я перекрыл. Он ведет прямо в Нуэйн. Проси о помощи, ссылайся на меня и на Шандра, — он посмотрел на нее каким-то диким на грани безумия взглядом, в котором не было ни обычного спокойствия, ни привычной иронии, повернулся и быстрым шагом направился к выходу.

— Что закончится? — крикнула она испуганно ему вслед, но он не обернулся. Стремительно выскочив из храма, он направился к дворцу и, отойдя чуть в сторону, замер. Юлька наблюдала за ним сквозь щель в приоткрытой двери. Он вытащил сабли из ножен, раскинул руки в стороны и стал медленно трансформироваться, превращаясь в ворона. Когда смена облика завершилась, он поднялся в воздух и стал расти, одновременно набирая высоту и двигаясь в направлении пикирующего на защитников дворца Нигейра.

Юлька выскочила на площадь. Все, кто там был, замерли, глядя туда же, куда и она — в небо над дворцом, где в ярких солнечных лучах теперь кружили друг против друга два мистических существа. Ее затрясло от страха, от понимания, что сейчас последует — они вынуждены будут столкнуться, схватиться не на жизнь, а на смерть.

Змей заметил противника, и, не завершив свою атаку на защитников дворца, развернулся, сделал круг, поднялся выше, несколько раз обходя его со стороны, словно разглядывая и оценивая возникшее препятствие. Ворон парил, ничего не предпринимая. Поднявшись еще выше, Змей неожиданно ринулся вниз, но Ворон, выйдя из неподвижности, ловко перекрыл ему путь, заставив изменить траекторию и выскочить за главную надвратную башню, далеко за пределы не только дворца, но и площади за ним. Там, мгновенно набрав высоту, Аспид снова с быстротою молнии попытался атаковать дворец. С тем же успехом — Ворон срезал его на снижении, выбрасывая наверх и вынуждая неловко обрезать полет, чтобы не столкнуться с ним в небе. Опять отойдя назад, за пределы площади, и наращивая скорость, Змей стремительно и яростно бросился на черную птицу, опасно целя крылом с алмазным когтем в грудь тяжелому и менее подвижному Ворону, но тот плавно поднялся вверх на безопасное расстояние и чуть сбросил размер. По-прежнему торопливо и яростно, явно выигрывая в скорости и подвижности, Нигейр описывал вокруг него кольца, запутывая, сбивая с толку молниеносными маневрами. Алмазный меч, служивший продолжением крыла, то и дело опасно вспыхивал в солнечных лучах, но Ворон ловко выскочил из петли, упав на крыло и пронырнув между кольцами. Юлька неожиданно поняла, что в длину Нигейр-Аспид будет побольше Хэйгена-Ворона, и при должном умении и опыте это очень опасный противник. Она оторвала от них взгляд и обнаружила, что площадь перед дворцом полна народу и над нею висит душная, напряженная и неестественная тишина.

Поднырнув под черными крыльями, Змей развернулся и поплыл в сторону, уводя противника в другую часть города, словно проверяя, будет ли тот его преследовать, если он оставит дворец в покое. Ворон поднялся выше и пошел за ним, нагоняя его в полете. Они смещались в сторону старых садов, туда, где Юлька когда-то познакомилась с Самиром. Не чуя под собой ног, она как заведенная пошла за ними, боясь потерять из виду и трясаясь от

полуобморочного страха. Кто-то из них должен взять вверх, иначе никак, это тебе не поединок до неоспоримого преимущества одной из сторон, это война, бой на поражение... До смерти.

Изо всех сил пытаюсь успеть за ними по узким переулкам, она наблюдала, как Ворон гонит Змея, наскоками заставляя его снижаться, прижимая к земле и вынуждая зайти на закрытую территорию сада. Люди, узрев в небе двух огромных тварей, преследующих друг друга, с паническими воплями бросились вон из садов, выскакивая из ворот с перекошенными от ужаса лицами.

Кувырнувшись в воздухе золотой молнией, Змей поднырнул под собственный хвост и опять яростно и порывисто бросился в атаку. Мгновенно оказавшись у Ворона в подбрюшье, он словно бичом ударил его всем телом под крыло. Хэйген опрокинулся назад, почти став на хвост, но быстро выровнял полет. Змей описал петлю, и, зайдя со спины, ударил лапами в шею, пытаясь придавить к земле, но Ворон, скользнув вниз, легко и плавно поднялся и, перехватывая уходящего в разворот на дворец Змея, кинулся ему навстречу и сбил на подъеме грудью. Змей, потеряв равновесие от удара, завалился вниз, задевая лапами крыши галерей и гася падение крыльями. Юльке даже показалось, что он не может затормозиться, но к счастью, он только скрежетнул когтями по черепице и в итоге остановил-таки падение.

Ворон, описав круг, снова всем телом бросился на Змея, но тот, заложив вираж над верхушками кипарисов в саду, скользнул под ним и, сложив правое крыло, чиркнул Асгаротом вдоль воронова крыла. Юлька увидела, как вниз посыпались мелкие черные перья... Ворон резко рванулся ввысь, Змей пошел за ним, пытаясь нагнать, но тот неожиданно развернулся, столкнувшись с Аспидом почти вплотную, и тут червонно-золотое тело словно сбilo в полете, сбрасывая на крыши. До Юльки долетел порыв ледяного ветра, отчего у нее все тело закололо, как будто ледяные иголки прокатились по нервам. Фэйром ударил, поняла она и опять испугалась до тошноты. Змей в воздухе удержался, но тело его полностью потеряло остатки золота, став аспидно-черным, и он снова с яростью кинулся на Хэйгена. словно черная молния ударила, ударила и не долетела до цели — его опять отбросило вниз, такой же ледяной воздушной волной. Ворон спикировал сверху, окончательно принуждая сесть, и они оба исчезли за стенами сада.

Она опрометью кинулась к воротам и остановилась, заслышав характерный звон оружия, лязг стали о сталь. С усилием сделав несколько шагов вперед, она замерла, прислушиваясь, но звуки отдалялись и глохли, уходя вглубь сада. Постояв, она так и не решилась пересечь его границу.

****

Я почти что прижал его к земле на высоте человеческого роста и наотмашь ударил чистым фэйром, из всей силы, не щадя. Мне надо было выбить человеческое сознание из змеиного, я надеялся, что на чистой силе я смогу это сделать — сознание Змея, столкнувшись с препятствием, обратится за помощью к более опытному и гибкому человеческому разуму. Так и вышло. Саша удачно приземлился на мраморные плиты сада, мгновенно развернулся ко мне лицом, ожидая, пока я верну себе человеческий облик. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, на его лице вспыхнуло сначала изумление — он вспомнил ту встречу в Белом овраге и узнал меня, а потом — горячая, пламенная, плохо контролируемая злость.

— Здравствуй, Нигейр Алекс, — начал я нейтрально-вежливым голосом. — Рад встретиться тебя лицом к лицу. Думаю, нам надо обговорить некоторые важные моменты,

касающиеся Саманданга и будущего Ар Шамалья.

Его лицо перекосило яростью, и в следующее мгновение он бросился на меня, и я едва увернулся от Асгарота. Одну саблю пришлось отшвырнуть, заменив ее кинжалом, чтобы сохранить маневренность.

Да, он несомненно был мастером, уже сейчас, за короткое время превратившись из обычного неспортивного жителя Старой Земли в идеального бойца. Он теснил меня, без устали нанося и отражая мои отчаянные удары, блокируя все мои попытки прорваться ближе. Я защищался, уклонялся, парируя выпады, как безумный наступал и снова отступал под его напором, но он постоянно, шаг за шагом, умело и безжалостно теснил меня. В глазах его пылало откровенное бешенство. Мне казалось, что это не человек — древний Нигейр, завладев его сознанием даже в человеческом теле, мстит нам всем за то, что мы изгнали его из своего круга.

Уже несколько раз я чувствовал, как опасно проносился рядом с моим горлом Асгарот, пылающий мертвенно-белым светом меч, растущий из его ладони, и я уже неоднократно принимал Легарот, меч-коготь, вторую часть перчатки, на крестовину кинжала, успешно — пока еще успешно — отбрасывая его назад. Мне не остановить эту пляску взбесившегося смерча, в честном открытом бою — великое мастерство против выученности — не остановить... Он гнал меня по дорожкам сада до кипарисового дворика, заставляя уходить в глухую оборону и не давая ни малейшей возможности атаковать. Даже несмотря на человеческий облик, Змей все еще держал в когтях Сашин разум. Я несколько раз пытался обращаться к нему по имени, но на его лице не дрогнул ни один мускул, он не слышал меня, продолжая, подобно биороботу-модификанту, ведомому хозяином, яростно, без передышки, наступать.

В конце концов моя нога поехала на какой-то слетевшей с кипариса ветке и, пытаясь удержать равновесие, я чуть-чуть раскрылся. Алмазное лезвие мгновенно прошило мое левое бедро насквозь. Падая на бок, я услышал странный треск раздираемой ткани и через мгновение понял, что это рвется от когтя-Легарота куртка на моей спине. А потом нахлынула боль, от которой у меня потемнело в глазах. В каком-то помрачении я умудрился увернуться от очередного удара Асгарота, и почти не думая, что делаю, ударил его очередным зарядом фэйра. Сашу отшвырнуло назад, но, ухватившись за скамейку, он сумел устоять и снова бросился на меня. Нет, извини, парень, у нас тут не поединок чести, у нас — бой на выживание. Я снова ударил его чистым фэйром, усилив воздушную волну так, чтобы его отбросило как можно дальше. Он упал и поднялся. Я ударил снова. И еще. Еще...

Наступая, я отбрасывал его все ближе к стене галереи. Загнав его под арку, с последним ударом я бросился на него сам, всем телом, не дав ему подняться, придавил к плитам и сел на спину. Безжалостно ударив коленом по локтю с малой перчаткой и обездвизив ее, я резко вывернул правую и, едва не сломав ему запястье, из всех сил дернул с руки чешуйчатую перчатку с Асгаротом. Саша закричал — часть перчатки содралась вместе с кожей. Пришлось пресечь очередную яростную попытку вырваться оглушающе ледяным ударом фэйра, отчего он захрипел и ткнулся носом в каменные плиты, обмяк, а потом снова дернулся вверх в попытке сбросить меня, но уже слабее. Перчатку-Легарот я снимал медленнее и осторожнее — мне не хотелось калечить его сильнее, чем необходимо. В моих руках они съезжились, превратившись в тускло блестящие чешуйчатые тряпочки. Сунув их в карман, я приставил кинжал к его шее и ощутимо надавил.

— Слушай меня внимательно, — начал я, сам неожиданно покрываясь холодным потом

и дрожа от пережитого крайнего напряжения сил. — Собирай своих нагов и убирайся из Саманданга. У тебя есть способ подать им сигнал с неба?

— Есть, — прошипел он сквозь зубы.

— Сейчас я тебя отпущу, — продолжил я, не торопясь ослаблять хватку. — Ты обернешься, взлетишь и скамандуешь им уходить. Чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше, тем меньше нагов положат из-за твоей глупости. Они сильны, но нас больше. Много больше. Не вздумай ерепениться — Сеннарская конница уже входит в ворота Джуджит. Понял меня?

— Да, — выдавил он.

— Завтра утром ты свяжешься с Ширин и попросишь ее с Ревалем об условиях достойной капитуляции. Потом встретишься с ними и вы совместно — еще раз повторяю — совместно — решите, как будете делить Ар Шамаль. Но я бы предложил не слишком настаивать на своем. Не знаю уж, кого ты слушал, когда тебя натравливали на Шамаль, не объяснив, что в этом мире есть и другие силы, способные объединиться и поставить на место одного взбесившегося змееныша. Ты понял меня?

Он прошипел что-то неразборчивое.

— Так понял?

— Да, — ответил он четко, и в голосе у него вдруг прорезалась очень знакомая усталость, словно что-то, державшее его в горячем напряжении, внезапно откатилось назад, уступая место обычным человеческим чувствам.

— Когда они подтвердят, что вы договорились, я верну тебе перчатки.

Подождав еще несколько мгновений, я убрал кинжал, медленно ослабил хватку и слез с него, на всякий случай выставив саблю вперед, опасаясь, что он снова в ярости бросится на меня. Но из его глаз уже ушло боевое безумие, наведенное сущностью вечной твари. Тварь спряталась, оставив человека разбираться с тем, что она натворила. Осознание проигрыша накатывало на Сашу-Нигейра волнами, и я наблюдал, как меняется выражение его лица. Что ж, не стоит унижать его дальше. Я попытался вспомнить, где отбросил вторую саблю, но сквозь истощение и боль, терзающие мой разум и тело, не смог сосредоточиться даже на том, где я нахожусь. Кажется, старые сады... Как бы теперь доковылять до дворца и найти Шандра... Лучше, конечно, обернуться, но в ближайшее время мне такой подвиг не светит, если, конечно, не нажраться обезболивающего в лошадиных количествах. Стараясь держаться прямо и не хромать, я двинулся к большим воротам, замеченным в противоположном конце сада, и неожиданно оказался на широкой улице, ведущей к эмирскому дворцу.

И почти сразу же наткнулся на Юльку, стоящую перед входом с перекошенным от ужаса лицом. Осторожно попятившись назад, я прислонился спиной к стене, стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть. Нечего ее пугать, она и так, бедняга, напугана.

— Ты его убил? — спросила она дрожащим шепотом.

— Нет, — ответил я медленно, увидев, как со стороны дворца в нашу сторону идет и снижается вимма, судя по цветам — наша. — Только игрушки отобрал.

Взгляд ее неожиданно скользнул вверх, и через несколько мгновений я тоже увидел, как над городом поднялся светло-золотистый змей. Правое крыло у него ничем не отличалось от левого. Раскинув крылья, он трижды свел их над головой, почти коснувшись перепонками, потом поднялся чуть выше крыш, и медленно и плавно, под небольшим углом стал набирать высоту, уходя в сторону Сеннского хребта.

Провожая его взглядом, Юлька, словно замороженная, двинулась за ним следом,

споткнулась о ступеньку соседнего крыльца, очнулась и присела на краешек. У нее явно больше не было сил, чтобы двигаться дальше.

Из виммы выскочил Шандр, бросил напряженный взгляд сначала на нее, потом — на меня.

— Иногда я тебя боюсь, — бросил он, подходя и пристально всматриваясь в мое лицо. — А иногда мне кажется, что ты просто... самоубийца. Идти можешь?

— Не знаю, — прошептал я. — Увези ее, пожалуйста, к Ревалю. Нигейр сейчас отведет войска из Саманданга. Кажется, мы договорились. Дайте нагам отступить. А местную швалю — добивайте, если вздумают сопротивляться.

— Давай я сначала отвезу тебя, — сказал он обеспокоенно, но я лишь покачал головой.

— Ее. И побыстрее. С собой я как-нибудь сам... разберусь.

Глава 22. Итоги

— И что теперь?

Эрлен была удивительно серьезна и сосредоточена. До его прихода она что-то внимательно читала, какие-то бумаги с серым отпечатком рысьей морды внизу страницы, эмблемой ее домена. Могла бы по звону позвонить, чтобы узнать новости, подумал Кольер не без раздражения, но Вечные предпочитали по возможности встречаться лично, испытывая странное пренебрежение к звонкам.

— Я считаю, мальчик очень много выиграл, — ответил он, выбирая из предложенных напитков простую воду. — Я ожидал полного провала, особенно, когда неожиданно закрылись шеадры. Сам запаниковал, должен признаться... Но Ворон его пощадил.

— Ант не пощадил бы, — хмыкнула она, вставая и отходя к окну. В Рамьене шел дождь. Холодный осенний дождь... Парк, окружавший замок, был невыразимо прекрасен, одевшись в пламенно желтые одежды — мокрый, печальный, увядающий... Уже почти стемнело, фонари вдоль аллей подсвечивали огненно-оранжевые листья на деревьях и дорожках, покрытые слоем воды, бликующие глянецом под их тусклым и теплым светом. Из приоткрытого окна тянуло холодной осенней сыростью, от растопленного камина — сухим смолистым жаром. Ему вдруг повеяло чем-то давным-давно забытым, чем-то из прошлого, которого, казалось бы, и не было в его жизни, так давно все случилось... он уже почти не помнил начало. Большая старая комната, осень за окном, сырой холодный воздух, жар камина и женщина... Кто из них — Вечный? Они — все эти существа, мнящие себя всесильными и бессмертными, или он, помнящий еще прошлого Нигейра, и Наджара-Филина, и Элианну... Ту женщину он помнил, несмотря на сотни других, случившихся после нее и не оставивших следа. Они ушли, из жизни и из памяти. Она — осталась.

— Фактически, он получил больше, чем мы сами планировали ему отдать, — усмехнулся он. — Кельбела полностью останется под его контролем. Эльаир он разделит с Ширин, а Рувабе — с Лануэль, при сохранении влияния Ревалья и Ширин в этих эмиратах в виде очагов. Он показал, на что способен сам, при минимальной поддержке союзников. Даже этот бой... — он вздохнул, вспоминая, как метался, запертый в Наган-Кархе, не имея возможности прийти на помощь своему мальчику, не зная даже, что там происходит. — Жаль, я не видел...

— Реваль видел, — сказала Эрлен. — Впечатлился настолько, что вернул себе человеческий облик. Правда, он не делился подробностями.

— Мальчик считает, что проиграл бой с Вороном, — вздохнул старый наг. — Вчистую проиграл, даже невзирая на то, что он его дважды ранил, и что Рессер, говорят, свалился в обморок, когда его довели до лечебницы. Перчатки-то потеряны...

— Разве Хэйген их не вернул?

— Вернул, сегодня утром, через Шандра.

— Что, лично не снизошел? — с презрением бросила она.

— Ну и что? — пожал плечами Кольер. — Я бы на его месте и вовсе не торопился возвращать.

— Ага, высокомерно бросил через слугу, — поморщилась она. — Как подачку.

— Ты очень сильно передергиваешь, — вздохнул старый наг. — Придумываешь, как все женщины. Иногда мне кажется, что ты к Хэйгену... неравнодушна.

— Кто, я? — взвилась Эрлен. — Неравнодушна. Ненавижу. Убила бы.

Кольер рассмеялся.

— На самом деле, я рад, что мальчик попробовал свои силы против такого непростого противника, как Ворон. Может, он и не воин, но умен и расчетлив, что делает его опасным.

— Он не боец, — отрезала Эрлен. — Но имеет наглость лезть туда, где ему не место. Неудивительно, что от этого страдает его шкура. Жаль, Алекс не отхватил Асгаротом ему голову.

— Он боец, — возразил Кольер сурово. — Именно потому, что война вообще, и нападение в частности — не свойственная ему функция, его дело — защищать, а не убивать. Тем не менее, Саманданг он взял очень умело, всего за несколько часов, а сегодня весьма действенно, фактически бескровно утихомирил едва не вспыхнувшую снова Кельбелу. А вот мы — просчитались. Что ж, из этого тоже придется извлечь урок.

— Только не говори мне эту избитую истину, про "недооценивать противника", — фыркнула она, возвращаясь на покрытый пушистыми шкурами диван, вытягиваясь на нем во весь рост и пристально глядя на собеседника с едва обозначившейся полуулыбкой.

— У меня нет ощущения, что Ворон — противник, — подумав, ответил Кольер. — А вот союзника, и хорошего, мы полностью потеряли.

— Ты про Реваля?

— Да. Хорошо еще, что он не мстителен по природе. Скорее осторожен.

— Он почуял движение сил и выполз кое-как на крышу, представляешь? Перепугался так, что обернулся человеком, — хмыкнула она. — Кстати, может, хоть у тебя есть соображения, кто стоит за этими дьявольскими стрелами? Мне, например, очень бы не хотелось бегать по местным лесам в шкуре, пугая всех подряд и теряя авторитет.

— Вот и не бегай в шкуре, пока не выяснится, — фыркнул он. — Прояви выдержку.

— Иди к черту, — огрызнулась она беззлобно. — Так есть?

— Есть, — кивнул он. — Догадка, и нехорошая, — сказал он. — Даже две. Разных, но они легко сводятся в одну. Но я сначала должен все проверить.

— Ты думаешь, кто-то до нас открыл Либрум и нашел там ключ к управлению сознанием разумных?

— Это лишь одна из версий. Думаешь, пытались только мы?

— А кто еще?

— Люди. Сами люди. Много-много раз. Иногда — успешно.

Она покачала головой.

— Мы бы знали об этом.

— Представь себе, что это их цель — найти управу на Вечных. Ты бы все сделала, чтобы сохранить и цель, и результаты поисков в тайне.

Она не ответила, закрыв глаза. Кольер смотрел на красивую, расслабленную, соблазнительно раскинувшуюся женщину... Принять, что ли, ее приглашение? Он чертовски устал и перенервничал, и был бы не прочь отвлечься. Но... что она может ему дать? Немного удовольствия и много проблем. И он уже давно не способен ни на страсть, ни на нежность.

Он поднялся, оглянувшись на темнеющий за окном сад. Дождь все еще лил.

— Пойду я домой, — сказал он со вздохом, когда Эрлен открыла глаза. — Мой ученик подавлен и в унынии. Надо срочно занять его делом.

Глава 23. Визит к друзьям и недругам

Утром Юлька ушла из дворца Реваля. Да, такой роскоши она еще не видела... Шандр отвез ее на северную окраину города, где за огромным парком располагался внешне скромный, а за стенами — роскошный дворец, и перепоручил ее встретившей их на входе нигийке. Самого Реваля она так и не увидела, даже издалека, хотя в символике дворца присутствовала не только изящная золотая саламандра, но и странное существо, сильно смахивающее на гипертрофированного скорпиона. Статуи в парках и храмах тоже изображали необычное животное с безобидно плоской, невыразительной мордой, лапами варана и задней частью, в точности копирующей скорпиона, а в некоторых позах ей виделось даже нечто крокодиле. Небольшая и в чем-то изящная, эта удивительная помесь совсем не казалось безобидной.

С поистине самандангским добросердечием Юльку проводили на женскую половину дома и предложили просторные хоромы с личным хаммамом и бассейном. Комнаты показались потрясенной роскошью Юльке красивее, чем дворец эмира, но главное — здесь было спокойно и тихо. Вкусив восточной неги и роскоши, тишины и покоя, остаток дня она провела в розовом саду, глядя то на небо, время от времени перечеркиваемое уходящими на север, к Сеннскому хребту, виммами, то на двух забавных малышней-близнецов, окруженных няньками. Обитатели женской половины вежливо расспрашивали ее, что происходит там, за высокими и безопасными стенами дворца, а когда узнали, что она видела бой Ворона со Змеем, почти замучили, заставляя раз за разом пересказать все до мельчайших подробностей. Все они были на стороне Хэйгена и осуждали Нигейра. Юлька тоже его осуждала, но... ее чувства были сложнее. Она все еще помнила его другим. Ему не оставили выбора, думала она. Та же Эрлен, тот же Кольер. Особенно Кольер.

Ночью она спала как убитая, видя странные обрывки снов, в которых мешались виммы, мертвые и раненые, наги, змеи, вараны, скорпионы, вороны и прочая нечисть. Утром, несмотря на уговоры остаться, она поблагодарила женщин за теплый прием и вернулась к себе. На улицах снова кипела жизнь — народ торопился стереть с лица города следы войны. В университете было полно людей, дворик дормитория, использованный под временный госпиталь, уже наполовину опустел. Юлька увидела Наиля и с радостью кинулась ему на шею. Выяснилось, что он вернулся еще вчера, уступив место другим раненым, и искренне сожалел, что не довелось ему принять участие в защите Саманданга.

После дворца Реваля ее собственная комнатка показалась ей совсем крохотной. Да, неплохо бы иметь под рукой свой личный сад, бассейн и хаммам. Зато тут она никому ничего не должна... Почти. Вздохнув, она пожалела, что гордо отказалась от вкусностей, которыми ее пытались снабдить женщины дома Реваля, сейчас бы они ох какгодились, чтобы не искать, где опять купить еды. Хорошо еще, что с деньгами теперь у нее нет проблем. На новый идентификатор, выданный мэрией Альбре на ее чуть измененное по здешним традициям имя, откуда-то регулярно — уже три раза — приходила небольшая, но вполне достаточная для комфортного существования сумма денег. Похоже на стипендию, но стипендия ей не положена. Чтобы разобраться с источником, надо было идти в местное отделение Золотой гильдии в Альбре, аналог земного банка. Когда она попыталась сделать это здесь, в Саманданге, по сути — в финансовом центре Ар Соль, здешние специалисты только руками развели, утверждая, что источник перевода наглухо закрыт для отслеживания,

и посоветовали попробовать уточнить в месте выдачи идентификатора.

Собираясь идти искать открытую лавку с продуктами, она бросила взгляд на рисунок Змея, все еще лежащий на столе рядом с концентратором. Желание попытаться опять воскресло в ее душе с новой силой. Но... Юлька поняла, что для этого ей надо снова, хоть раз, увидеть его во плоти, в человеческом облике, и заглянуть ему в глаза. Остался ли там еще ТОТ Саша, в которого она так сильно когда-то влюбилась? Придется навестить Наган-Карх, со страхом подумала она. Он же звал ее когда-то... Вот она и воспользуется приглашением, хотя бы раз. И нечего бояться, прикрикнула она на саму себя. Кого ты боишься? Кольера? Да пошел он к черту, тварь несчастная! Вон, у нее есть ожерелье, мааршит и концентратор, путь только попробует сунуться!

К вечеру у нее созрело твердое решение сделать это не позднее, чем завтра, где-нибудь во второй половине дня. Из вечерних газет она узнала, что Нигейр Аспид покинул Ар Шамаль, засвидетельствовав вместе с Вечными Ширин и Ревалем мирный договор, подписанный эмирами Шамалья сегодня утром, и вернулся в Наган-Карх. Война пяти эмиратов была окончена. Похороны старого Гайяра состоятся завтра, и в тот же день юный принц Казир получит перстень отца, приняв бразды правления. Газеты взхлеб перечисляли итоги войны: Каррана возвращается Сердженту, эмир Эльашра будет обязан внести контрибуцию за разрушение города. В то же время за ним остаются все территории, отвоеванные в столкновениях с Рувабе и Кельбелой, города и земли на юге Рувабе и юго-западе Кельбелы. Была в статьях, посвященных мирному договору, непонятная фраза об изменениях в уплате вараха, который восстанавливался по какой-то очень дремучей, 800 летней давности дате, за исключением контроля над Карраной, которая по-прежнему оставалась под совместным покровительством Вечных Ревалья и Ширин. По отсылке к временам Нигейра Юлька поняла, что Саша что-то все-таки выиграл в этой войне, но что именно, надо было уточнять у знатоков истории.

По дороге к Ревалю Шандр очень быстро и кратко объяснил ей, что именно значила для Вечных эта война в Шамале и почему Хэйгена вынудили вмешаться. Ей очень хотелось поговорить с ним так, как они когда-то разговаривали в Белом овраге: вечерами, никуда не спеша, дуя на горячий чай, медленно, подробно, вдумчиво... Ей хотелось, чтобы он ее выслушал, и возможно, дал совет, или объяснил то, что она, может быть, упускает или не понимает. И спросить. И поблагодарить за то, что не забыл о ней в пылу боя. Но где его найти? Она знала, что чаще всего он бывает в Северной башне рядом с Альбре, но там ли он сейчас? Спросить у Шандра? У нее есть код его гвора, он заверил ее, что она может обратиться к нему в любой момент. Ей было мучительно неловко... Может, она еще сможет застать Хэйгена в Саманданге? Странно, что его имя не фигурировало при заключении мирного договора, хотя она видела его сегодня в небе над столицей, а шеадры заработали еще вчера вечером.

В общем, Альбре тоже требует визита. Сколько же можно откладывать?

Утром в университете возобновились занятия. Налаживался старый, привычный ритм жизни, чему она была несказанно рада. Во второй половине дня она вытащила крылья и, переодевшись с учетом прохладной погоды в Кархе, отправилась к нужному шеадру.

Выйдя в Кархе, она решила долететь до крепости нагов на крыльях и приземлиться в точности на ту самую площадку, с которой когда-то удирала от Кольера. Оказалось, это не так-то просто. Кроме сильного встречного, по-осеннему холодного ветра, на противоположных концах площадки появились тяжелые баллисты, охраняющие небо от

чужих вимм и посторонних Крылатых. Садиться пришлось в болезненном напряжении, под прицелом двух снайперов, которые не отводили от нее прицел, пока к ней не подошел дежурный с незаметного поста, расположившегося за декоративными зубцами донжона. К счастью, страж узнал ее. С радостью поприветствовав, он повел ее в приемный зал Стеклоанной башни, где почтительно передал секретарю, который тоже вспомнил ее по старым временам. Ожидая Сашу, она успела поздороваться и даже чуть-чуть поболтать со многими из тех, кого помнила по прежнему житью-бытью. Интересно, а что они про нее думают теперь, когда Саша превратился не просто в верховного нага, а в самого Нигейра Аспида, их кумира и божество?

Появившийся Саша выглядел хмурым и сосредоточенным. Поздоровавшись, он пристально всматривался в ее лицо, словно пытаясь ответить самому себе на какой-то давно мучающий его вопрос. Она стояла так же серьезно, без тени улыбки глядя ему в глаза и подмечая отличия. В прошлый раз его лицо казалось худым и вытянутым — сейчас скулы и нос приобрели чеканность, тело стало чуть больше, чуть выше ростом, плечи развернулись еще шире, обретя четкие бугры мышц. Тогда он казался моложе своего реального возраста — сейчас он выглядел старше, тяжеловеснее самого себя. От бывшего легкого, светлого обаяния не осталось и следа, взгляд серых глаз стал пронизывающим, давящим, *змеиным*. Правая рука была до кончиков пальцев перевязана и прикрыта рукавом черной с золотом форменной куртки нагов.

Потом он вдруг устало, но радостно улыбнулся.

— Я уж и не верил, что ты когда-нибудь вернешься... Ты насовсем? Или в гости?

— В гости, — улыбнулась она в ответ.

Он протянул ей руку и потащил в башню, ту самую — башню Нигейра, которую когда-то показывал, с книгами и оружием на стене.

— Чем тебя угостить? — спросил он, когда они поднялись наверх и он придвинул ей кресло, усаживаясь напротив. — Чего бы тебе хотелось?

— На твой выбор.

— Тогда давай кофе, — рассмеялся он. — И пирожные.

Кофе он сварил сам, пользуясь тем же современным устройством, что Юлька видела у рыжего Джилейра, подарившего идею создать фантом. Она до того привыкла варить кофе на крохотной аэр-плитке, в старинной медной джезве с полустертым узором, что совершенно забывала, что в этом мире, кроме древних традиций, существуют и суперсовременные технологии.

— Где ты все время была? — спросил он, когда она сделала первый глоток. — Я тебя даже искать перестал.

— В Саманданге, — ответила она и увидела, как напряглись его плечи. — Я там учусь. В школе Джмар. У меня нашли дар.

— Да ты что? — радостно воскликнул он. — Это так здорово! А какие у тебя силы? Подожди, дай-ка я сам попробую увидеть, мне как Вечному положено уметь... — он пристально посмотрел на нее, потом взгляд его стал рассеянным, но он поморщился и раздраженно замотал головой. — Нет, не вижу. Не получается... Вернее, вижу что-то вроде зеленоватых искорок в тебе, но не понимаю, что они значат.

— Джив, устойчивость к наэру, — пояснила она. — Поэтому и Джмар.

Внезапно он помрачнел.

— Значит, пару дней назад ты там тоже была?

— Да, — кивнула она. — И в Карране в тот проклятый день я тоже была.

Он замолчал на полуслове, осекшись, потом долго смотрел ей в глаза, и взгляд его с каждым мгновением становился все тяжелее. Чем-то он напомнил ей Кольера в тот день, когда тот пытался принести ее в жертву уродливой твари Некроса.

— Зачем ты пришла? — спросил он жестко. — Стыдить меня? Прочесть мораль про гуманистические ценности? Или потыкать палкой побежденного?

Она неожиданно разозлилась.

— А может, и правда надо? Не? Я вот и не собиралась, — Юлька вскочила на ноги, пройдясь до окна и обратно, чтобы немного сбросить вспыхнувшее возмущение, — но раз ты настаиваешь, то знай — ты приносишь людям очень много горя. Подозреваю, что сверху, с небес, этого не видно, — с издевкой добавила она. — Так я тебе отсюда, с земли, расскажу. У меня, например, в Карране погиб друг, он город посмотреть приехал. Просто турист. А двое еле выжили. Я сама уцелела чудом, попав под искажение Грани. В Саманданге у нас в дормитории сделали временный госпиталь — так вот, он был весь занят! Тебе тут уже видимо напели, что Вечный — это такая особенная сущность, ничего с этим не поделаешь, ты бог, бог в тебе, а с бога спрос другой, богу все можно, все так делают, и так далее. А ты и уши развесил. Что, людей ты уже тоже научился жрать? И как ощущения?

В глазах Саши вспыхнуло бешенство, никогда не виденное ею ранее, и она почувствовала, как что-то горячее и яростное тянется к ней, но, натолкнувшись на ее гневный, осуждающий взгляд, оно отпрянуло назад и стало медленно, словно волна, разбившаяся у берега, затухать.

— Моего согласия, знаешь ли, никто не спрашивал, — буркнул он. — Меня сюда хитростью притащили. Ну а дальше... — он горько усмехнулся. — Тогда, в твоей деревне, почти перед самой инициацией, я наткнулся на Хэйгена, и он явно понял, что со мной происходит. Он тогда сказал — до последнего момента ты можешь отступить. Но как? Как, если оно тебя переваривает, ломает под себя, не оставляя даже лазейки, чтобы остаться человеком! Я мыслю не так, как раньше. Я чувствую теперь совершенно по-другому. Можешь представить себя — вот такую хорошенькую, ладненькую, ухоженную — превращающуюся в существо? И это существо начинает вытеснять твой разум из тела, которое ты считаешь своим!

Юлька пожалала плечами. Когда-то в Белом овраге она подробно, с живейшим любопытством расспрашивала Дану-кицу, что та чувствует, меняя облик. Описания не впечатлили. Чуть больше необычного, чуть ярче ощущения, чуть больше физиологии...

— И что? Это дает тебе право пугать, калечить, убивать, жрать, кого захочется? — огрызнулась она.

— Когда я Змей, я мыслю образами, — продолжил он, поморщившись от ее реплики. — Я вижу не так, как человек. Чувства... сильнее и необычнее. Мир становится другим — у него другой цвет, другая энергетика. У людей и нелюдей зачастую другие лица. Я, например, могу видеть облик Двуликого, даже когда он в человеческой форме. Или оба облика сразу. Знаешь, как бы я хотел вернуть все обратно? Ты знаешь способ перестать быть Змеем? Его нет! — он почти выкрикнул эти слова, вскочил с кресла и бросился к окну, а потом схватил Юльку за плечи и больно встряхнул. — Можно только умереть! И то... надо очень постараться, чтобы себя утробить.

Она осторожно высвободилась из его рук — от него веяло чем-то пугающе холодным, и он причинял ей боль, физическую и душевную. Он все время причинял ей боль, как раньше,

так и теперь.

— Он меня захлестывает, даже когда я человек, — продолжил он, содрогаясь. — Я все время чувствую его негласное присутствие в себе. Даже в обычные моменты. Он там, внутри... Крохотная частица, которая в любой момент готова вмешаться. Даже занимаясь любовью я вдруг начинаю ощущать, что у меня меняется облик, словно я не человек, а недоучка-Двуликий! Они называют это «поплыл», улыбаются и говорят мне — да нормально, можешь попробовать... Я посмотрел на себя в облике, на предмет... ну ты поняла меня, да? Я же убью ту женщину, которая... — он опять не договорил, закрыв лицо руками. — А они говорят — попробуй, это очень интересное ощущение...

— И что, бывали случаи? — испугалась за него Юлька.

— Слава богу нет, но что дальше? А что если я... случайно... — он отвернулся. — Я себя ненавижу иногда.

— Этим ты ничего не изменишь, — сказала она мягко. — Только озлобишься. Может быть, все те советы, что дает тебе твое окружение, это как раз ошибочный путь? Кто их дает? Кольер?

— И он тоже, — ответил Саша. — Ну и другие Вечные.

— А ты их, конечно, слушаешь, — опять разозлилась она. — Они и вправду помнят, какими были вначале? Или выдумывают, рисуясь и хвастаясь перед тобой — новичком?

— Я б не забыл, — он пожал плечами. — Все вместе он говорят то же самое. Не борись, это бесполезно. Смирись, это пройдет. Пользуйся силой, мы все пользуемся.

— Может быть, именно таким ты им и нужен — диким, злобным, но в то же время послушным? Чтобы не мог мыслить сам, чтобы зная, как управлять твоим зверем, они бы могли управлять тобой? — предположила Юлька. — Может им нужно, чтобы тебя боялись? Они знают о тебе больше, чем ты о них и сам о себе. Они прекрасно знают все о Нигейре, не ведь тебя-Сашу они вообще не знают. Я не понимаю, почему ты сам так быстро отказался от своей личности?

Он долго, долго молчал.

— Не знаю, — в конце концов выдавил он. — Никто не говорил мне другого, а сам я запутался. Все случилось так быстро... и так странно...

— Борись за себя, — сказала она с болью. — Не будь таким, как они. Не позволяй им заставить тебя забыть о тебе-человеке. Если они забыли сами, то это их проблемы, а не твои.

— Спасибо, — вздохнул он.

Потом они болтали обо всем подряд, Юлька рассказывала ему про учебу и друзей, старательно обходя тему Саманданга, а Саша — про рутину своей нынешней жизни и про забавные моменты.

— Жаль, что ты не осталась в Кархе, — под конец вздохнул он. — Хотя у нас тут больше школа Эгрох в почете. Разницы, как мне кажется, никакой, только специализация по стихиям.

— Ну, я могу изредка навещать тебя, — пообещала она. — Если, конечно, буду знать, где тебя найти.

Он поспешно написал ей на бумажке несколько номеров.

— Мой личный секретарь в Наган-Кархе всегда знает, где я, — сказал он. — Оставь мне весточку, что придешь — я буду ждать.

На выходе она лицом клицу столкнулась с Кольером, входящим в башню Нигейра в сопровождении миниатюрной зеленоглазой блондинки. Увидев старого нага, Юлька

вздрагнула и попятилась. Растерявшийся Кольер на несколько мгновений замер и оборвал фразу, адресованную своей очаровательной спутнице. Юлька, взявшая себя в руки первой, сумела вежливо кивнуть, он же лишь дернул щекой, уступая ей дорогу.

Когда они прошли дальше, она обернулась им вслед. Неожиданно мир вокруг нее стал терять четкие очертания, черное с алмазами небо Маара резко надвинулось на нее, и она снова оказалась перед шестилапой драконоподобной тварью с плоской головой. Той самой тварью... Их взгляды пересеклись, и тварь осторожно попятилась, отведя взгляд. А вот другое существо рядом смотрело на нее с насмешливым любопытством. Крупная черно-белая кошка размером чуть больше обычной мягко ступила ей навстречу, потянувшись и словно желая чисто по-кошачьи ее обнюхать. При ближайшем рассмотрении кошка Юльке не понравилась. Короткая и гладкая шерсть, мускулистое хищное туловище наводили на мысли о пантере, крупная вытянутая морда вовсе не напоминала добродушную домашнюю кошечку. Юлька поежилась и, чтобы избежать встречи, выбросила руку вперед, как бы отталкиваясь от сделавшей шаг навстречу кошки, и тут же выскочила обратно в реальность.

Кольер стоял посредине коридора, отвернувшись, блондинка же разглядывала ее хмуро и настороженно. На ее лице замерло сонно-растерянное выражение, словно она на мгновение выпала из реальности, заснула и проснулась, и теперь недоумевает, что происходит. Юлька поспешно отвернулась и бегом бросилась на посадочную площадку.

Лануэль, подумала она, надевая крылья. Не она ли дает Саше такие оригинальные советы?

Глава 24. Призраки и сны

Я добрался до дома только сегодня во второй половине дня, на третьи сутки после боя с Нигейром. Вчера утром неожиданно вспыхнул мятеж в Кельбеле — эмир Кельбелы категорически отказался присягать на верность юному Гайяру, убив гонцов, захватив миссию верховного эмира в Кельбе и угрожая подрывом Карранского шеадр-порта. Быстро же он, гаденыш, научился дурному у одного нынче хорошо известного жителя Земли-Основы... Поскольку мы сами вынудили нагов уйти, заниматься мятежным эмиром пришлось изрядно потрепанным войскам Серджента и нам самим. К сожалению, мы действительно обнаружили несколько взрывных устройств, размещенных в опасной близости от порта, и вот тут я решил принять жесткие меры, чтобы убить в зародыше подобные попытки превратить нашу жизнь в ад. Взрыв шеадра чреват такими последствиями, что годами потом вспоминать будут, вспоминать и проклинать идиота, который на это решился. Я выволок эмира из дворца, поднял в воздух и сбросил на центральную площадь, прямо на одно из найденных взрывных устройств, которое по моей просьбе привели в рабочее состояние. Оно взорвалось, разметав тело по площади. Затем я лично вернулся во дворец, в человеческом облике, и словами объяснил потрясенным наследникам и их приближенным, почему так делать нельзя и чем это впредь будет караться.

От происшествия в Кельбе остался мерзкий осадок, но я задавил его. Лучше пусть сейчас пострадает один идиот, чем потом — тысячи ни в чем не повинных людей. Еще раз я только уверился в своем убеждении, что контакты с Основой ничего, кроме прямого вреда, нашему миру принести не могут.

Я был истощен и физически, и морально. Я почти не спал все эти дни, несколько раз манипулировал Гранью, что требовало максимального напряжения сил, выложился в поединке со Змеем, получив два очень болезненных ранения, и вынужден был все время принимать решения и действовать, действовать... В результате, когда я приполз по истечении третьих суток в свое каменное логово, у меня не было сил даже стоять, не держась за стенку или за мебель. Мой добрый Нвер приготовил мне ужин, несколько раз спрашивая, чем еще он может мне помочь, и в конце концов я не выдержал его несчастных сочувствующих глаз и отправил домой, а сам остался в башне совершенно один.

Погода в наших краях испортилась еще с утра: весь день шел мелкий дождь, а к вечеру с океана принесло грозу с ураганным ветром — возможно, это отклик стихий на наш со Змеем поединок докатился до Элезии. Поединки Вечных друг с другом не проходят бесследно для наших миров, поэтому мы стараемся не сталкиваться лицом к лицу, чтобы не вызывать стихийных катаклизмов. Ветер — моя стихия, но этим вечером его порывы приводили в содрогание даже меня. Казалось, взбесившаяся стихия воздуха вознамерилась напомнить одному человеку, возомнившему себя полубогом, его истинное место. Ветвистые молнии резали серое, залитое дождем пространство над океаном, раскалывая его на две неравные половины и перечеркивая вспышками сумрачное пространство кабинета. Раскаты грома до основания сотрясали древнюю башню, вызывая нервный звон стоявших над каминной полкой винных бокалов. Казалось, вспышки молний — стихия огня, эгри, Змеево орудие, происходят прямо над моей головой. Вечный Нигейр, не юный носитель ипостаси, а то древнее существо, что завладело его телом и разумом, со всей своей страстью изливал

безудержный гнев на голову неожиданного обидчика, укравшего у него победу.

Оставшись один, я с трудом разжег камин в кабинете. Наклоняться было адски больно. От попытки выпрямиться у меня потемнело в глазах и, схватившись за стол, я кое-как дополз до дивана у противоположной стены. Найдя плед, я завернулся в него и вытянулся на животе, стараясь выровнять дыхание и перестать дрожать. Нигейр полоснул когтем-Легаротом поперек спины, оставив глубокую рваную рану, и прошил насквозь левое бедро. Раны сразу же обработали и наложили швы, но с тех пор у меня не было ни одной спокойной минуты, чтобы отлежаться, не меняя облик каждые несколько часов, дать швам схватиться и позволить бессмертной силе запустить процесс ускоренной регенерации, характерной для всех Вечных. Постоянная смена облика и нагрузки затормозили ее, и мне приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы не хромать, держать лицо и вообще делать вид, что я, как и положено Вечному, бодр, энергичен и абсолютно уверен в своих словах, решениях и поступках.

Закрыв глаза, я вспомнил наш со Змеем бой. До сих пор у меня не было возможности все хорошенько переварить и обдумать. Никогда раньше мне не приходилось сражаться с равным себе — сражаться с Вечным. Я знал, что поединки Вечных случались, и сам когда-то стал свидетелем боя Гевора с Эрлен — в конце той войны, когда погибла Марта. Но они сражались в человеческом облике, обычным оружием, и только в конце оба трансформировались, а здесь... здесь дрались не люди, здесь столкнулись две могущественные силы, и слабый человеческий разум никак не мог примириться с грандиозностью и обыденностью того, что случилось. Сейчас, оглядываясь назад, мне становилось страшно и от собственной самонадеянности, и от той бешеной, неконтролируемой ярости, что я увидел в глазах Нигейра. Для меня это было внове. Вечные, бывало, ненавидели друг друга, но это были отношения людей, а не божеств. Тут же... я не знал, кому принадлежала эта ярость — человеку по имени Саша или божеству по имени Нигейр. Возможно, позавчера я нажил себе смертельного и опасного врага, и мое дальнейшее существование, и без того непростое, станет еще более неоднозначным, а может быть, и недолговечным.

Как же я устал... Лежа один в каменной башне, мучаясь дурнотой, болью, вздрагивая от наиболее свирепых порывов ветра и громовых раскатов, я старательно гнал от себя пустоту, от которой все чаще и чаще хотелось выть. Кошку мне, что ли, завести, с ней хоть поговорить можно... Придет, начнет мурлыкать, лапами топтаться... Не умею я, как многие из нас, заполнять окружающее пространство льстивыми словоблудами и расчетливыми красавицами с влажными от жадности глазами. Вороны всегда были одиночками. Вон, даже Западная Башня — самая большая из всех башен Ворона — не предназначена для содержания там свиты. Был бы здоров, отправился бы куда-нибудь в бордель, коих полно в Ар Иллиме или в том же Элласаре, чтобы до тошноты, до отвращения к самому себе заглушить, залить эту пустоту чем попало. Или с Эйлой полетал. А тут даже этого не могу, сил нет.

В конце концов я провалился в мутный, неровный сон, в котором буря мешалась с то золотыми, то аспидно-черными петлями змея, яростно сверкали алмазные лезвия, прошивая меня насквозь и сбрасывая в океан, в котором я захлебывался, судорожно пытаюсь обернуться и вырваться из-под накатывающих на меня тяжелых ледяных волн.

Проснулся я от странного ощущения, что я в башне не один. Ветер бушевал уже не так сильно, за окном пламенел огненно-бордовый закат. Камин почти потух, и я, еле

поднявшись, принялся снова его растапливать. Прислушавшись, я уловил, что там, на верхней площадке, кто-то есть. Какой сумасшедший решился лететь в такую погоду, да еще и на крыльях? Накинув плед, я потащился наверх, все отчетливее различая характерный звук плохо повинующихся летуну и хлопающих на ветру крыльев. Выйдя на площадку, я с неожиданной радостью глотнул соленого влажного ветра, и, приободрившись, стал искать непрошеного гостя.

Демоны Маара... Как она вообще сюда долетела, с порванными-то крыльями?

Я помог ей расстегнуть фиксаторы крыльев и стал стаскивать отяжелевшую, перекошенную ветром раму. Ткань крыльев надорвалась в двух местах, вдоль боковых направляющих — типичный погодный разрыв. Хорошо еще, она сама не выглядела сильно пострадавшей, по крайней мере, все кости, кажется, целы, только ладони ободраны.

— Кто ж летает в такую грозу? — упрекнул я ее, пропуская вперед и показывая, куда спускаться. — Так же убиться недолго.

— А в Альбре никакой грозы нет, — возразила Юлька, все еще задыхаясь и вытирая ладошкой мокрое лицо. — Я даже не предполагала, что тут такие порывы... Когда начало швырять, до башни уже было ближе, чем до города.

— Здесь всегда ветер, — возразил я. — Крылатому на башню очень непросто сесть. Тут и виммы неопытным пилотам лучше подальше оставлять.

— Я думала, что не долечу, — призналась она, ежась и трясаясь от испуга и холода: от здешней непогоды ее не спас даже полетный костюм. — Тут-то меня и нашли бы.

— Если бы вообще нашли, — сурово сказал я, завертывая ее в свой плед. — Могло ведь и в океан сбросить.

Она поежилась.

— Я ни разу еще в такой шторм не попадала, — вздохнула она виновато. — Ужас. Надо было действительно вимму взять или пешком дойти.

— Пешком тоже неблизко, — вздохнул я. Надо бы ее во что-то переодеть, а то простудится еще. В башне прохладно, а она вся сырая, вон, зубами стучит. — Вимма все-таки — лучшее решение.

— Ага, — согласилась она, придвигая кресло поближе к камину.

— Погоди-ка, — я поковылял вниз, в спальню, и через несколько минут вернулся, принес ей полотенце, теплые носки и халат. — Переодевайся. Кончай стесняться, — хмыкнул я, глядя, как она напряглась от неловкости. — Я сейчас спущусь вниз, на кухню, принесу что-нибудь поесть. И вот еще...

Я показал ей дверь, замаскированную под нишу в стене.

— Туалет. Маленький, правда... рассчитан на одного худого мужика в перьях, — рассмеялся я, и она неуверенно улыбнулась мне в ответ.

Ходил я долго... еле дополз обратно. Она пристально взгляделась в меня, когда я вернулся, забрала поднос с тарелками и кастрюльками, и взяла остальную деятельность по организации ужина в свои маленькие уверенные ладошки.

— Он тебя ранил, — сказала она утвердительно, когда мы сели за стол перед камином. — А ты как всегда делаешь вид, что ничего не случилось.

— Неприятно, но не смертельно, — бросил я бодрым голосом. — Заживет. Расскажи лучше, что привело тебя сюда в такую погоду. Ведь ты не просто в гости, проведать бедного одинокого затворника.

Она явно смутилась, словно я упрекнул ее в корысти.

— Я хотела тебя поблагодарить, — начала она твердо. — За помощь в Саманданге. И еще мне нужен твой совет. Тут такая история...

— Рассказывай, — подбодрил ее я.

Рассказ Юльки меня очень насторожил, если не напугал. Я еще раз попросил ее подробно пересказать, как описывал тип по имени Джилейр технологию создания управляемых фантомов, и в особенности — медальон с Филином и ее встречу с похожим на него существом в Мааре. Я никогда не слышал о подобных вещах раньше, и теперь все недавние события виделись мне совсем в ином свете. С одной стороны, кто-то вербует сторонников — ищет талантливых и доверчивых молодых людей, играя на их чувствах, подкидывая благородную идею и давая им попробовать свои силы, а с другой — активно пытается воплотить в жизнь вторую часть процесса, имея под рукой уже созданные, вполне рабочие фантомы.

— Как ты думаешь, реально ли сделать такой фантом, или им нужно от меня что-то другое? — спросила Юлька. — А фантом — лишь морковка для ослика?

Я рассмеялся неожиданному сравнению.

— Не знаю, реально ли. Но, боюсь, тебе рассказали далеко не все.

— Не сомневаюсь, — фыркнула она.

— Смотри, у меня есть вторая часть этой истории, — и я рассказал ей свою, вернее, нашу часть событий, связанную с охотой на Вечных и фантомами-приманками. — К сожалению, Даллах не помнит, был ли в его случае некий фантом, за которым он погнался или который пытался на него напасть. Но я сам, к сожалению, со своей тенью пересекся, физически вошел в него, убеждаясь, что это всего лишь призрак. Когда в меня выстрелили, был короткий момент, когда Ворон попытался подавить мое сознание, но я ему не дал. Даллах и Вагабр потеряли разум, Реваль — нет, но я с ним еще не общался, только коротко, по шамальским проблемам. Давай-ка мы с тобой вот как поступим, — предложил я, поразмыслив и убедившись, что собственных знаний мне тут однозначно не хватит. — Ты не против встретиться с Ширин и еще раз рассказать ей эту историю?

— Не против, — согласилась Юлька. — Как ты думаешь... если я все-таки попробую сделать фантом, это будет опасно для... Нигейра?

— А тебе хочется? — полюбопытствовал я.

— Хочется, — призналась она. — Интересно попробовать. У меня же получилось. Я не знаю, чем был тот крохотный змей, что вышел из моих рук, но он... был.

— Пожалуй, опасности нет, — сказал я, поразмыслив. — Как мне кажется, фантом — всего лишь часть какого-то сложного процесса, но им дело не заканчивается... Только будь осторожна. Если получится, не рассказывай об этом никому. А лучше — сразу обратись к Ширин, она должна понять, как оно может сработать.

— Хорошо, — кивнула Юлька. — Только я боюсь... А вдруг им уже управляют? Сегодня, когда я была в Наган-Кархе, Саша жаловался, что не может контролировать Змея. Совсем.

— Что, пожалела бедненького? — буркнул я с досадой. — Вечно вы, женщины, униженных да оскорбленных кидаетесь утешать.

Юлька посмотрела на меня с удивлением, отчего мне стало неловко за свою дурацкую ревнивую реплику.

— Тогда уж опиши мне, что именно он тебе рассказал, — проворчал я.

Дослушав ее сбивчивый рассказ, я вздохнул.

— В том, что он описывает, нет ничего необычного. Именно так ощущает себя свежеиспеченный полубог — Вечный. Вселившаяся в него сущность — это голая стихия: энергия удара, порыва, ярости, страсти. Не интеллект, как, например, у тех же Гевора, Кинэна и Ширин. Не власть расчета и порядка, как у Вагабра с Ревалем. А стихия. Я и сам, и примеру, стихия, хотя и в гораздо меньшей степени. Я себя хорошо помню в тот период. Я, к сожалению, поначалу многое разрушил, не понимая до конца, что со мной происходит. Семью, например. Я был женат, когда стал Вороном, — продолжил я с горечью. — Двое детей... Она ушла через год, возненавидев того, в кого я превратился. Я их даже потерял на несколько лет, совсем не интересовался, что с ними происходит. Хорошо еще, очнуться успел, когда было не совсем поздно, хотя бы дети меня простили.

Другое дело, что я раньше был убежден, что сам подход к проблеме в принципе неверен. Из двух личностей Вечного главный — человек, а не тварь. Он должен повелевать тварью, а не тварь — им. Нет ничего невозможного, и многие Вечные прошлого служат нам примером. Надо бороться и за себя, и с собой. Не быть зверем, понимаешь... Просто им не быть. Двумикие же могут. Но мы почему-то считаем, что нам позволено больше, чем им.

— Кто бы только Саше это объяснил, — вздохнула Юлька.

— Боюсь, у меня теперь нет шансов, — сказал я с печальным смешком.

Какое-то время мы молчали, думая каждый о своем. Потом она спохватилась, что уже поздно, и засобиравшись домой. Я выглянул в окно — дождь, как назло, припустил с новой силой, ветер, казалось бы, и вовсе не собирался стихать.

— На крыльях тебе не улететь, — констатировал я. — Боюсь, на вимме тоже. Сюда сейчас никто не возьмется сесть, ибо бывали прецеденты... Да и одежда у тебя все еще сырая. Простудишься.

— Что же мне делать? — растеряно спросила она.

— Оставайся здесь, — предложил я. — На втором этаже есть гостевые комнаты. — Тебя ведь никто не хватится в Саманданге? Тот бестолковый лев Серджента, например? Или подруги?

Она смущенно покачала головой.

— Идем, — я протянул ей руку. — Убедишься, что там вполне приличное место, совсем не такое архаичное и странное, как рабочий кабинет пары десятков поколений Воронов.

***

Башня действительно показалась Юльке архаичной и странной до нелепости — полный контраст с ультрасовременным обиталищем нагов. Рабочий кабинет под крышей был абсолютно круглый, с очень высоким куполообразным потолком. Каменные, встроенные в ниши полки с книгами повторяли очертаниями форму башни. Стол, шкаф, стулья, кресла, тяжеловесные и массивные, по цвету и жесткости напоминали гранит, и Юлька предположила, что возраст их не меньше возраста самой башни. Большой старый камин не имел гнезд аэров, а значит, топить его можно было только дровами. На верхнюю площадку можно было попасть только через кабинет хозяина, так же, как и спуститься в такую же круглую спальню на третьем этаже, не имевшую выходов на центральную лестницу, только на узкую боковую, выбитую в стене, ту самую, часть которой выводила на крышу башни. Второй этаж был официальным: половину занимал полукруглый зал для приема гостей и проведения совещаний, и гостевые комнаты. На плоской стене зала совещаний размещался еще один громоздкий закопченный камин и гигантская, во всю стену, уникальная карта земель, выполненная в виде гравюры по металлу, со множеством отметок из тускло

святищихся огоньков-камешков. Крохотные гостевые комнаты, уютные и вполне современные, отапливались аэрами и ничем не напоминали весь этот музей. На первом этаже располагалась прихожая, кухня и еще две комнаты для слуг, одну из которых занимал Нвер. Рес пояснил, что под башней имеются обширные подвалы, часть из них завалена всяческой любопытной древней рухлядью, и признался, что время от времени любит в ней покопаться, хотя у него ни разу не хватило терпения разобрать эти завалы до конца.

— Хотя в некоторые годы я даже пытался их каталогизировать, — признался он со смехом. — Но меня никогда не хватало больше, чем на два дня.

— Так нанял бы кого-нибудь более терпеливого, — предложила она.

— А вдруг там хранится что-нибудь... злое? — Рес забавно приподнял одну бровь, отчего его лицо вдруг приобрело комичное выражение.

— Ага, полуобглоданный скелет птеродактиля, — хихикнула Юлька. — Консервы на черный день.

— Фу, — поморщился он. — Вонючий, наверно. Тухлятина. Не для гурманов.

Пожелав хозяину спокойной ночи и оставшись одна, она поразились тишине, от которой успела отвыкнуть вечно шумном студенческом мирке. Там, наверху, под сводом, гулко и пронзительно завывал ветер, гроыхали ставни, что-то все время свистело и дребезжало. Здесь, внизу, было на удивление, прямо-таки злое тихо. Переодевшись для сна в забавную пеструю хламиду из тонкого шелка ("Мода пятидесятилетней давности", — пояснил Рес со смешком), она завернулась в одеяло и стала вспоминать этот невероятно длинный, насыщенный откровениями день. Рассказ Реса о потерявших человеческий облик Вечных ее изрядно напугал, и теперь она не могла отвязаться от мысли, что кто-то может проделать подобное с Сашей. Вон, Вагабр до сих пор не вернул себе человеческий облик, так и бродит, бедняга, в виде оленя вокруг Рузанны.

В конце концов она заснула и сразу же провалилась в какой-то муторный и душный сон, который с каждым мгновением становился все тяжелее и тяжелее. Ей снилось черное с алмазными сполохами небо и кристально-прозрачная земля, неожиданно переходящая в странную серую пустошь, за которой простирался иссиня черный, беспокойный океан, от которого веяло холодом и смертью. Там, на серой полоске земли, на половину пространства расплзлась угрюмая белая с черными полосами тварь, с отталкивающей трехглазой мордой, большеухая, желтоглазая, с пастью мелких острых зубов, увенчанная четырьмя внушительными клыками. Тварь с отвратительным чавканьем что-то ела, пуская кровавые слюны и время от времени выдирая клыками куски мяса. Вокруг нее лежали... да, именно они: белый олень с перерезанным горлом, бездыханная серо-рыжая рысь, огромный лохматый зубр со вспоротым брюхом, огромный ящер со скорпионьим хвостом, придавленный здоровенным камнем, ворон, насквозь пронзенный гигантской стрелой. Она поспешно огляделась в поисках змея, и, не найдя его, испугалась, не он ли превратился в эту омерзительную тварь, но к счастью, та ничем не напоминала ей змея. Там, за спиной твари, она разглядела еще тела погибших, но, испугавшись до безумия, отпрянула назад, привычно выставив руку, чтобы вырваться из Маара...

Выскочив в реальность, она обнаружила, что падает с гигантской башни прямо в океан и, подхваченная яростным воздушным потоком, летит, пытаясь справиться с порванными крыльями, прямо на скалы, навстречу вырастающему из них аспидно-черному змею. «Ты меня предала, — сказал ей змей, когда она поравнялась с ним в воздухе. — Ты меня бросила, — крикнул он, когда она попыталась выровнять полет и обойти его, чтобы не

упасть на камни. — Сбежала, оставила меня с этими... кошками, ящерицами и прочими тварями. Рядом со мной нет людей... Что же ты теперь хочешь от меня, если сама толкнула меня к ним?» С трудом удержавшись в воздухе, она почти уже проскочила мимо него, но он неожиданно ринулся навстречу, захлестывая ее кольцами сильного змеиного тела. Она дернулась, чтобы вырваться, но кольца сжались, затягиваясь все сильнее и душа ее, и когда в груди уже не осталось ни капли воздуха, она неожиданно вывалилась в темное беззвучное пространство каменной комнаты. Тяжело дыша, она вскочила с кровати — призрак змея, казалось бы, все еще витал здесь, таращась на нее из темноты желтыми, неподвижными глазами.

Иди сюда, требовали эти глаза. Ты моя. Не надо длить агонию. Ты моя, смирись с этим.

Охваченная неконтролируемым ужасом, она выскочила вон из комнаты и, плохо соображая, где находится и что делает, бросилась вверх по лестнице. Улететь. Улететь, как тогда, с верхней площадки Наган-Карха, надо только надеть крылья и прыгнуть, не побояться прыгнуть, а дальше крылья сами сделают свое дело.

Выскочив под ледяной ветер, она кинулась искать крылья, но в темноте никак не могла найти их. Обшарив всю площадку, она убедилась, что их нет. Паника и ужас захлестывали все сильнее и сильнее, и тут ей пришла в голову совершенно безумная мысль — а может, она тоже сможет обернуться в какое-нибудь крылатое существо? Мысль оказалась настолько дикой и притягательной, что она, нащупав несколько каменных ступеней, поднялась по ним почти до зубцов и увидела лежащий за ними черный, холодный океан.

«Ты моя, — прошептала тварь из глубины сознания. — Иди ко мне».

И тут кто-то властно стащил ее со ступеней. Заорав от ужаса, Юлька попыталась вырваться, но ее крепко, железной хваткой прижали к груди и держали, пока она не перестала импульсивно дергаться и кричать. Когда силы безумия иссякли, она, тяжело дыша и едва не падая от изнеможения, вцепилась в одежду своего спасителя и бурно разрыдалась.

— Пойдем-ка отсюда, — сказал Рессер, поспешно уводя ее с ледяного ветра. — Расскажешь, что за кошмар с тобой приключился.

Она снова оказалась в кабинете, завернутая в плед, и, по прежнему цепляясь за его шею, словно за спасительный якорь, вперемешку со всхлипываниями пересказывала ему свой кошмар, до сих пор не понимая, какая из его частей была сном, а какая — явью. Он гладил ее растрепанные волосы и вздрагивающие плечи, прижимая к себе и покачивая, как ребенка, а когда она выговорилась и выплакалась, разжал ее судорожно вцепившиеся в ткань халата ладони, положив их себе на грудь. Придя в себя, она вдруг сообразила, что он полуодет — брюки да кое-как накинутый на голое тело халат, а на ней — вот этот вот нелепый шелковый балахон чуть длиннее бедер, который, считай, ничего не скрывает, и плед сполз, и она тычется зареванным сопливым носом ему в грудь... Она рывком отодвинулась, захлебываясь стыдом, и сразу же пожалела об этом, потому что он послушно отпустил ее и помог поплотнее закутаться в плед, а мгновение спустя поняла, что ей нравится исходящий от него теплый, чуть терпкий запах и жесткие руки, умеющие касаться удивительно нежно...

"Вот что он обо мне сейчас подумал, — пронеслась в голове злая мысль. — Притащилась к постороннему мужику без предупреждения, навязалась переночевать, устроила истерику среди ночи. Стыдобища невероятная... Стыдобища и двусмысленность. И ведь не сбежишь уже, крылья порваны."

— Вряд ли увиденное тобою существо — реальность, — задумчиво сказал Рес, когда она замолчала, закрыв глаза и пытаясь не умереть от неловкости. — Скорее, шок от

последних событий сыграл с тобой злую шутку. Хвала Маару, я тебя услышал, а то ты уже на парапет залезла, еще немного — и свалилась бы.

Юлька закрыла лицо руками, чувствуя, как пылают щеки и лоб.

— Извини меня ради бога, — прошептала она. — Мне показалось, что меня нашла та тварь из Маара, которая связана с Кольером и которая пыталась сожрать меня в Наган-Кархе. Вот прям здесь нашла.

— Это невозможно, — ответил он со спокойной уверенностью. — Ничто из Маара не может воплотиться в нашем пространстве. До сих пор не могло. Возможно, это башня на тебя так влияет. Здесь необычная энергетика... Для меня — это место силы, она мне помогает, когда я устаю или плохо себя чувствую.

Она кивнула, опустив ладони и пытаясь в темноте прочесть выражение его лица, напряженное, словно он чего-то опасался или сомневался. Чувствуя, что снова начинает дрожать, Юлька встала, собираясь вернуться в комнату.

— Давай-ка сделаем тебе горячего вина, — решил он, поднимаясь следом за ней. — Ты иди, я приду чуть позже.

Со страхом она вернулась обратно и зажгла свет. Комната как комната, уютная и совершенно пустая. Погасив свет, она еще некоторое время стояла в темноте, привыкая к тишине, а затем, забравшись под одеяло, принялась разглядывать полоски теней, отбрасываемые ставнями на серый ворс ковра.

Рес появился бесшумно, неся в руках две чашки с ароматно дымящимся напитком.

— Мне тоже не повредит, — печально усмехнулся он, протягивая ей вино. — А то напугала ты меня, — он покачал головой. — Чуть ведь с башни не сиганула, дурочка. Хорошо еще, я крылья внутрь убрал, тогда бы точно... убились.

Она с благодарностью сжала его руку, возвращая кружку. Вино делало свое дело — сведенные страхом и холодом мышцы расслабились, и она с облегчением закрыла глаза.

— Никто и никогда в этом месте не сможет тебе навредить.

— А Саша... точнее, Нигейр может сюда... прилететь?

— Может, но не станет, — ответил он и успокаивающе погладил ее волосы. — Зачем ему? Тут чужие ему стихии, они сделают его слабее. Да и вредить тебе он не будет. Нет у него причин... Так что считай, что это самое безопасное место в мире.

И через мгновение она ощутила его губы на своих губах. Неожиданное, мягкое и чувственное касание, от которого она вздрогнула всем телом. А потом он ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Проснувшись Юлька поздно, и, лежа в постели, со страхом и смущением вспомнила прошедший вечер, снова пытаясь и снова не в силах отделить сон от яви. Выглянув в окно, убедилась, что ветер стих, и что океан залит ярким солнечным светом. Одежда высохла, и она, тщательно приведя себя в порядок, пошла искать хозяина башни, боясь этой встречи сильнее, чем кольеровой твари. В кабинете никого не оказалось, так же, как и на верхней площадке. Юлька спустилась вниз, на второй, на первый этаж, но никого так и не встретила. В кухне на выключенной плитке стоял готовый завтрак, накрытый полотенцем, словно приглашение быть самостоятельной, но она не отважилась хозяйничать в чужом доме. Вернувшись наверх, она даже спустилась по узкой каменной лестнице в спальню и, постучав, осторожно заглянула туда. Пусто.

Ну вот, подумала она. Ты боялась встречи — ее и не состоялось. Что дальше?

Она поднялась на верхнюю площадку. Ветер, соленый и теплый, сразу ударил в лицо.

Там, за плоскими зубцами парапета, лежал океан — ярко синий, солнечный, но уже по-осеннему прохладный. Рядом с каменными ступенями, ведущими в широкий проем между зубцами, лежали аккуратно сложенные крылья. Юлька подняла их, горюя. Как жаль, что они порвались... хотя их прекрасно ремонтируют, нужно будет отнести их в мастерскую. Развернув их, чтобы оценить ущерб, она замерла от изумления: они уже были починены, аккуратно и умело укреплены дополнительной тканью в местах разрыва, погнутые направляющие выпрямлены и усилены тонкими стержнями. Медленно, словно нехотя, она надела их, вскарабкалась на парапет между зубцами и плавно шагнула в небо. Сделав несколько расширяющихся кругов вокруг башни, она озиралась по сторонам, ища в небе большую черную птицу, но ее нигде не было.

Вздохнув, она направилась в сторону Альбре, к ближайшему шеадру на Элласар.

Глава 25. Подарок

— Так что мы будем делать с Ваэлем? — спросил Реваль, набивая трубку свежей порцией табака. Ширин, задумчиво бродившая неподалеку, вдоль дорожек с розовыми кустами, оглянулась, вопросительно глядя на меня. Ей удивительно шел ее наряд: длинное платье цвета ночного неба идеально сидело на высокой изящной фигуре, старинные серьги и ожерелье с золотистыми и зелеными камнями — не украшение, а сильнейший щит от эгриджив — элегантно дополняли образ. Я затаился. Хорош табак у Реваля... С его собственных плантаций, только для своих, для узкого круга. И сад хорош — бесчисленные сорта роз, фонтан в виде стены, по которой каскадами течет вода, низкие мягкие лежа, и тишина... Хотя нет, откуда-то издалека долетают женские голоса и залиvistые взрывы смеха. Умеет он жить со вкусом, с наслаждением, подумалось мне с завистью. Не то, что я.

— Почему вы смотрите на меня так, будто я держу ответ в кармане, — проворчал я, отворачиваясь.

— Пока что только тебе удавалось вернуть Вечным человеческий облик, — сказал Реваль.

— Всего один раз.

— Три, — поправил Реваль. — Считаю меня и Нигейра, которого ты выбил из ипостаси. Кстати, хочешь посмотреть на ваш бой со стороны? Когда в Саманданге стало беспокойно, я поставил визоры на обзор неба. Отсюда вас было очень хорошо видно.

— Хочу, — кивнул я. — Потом. Так что с Вагабром?

— Да нехорошо там, — Реваль выпустил несколько колечек ароматного дыма, и я, глядя на него, опять затаился. Божественный аромат... легкий, чуть пряный, раскрывающийся медовой сладостью в самом конце. Не фанат я трубок, но тут сама обстановка настраивала на расслабленный, чуть философский лад. Небо темного бархата, воздух, напоенный ароматами осеннего прохладного вечера, чуть сладковатое выдержанное вино, вдумчивая неторопливая беседа... Мне не хотелось возвращаться к нашим насущным проблемам — хотелось вдыхать густой пряный дым, мешающийся с запахом роз, слушать журчание воды и смотреть на красивую женщину, идущую к нам по садовым дорожкам.

— Ваэль всю эту продажную столичную шушеру в кулаке держал, — продолжил глава Золотой Гильдии. — Корт Лессена его, мягко говоря, побаивался. А теперь бренны, почуввав вольницу, зашевелились. Ледера и Брезер уже почти в состоянии войны, в доме брэнна Эста уже две смерти подряд, брэнн-то совсем дряхл, наследники оживились. В Брантоме финансовый скандал, в Вижанне два знатных рода из-за бабы какой-то сцепились, смех и грех, газеты утром открываешь, а там сплошные скабрзные сенсации пополам со склоками. Дом Шаттора, который, как ты знаешь, на воздушных торговых путях, на шеадр-порте руки греет, по старинке грабежами занялся.

— Да у нас то же самое, — хмыкнул я. — В Южном Аскареме уже дважды стычки гасили. Не знаю, что лучше — дать им выпустить пар, или придавить все в зародыше.

— Вот и я теперь уже не уверен, что мудрее, — вздохнул Реваль.

— Надо возвращать Вагабра, — подала голос Ширин. — Дай-ка, — подойдя ко мне со спины, она вытащила из моих рук трубку и затаилась, дурашливо выпустив несколько колечек. — Кто, кстати, командует вместо него?

— Три помощника, — Реваль поморщился, — лебедь, рак и щука. Каждый в свою дуду

дует. Я иногда вмешиваюсь, когда они уж слишком...границы приличия переходят, но у меня и своих дел по горло.

— А другие?

— Это ты Альсара с Кинэном имеешь в виду? — ядовито осведомился Реваль. — Тоже мне, помощнички, — фыркнул он. — Эрлен пока успешно гасит склоки в землях, где есть ее домены, но если дойдет до войны между Ледерой и Брезером, боюсь, Ледеру Кинэнэ поддержит наш юный Змей. По дружбе. Вот я и думаю — надо как-то приводить Ваэля в чувство.

— Есть еще одна проблема, — сказала Ширин, отдав мне трубку и возвращаясь на облюбованный ею диванчик. — Похожа на проблему Дзуликих в ошейнике. Сам знаешь, если их насильно держать во втором облике, они быстро деградируют, теряя человеческие черты. Ваэль уже второй месяц в шкуре. И его поведение далеко от человеческого.

— Даллах признавался мне, что тоже небыстро очнулся, — добавил я. — С трудом вспоминал подробности прошлой жизни, с трудом восстановил контроль над ипостасью. Жаловался, что стихийно трансформировался во сне. В общем, оно с последствиями, — я вспомнил с усмешкой, как безобразно мы с ним напились, когда он дошел до таких откровений. — Если вы думаете, что у меня есть готовое решение, то вы ошибаетесь.

— Сильное потрясение, связанное с угрозой окружающим, — сказал Реваль. — По себе скажу. Когда я вас в небе увидел, первое, что пришло в голову — вы мне сейчас весь Саманданг разнесете. Забыл, что функция огня Нигейру пока недоступна.

Я поежился, представив, что бы случилось, если бы наш юный Змей уже освоил на тот момент это впечатляющее умение. С тех пор прошло две недели, нога зажила, но на спине остался шрам, который тоже должен со временем исчезнуть. Но я все еще чувствовал его при трансформации и во время тренировок. Шандр теперь гонял меня нещадно, клянясь, что добьет меня собственноручно, если я еще раз подставлюсь.

— Ну, подумаем, — я откровенно уклонился от прямого ответа. Выступать в роли «сильного потрясения, связанного с угрозой окружающим» мне категорически не хотелось. — Кстати, насчет поединков Вечных... Я знаю о поединках в человеческом облике, сам был свидетелем, но что насчет поединков в облике Вечного? Бывали они?

Реваль пожал плечами и повернулся к Ширин, тоже ожидая ответа.

— Сложно сказать, — задумчиво ответила Ширин. — Мифы тут нам не помощники, они могут и преувеличить. В официальной истории отражены два таких поединка, оба — в прошлом тысячелетии. Очень странный поединок Змея с Фениксом, официальный повод — дуэль из-за женщины, и опять поединок Гевора и Эрлен, за домен в Ар Лессене, которого Гевор навсегда лишился. Но могу предположить, что их было гораздо больше, но в письменные источники они не попали. Есть любопытные упоминания в других исследованиях, касающихся даже не собственно Вечных, а Маара. Все Ширин пытались его изучать, каждая оставила по труду, посвященному географии Некроса и его обитателям. Так вот, в более ранних трудах я неоднократно натыкалась на имена Вечных, которых нынче не существует, и которые, судя по контексту, были в таких поединках уничтожены. Не носители ипостаси, а именно сами Вечные. Пример — Лебедь, убитый на поединке Вороном и после этого исчезнувший. Еще было некое существо, женского пола, то ли рыба, то ли русалка, покровительница вод, схватившаяся с Кошкой и ею сожранная. Возможно, были и другие случаи. Известно же, что Вечных когда-то существовало больше, чем теперь.

— И они уничтожали друг друга, захватывая сферы и стихии, — подытожил Реваль

раздраженно. — Это мы сейчас... цивилизованные и воспитанные, пытаемся друг с другом договориться.

— Получается, чтобы Вечный исчез, умер совсем, необходимо, чтобы его уничтожил другой, равный ему? — подытожил я.

— Не знаю. Не уверена. Представь себе, что бог повержен, но людская вера никуда не делась. Стоят храмы, в них идут службы, его по-прежнему просят помочь или проклинают. Все идет своим чередом.

— У нас нет ни одного храма Лебеда, — сказал я. — Нет ни статуй в городах, ни изображений в камне. Образы и картины, так же, как и книги, я не учитываю — они могли исчезнуть при большом сроке давности.

— Допустим, поверженный бог больше не появляется на земле или в небе, а после гибели его храмы саморазрушаются, — предположила Ширин. — Исчезает память о нем, исчезает и божество.

— Любопытная тема, — вздохнул я. — Но опираться совершенно не на что. Шейла, скажи лучше, есть у тебя соображения по поводу управления фантомами и насколько опасна для нас вера в Единого? И есть ли связь между божественным пантеоном Анг Мирта и нами самими?

— Связь-то есть, это я тебе однозначно скажу, — кивнула она. — Любое обращение к божественной сущности, подкрепленное любым видом эмоции, уходит в Маар. Если у сущности есть в Мааре слепок, фантом или полноценный облик, он примет эту энергию, как корм. От частой кормежки он будет усиливаться, обретать мощное энергетическое тело. Чем богаче, разнообразнее и непротиворечивее представления верящих о божественной сущности, тем больше у нее шансов воплотиться в реальном мире.

— Даже так? — удивился Реваль. — Хочешь сказать, мы можем получить еще одного конкурента?

— Сильно сомневаюсь, что это возможно у нас в Ар Соль, — пояснила Ширин. — Для этого нужно, чтобы много разумных верило и желало пришествия этого божества в течение какого-то длительного периода времени. Культ Единого не настолько силен, хотя я бы, прежде чем сделать окончательный вывод, присутствовала на одной типичной службе и посмотрела бы, куда и как идет вся та сила, что направляется Единому от верующих.

— Я сам хотел попробовать, — признался я.

— Если у тебя есть выход на кого-нибудь из них, могу научить, как смотреть, — сказала она.

— Давай, — согласился я. — А что с фантомами?

— Встретилась я с этой девушкой, — продолжила Ширин после паузы. — Не стала ждать, пока ты раскачаешься, — взгляд ее был полон иронии. — Сама ее нашла. Очень талантливая... и профиль силы любопытный. Посмотрим, — сказала она уклончиво, глядя на вопросительно поднявшиеся брови Ревалья. — Мы с ней договорились, что она поддержит контакт с тем типом, что на нее вышел, и попросит еще раз дать ей в руки медальон с Наджаром. Я научила ее, как смотреть и на что обращать внимание.

Я напрягся — мне очень не понравилась идея втянуть Юльку в наши игры.

— Надеюсь, это не опасно, — глядя ей в глаза, сказал я. — И у нее не будет неприятностей.

— Я пригляжу, — заверила меня Ширин. — Кроме того, мы собираемся поставить с ней один маленький эксперимент, — продолжила она, улыбаясь. — С фантомами.

— Вы там не слишком увлекайтесь, — буркнул Реваль. — А то последствия... Кстати... Сущности Маара — далеко не моя стихия, поэтому простите за глупый вопрос. Если где-то в Мааре существует Нигейр-демон, который кормится эманациями молитв, как наших, так и Анг Мирта, не может ли так быть, что при появлении Алекса на наших землях его тело в качестве носителя облюбовала именно темная, демоническая ипостась Аспида, а не та, что была раньше?

Ширин ответила не сразу.

— Не знаю, — произнесла она с задумчивой неуверенностью. — У нас обширные архивы и исследования, в том числе и о воплощении сущностей Некроса в реальность, но вот о существовании двух полярных Вечных сущностей я ни разу ничего не встречала. Хотя... я не стану отрицать, что такое возможно.

— А мне кажется, Змей как Змей, — я пожал плечами. — Молодой, пылкий, жадный... Глупый. Обычный. Повзрослеет. Перебесится.

— Что-то я потерял свой оптимизм, — проворчал Реваль. — Да и не было у меня его в начале, когда замысел только появился. Ваэль, Эрлен и Кольер... Цель у них была — выйти из застоя и начинать поиск и освоение новых земель. Население растёт, аппетиты людей тоже, ресурсы земель не вечны, как не старайся быть разумным и экономным, они все равно вырабатываются быстрее, чем восстанавливаются. Вот они и хотели... подхлестнуть развитие.

— За счет Основы? — не без иронии спросил я.

— Основу, конечно, рассматривали как вариант, — продолжил он. — Но в далеком, очень далеком будущем. Думаю, нам будет лучше оставить ее в покое. Слишком уж мы разные. А вот текущее состояние с Арг Миртом надо прекращать. Все мы были уверены, что там, за гранью, безжизненная земля, воплощенный ад, перемешанный с Мааром и стихийно изрыгающий на нас чудовищ. Но ваши с Гевором открытия показали, что это все еще наша земля. Мы виноваты в том, что она такая. Нам и решать эту проблему. И очень может быть, что ее придется завоевывать силами Нигейра.

Я поморщился. Анг Мирт не вызывал у меня ничего, кроме отвращения и боли в копчике.

— У меня была договоренность с Кольером, — вздохнул Реваль. — О шагах по возвращению Аспида. Анг Мирт должен был стать главной точкой приложения его усилий. Нагр, возрождение школы ноа в Полесной марке, передел Изумрудных островов... Кольер говорит, что не смог переключить парня с Ар Шамале. Он во многом винит Лануэль. Эта кошечка быстро его окрутила, — продолжил он с брезгливостью. — Она неплохо ему помогла, особенно в Шамале, уча ориентироваться в местных реалиях и сводя с нужными людьми. Мы многого не учли, хотя могли бы, — вздохнув, он снова сунул уже остывшую трубку в рот, потом с отвращением бросил ее на стол. — И ведь нападения на Вечных начались как раз с его появлением. Вернее, чуть позже пересечения им Грани. Что это — совпадение или чей-то хитрый план?

— Кстати, о нападениях. Мы тут решили, что ты должен обзавестись личной охраной, — перебила его Ширин, обращаясь ко мне. — У каждого из нас есть личная гвардия. Кроме тебя.

— Пауки, — возразил я, обеспокоенно глядя, как Реваль делает какие-то знаки бесшумно появившемуся на садовой дорожке слуге.

— Структурное подразделение Детей Ворона, — сказала Ширин. — Одно из

нескольких. И к твоей личной безопасности они не имеют отношения.

— Да я сам способен о себе позаботиться, — огрызнулся я, шкурой чувствуя подвох.

— Это не так, — мягко возразила она. — Нам всем стоит стать осторожнее, не только тебе. Но тебе — в первую очередь.

— Меня охраняют исключительно женщины, — пояснил Реваль. — Ты думаешь, все эти шутки про нигiek — просто так? Это и есть моя охрана. И кстати, что бы вы там не трепали, я с ними не сплю, — раздраженно фыркнул он.

Желание поспешно обернуться и улететь усиливалось у меня с каждым словом.

— Мы подобрали тебе телохранителя и помощника, — сказала Ширин. — Очень талантливая молодая женщина, прекрасный боец и отличный специалист по силам и стихиям, как раз по эгри и рох, тому, чем ты плохо владеешь сам.

— Что я вам плохого сделал? Чья это была идея? — свирепо сверкая глазами на с одного на другую, я поднялся с ложа, уже всерьез подумывая обернуться и драпануть.

— Ее, — рассмеялся Реваль, кивнув на Ширин. — А исполнение — мое. И сотрудница моя, не первый год у меня, проверенная. Пусть пока за тобой ходит, приглядит, вместе полетаете. Она, кстати, Крылатая с боевым разрядом, не хуже твоих Пауков должна в воздухе держаться. Я бы вообще посоветовал тебе ее у себя в башне поселить, хотя бы временно. Не волнуйся, твоей личной жизни она мешать не будет.

— Тем более, если мешать абсолютно нечему, — съязвила Ширин.

А ну их, неожиданно смирился я. Поглядим, зачем Ревалю вдруг понадобилось приставить ко мне наблюдателя. Ни за что не поверю, что только из добрых побуждений. Если разберусь, зачем, может быть получится его переиграть... Хотя переиграть эту хитрую старую ящерицу будет посложнее, чем выиграть у Шандра один поединок из трех.

Домой пришлось возвращаться через шеадр, ведя за собой «подарок». Конечно же, в башне я ее селить не собирался. Привыкла, небось, к шамальской роскоши, а у меня там весьма спартанская обстановка. Пусть пока в гостинице у Северной стражи поживет.

«Подарок» звали Джаной. Невысокая молодая особа с буйными рыжими кудрями, худенькая и подвижная, очаровательно большеротая, белокожая и зеленоглазая, с серьезным видом она рассказала мне весь свой послужной список, пока мы добирались до Альбре. Она отрекомендовалась как элементар с базовым джив и устойчивостью к фэйру, но сильнее всего от нее фонило эгри. Я присмотрелся — да, ударный эгри. Хм, хорошо, что она не из Вечных... Опасный получился бы противник. Надо будет обсудить с Шандром, что ей можно поручить, не обижая подозрениями, но и не подставляясь самим. Доверять я ей не собирался, пока точно не выясню, зачем Реваль ее мне навязал.

Глава 26. Прогулка по Рузанне

Последний раз окинув восторженным взглядом панораму Рузанны, открывающуюся с Эксерского холма, Юлька отошла назад от каменного парапета. Старая часть города, с Эксерой и другими сооружениями многотысячелетней давности, располагалась на высоком холме над городом, окруженная полого спускающимися в низину парками и садами. Дальше лежало кольцо более поздних построек, а за ним уже начинался современный город, спускавшийся в низину на юго-восток Лессена, центральной части этой земли. Остальные девять располагались вокруг него — Лименна, Брантом, Вижанна, Ледера, Талес, Шаттор Эст, Брезер и Навр.

Столица впечатляла. Простором, размахом, роскошью и монументальностью строений, обилием храмов и памятников, причудливой смесью эпох. Здесь были целые районы, в которых время замерло с тех пор, как их создали, а были такие, где, несмотря на многочисленные старые постройки, чувствовался дух современности. Площади, гигантские и крохотные, массивные колоннады, древние, как Земля-Основа, и легкие, ажурные аркады прошлого века, помпезные храмы Вечным и уютные маленькие часовни едва ли не древнее самой Эксеры, роскошные дворцы, музеи, театры, элегантные частные особняки, гигантские каскадные фонтаны и скромные рукотворные пруды, шумные пестрые рынки, строгие общественные здания... Казалось, года не хватит, чтобы все осмотреть, обойти и освоить.

Эксера, сердце Рузанны, дом Вагабра и средоточие власти Вечных показалась Юльке невероятно чуждой всей той совокупной культуре Ар Соль, с которой ей до сих пор приходилось сталкиваться. Казалось, это строили не люди, или люди, но имеющие совершенно другие представления о красоте и удобстве. Только тут, в Рузанне, она понемногу стала осознавать, насколько эти края древние. Джилейр обстоятельно, не хуже профессионального экскурсовода, рассказывал ей о каждом любопытном объекте, сыпая названиями исторических периодов, фамилиями знаменитых династий и именами Вечных-предшественников. Информации оказалось так много, что в какой-то момент ее мозг прекратил ее усваивать, и теперь она бездумно разглядывала необычные строения и статуи, изредка откликаясь на реплики своего спутника.

— Ну что, пойдём поужинаем?

Юлька кивнула. Он возил ее на вимме с одной смотровой площадки на другую, но даже так она изрядно устала и совершенно не собиралась отказываться от предложенной им изысканной трапезы в одном из ресторанов столицы. В ней неожиданно проснулся интерес — сможет ли она очаровать его, обмануть и добиться того, о чем просила ее Хозяйка Некроса, так решительно и властно вмешавшаяся в течение ее жизни.

Ширин нашла ее неделю назад прямо во время занятий.

— Расскажи мне еще раз о своей встрече с человеком, который показывал тебе медальон с Наджаром-Филином, — попросила она, выведя Юльку в университетский сад. — И не стесняйся: мне важны и детали, и твои чувства, страхи и подозрения.

Юлька рассказала, описав свою первую попытку сделать собственный фантом. Потом, подумав, упомянула и вторую, случившуюся уже после того, как она повидала Сапу.

— Второй фантом был устойчивее, — пояснила она. — Но при попытке поместить его в концентратор он тоже рассыпался. У меня получается его создать, но не получается сохранить, — подытожила она.

Ширин задумчиво разглядывала ее тем особым, расфокусированным взглядом, которому их самих учили при чтении витасферы.

— У тебя двоится профиль силы, — сказала она после паузы. — Сквозь слой твоего ударного джива проступает... наэр. Ты еще не пробовала направлять их вне концентратора?

— Нет, — напряглась Юлька. — А это плохо? Ну, то что он двоится?

— Необычно, — пояснила Ширин с деланной беспечностью. — Не волнуйся, такое бывает. Давай попробуем поставить несколько экспериментов. Для начала, я хотела бы увидеть своими — а вернее, твоими глазами этот медальон. Для этого тебе придется еще раз встретиться с Джилейром и попросить показать его, под предлогом, что тебе непонятны маар-связи. Сможешь? Или этот тип тебе слишком неприятен?

Юлька задумалась. Нет, Джилейр не отталкивал ее, скорее — заинтриговал и немного очаровал. Почему бы и не попробовать на нем свои новые, недавно выросшие коготочки-умения привлекать мужчин? Тем более, что он и сам не обходил ее вниманием, время от времени напоминая о себе и интересуясь, как у нее продвигаются дела с фантомами.

— Попробую, — решительно кивнула она.

— Отлично, — улыбнулась Ширин. — Далее... давай попытаемся создать и закрепить фантом не Вечного, с которым и в других вопросах много мороки, а обычного человека. У тебя есть подруга, которую ты хорошо знаешь, и которая не откажется быть нарисованной?

Юлька кивнула. Ильнара. Ее выписали недавно и она вернулась в соседнюю с юлькиной комнатку, по-прежнему горюя о Ролли.

— В здешней школе есть один замечательный парнишка, — продолжила Ширин. — Элементал, но рисует, как бог. Несколько лет назад мы с детьми Феникса чуть из-за него не повздорили, — она загадочно усмехнулась, явно вспомнив обстоятельства. — Вас познакомят, и он нарисует ее портрет. А ты потом попробуй создать и законсервировать фантом. Но прежде — надо еще раз увидеть медальон с Наджаром.

Джилейр привел ее в элегантное и необычное место: залы, в которых размещались столики, представляли собою невысокие купола в виде пламени свечи, их своды черного мрамора освещались множеством шарообразных светящихся аэров, висящих в самом верху, а из ослепительно белых стен рельефно выступали разнообразные тела — людей, Двуликих и Вечных. Поначалу Юлька не могла оторваться от этих тел, передающих движения, но потом, заметив, что они повторяются от одной поверхности к другой, углубилась в меню. Есть хотелось ужасно. Сделав заказ и отказавшись от вина, она с любопытством уставилась на своего спутника

— Какое интересное у вас ожерелье, — Джилейр чуть приподнял бровь и улыбнулся, но Юлька уловила его тщательно скрытую усмешку. — Вы позволите рассмотреть его поближе?

Юлька сняла украшение и с деланной небрежностью бросила его прямо ему на тарелку. Покрутив его в руках, он принялся особенно пристально разглядывать синие камни.

— Вы в курсе, что синие — ариады? Причем природные, не искусственные?

Юлька отрицательно покачала головой.

— Я даже не знаю, что это такое.

— Редкий природный камень, очень дорогой и ценный. Почти алмаз, только с дополнительными свойствами преломления пространства. Ключевой элемент решетки шеадра — основа единства наших миров. Их давно выращивают искусственно, однако во многих вопросах приложения сил и стихий ариады незаменимы. Ну а природный — очень мощный и практически вечный.

— Ничего себе, — охнула Юлька.

— А их тут четыре, — Джилейр многозначительно улыбнулся. — Ваше украшение стоит дороже, чем все бриллианты здешних дам. Далеко не каждый знатный дом Рузанны может похвастаться подобным богатством. Хотел бы я знать, — продолжил он, бережно возвращая ей ожерелье и старясь при этом задеть ее пальцы, — кто мог сделать вам столь ценный подарок и какие цели этот человек преследовал?

— Вы представляете... — начала она загадочным тоном, — только прямые. — Щит и концентратор. Только защита и поддержка. И абсолютно бескорыстно.

— Вы так уверены в бескорыстии сильных мира сего? — Джилейр уже не пытался прикрыть насмешку, и Юлька почувствовала, как в ней закипает раздражение, но вместо этого улыбнулась ему очаровательной улыбкой.

— А вы так уверены, что миром правит исключительно корысть?

Продолжить она не успела — им принесли заказанные блюда.

— Кстати, а если этот ариад — искусственный? Вы же сами сказали, их выращивают.

— Искусственные ариады — бесцветно-прозрачные, — возразил Джилейр. — И их энергоемкость в разы меньше. — Кстати, а вы знаете, что под Карраной есть хранилище снятых со старых шеадров ариадов? Истинное золото Карраны — не золотое, а синее.

Так вот куда я провалилась во время искажения Грани, охнула она про себя. И ведь я хорошо помню, где оно находится и как туда попасть... Не так уж и сложно, кстати, если знать, как...

Я слишком много знаю, вдруг подумалось ей с ужасом. Меня пора убить.

Меж тем Джилейр внимательно следил за ее реакцией — от его глаз явно не укрылось ее короткое замешательство.

— Ариад хорош тем, что, встроенный в оправу металл-концентратора, он становится универсальным прибором для работы со стихиями, — продолжил он. — Я бы на вашем месте перенастроил ариады на эгри, но фэйр как ударная сила тоже хорош. Только менее послушен. Это упрямая стихия, мало кому покоряется. А эгри — податлив, хоть и взрывоопасен, когда с ним работаешь.

— А вы? — спросила Юлька, пытаясь, как Ширин, смотреть на него словно бы поверх головы, чтобы увидеть его профиль силы. — С чем работаете вы?

— Базовый рох, ударный эрги, устойчив к джив. Уязвим к наэру, — отрапортовал он с улыбкой, глядя на нее сквозь бокал вина. Ударный эгри Юлька углядела сразу же, а вот базовый рох — стихию воды — нет. — Учился в Рузанне, — добавил он. — Поэтому так хорошо ее и знаю.

— А вы умеете делать фантомы? — спросила Юлька, приканчивая рыбу, которая, несмотря на восторженные рекомендации Джилейра, ей совсем не понравилась.

— Нет, — сокрушенно вздохнул он. — Мы заметили, что женщины в этом деле гораздо искуснее мужчин, благодаря развитой эмоциональной сфере. Причем неважно, что именно вы испытываете к объекту воплощения, любовь или ненависть. Главное — не быть равнодушным.

Юлька задумалась.

— Насколько важно, в какую среду помещается фантом?

— Имеющиеся у нас архивы говорят, что лучше все-таки в концентратор, заряженный наэром, если нет возможности сразу перенести фантом в Маар, — ответил Джилейр.

— В этом-то вся и трудность, — вздохнула Юлька. — Нигейр — это эгри, переносить

его надо в наэр, я сама — джив, и у меня одно гасится другим. Вы не могли бы еще раз показать мне тот медальон с Филином? Я хочу попробовать понять связи между стихиями, как оно все удерживается вместе.

— Да не вопрос, — хмыкнул он. — Медальон у меня дома, в Саманданге. Отдать, к сожалению, не могу, мне самому его доверили под честное слово, но на месте можете разглядывать его, сколько хотите. Может, прямо сегодня и начнем?

Ой, подумала Юлька. Это ж он меня к себе на чашку... хм, кофе, приглашает. В компании с Филином. Сделав вид, что задумалась, она в какой-то момент усомнилась в разумности этого предприятия, но потом мысленно махнула рукой. Как-нибудь выкрутится.

Домой они вернулись через шеадр, оставив прокатную вимму на стоянке около гигантского парка на окраине города, где были десятки шеадров, ведущих во все земли Ар Соль. От шеадра в Саманданге до дома Джилейра тоже было не близко, но Юлька отказалась и от виммы, которую за очень скромную сумму можно было взять на стоянке рядом с выходом, и от воздушного такси, за чуть более высокую плату, предпочитая прогуляться и вспомнить еще раз все указания Ширин по контактному выходу в Маар. Главное, чтобы Джилейр не догадался, что ее «посмотреть» — это на самом деле чуть больше, чем просто разглядывание неизвестного артефакта.

Проводив Юльку в тот же самый зал на верхнем этаже особняка, Джилейр включил кофеварку, а сам ушел в соседнюю комнату, оставив ее одну. В доме было тихо, зато на соседней улице кто-то радостно что-то праздновал, под мандолину и скрипку, с песнями и танцами, и затейливая мелодия неожиданно подогрела Юлькин азарт, добавив куражу. Джилейр вернулся одновременно со звуком кофеварки, оповестившей о готовности кофе. Протянув ей медальон, он разлил ароматный напиток по чашкам, а затем, открыв гладкую стальную панель в стене, указал ей на бар.

— Может, дополним кофе чем-нибудь... более изысканным? — предложил он.

Она покосилась на бутылки. Здесь, в мирах Ар Соль, были и вина, и более крепкие напитки, но ей до сих пор так и не пришлось серьезно с ними познакомиться. Единственный напиток, который ей запомнился больше всех, было горячее вино со специями, там, в башне у Рессера. Нет, рисковать она не будет, хоть и любопытно, конечно.

Взяв в руки медальон, она всмотрелась в детали и привычно провалилась в Маар. Там, оглядевшись, несколько раз громко, с силой, выкрикнула имя Ширин, и почти сразу же отдалилась, вынырнув в реальный мир, но оставив между собой и Мааром тоненькую ниточку связи. Надо подождать, дать ей время найти ее.

Подняв глаза на Джилейра, она увидела, что тот внимательно следит за ней.

— И как? — спросил он, глядя, как она осторожно поглаживает изображение филина кончиками пальцев.

— Вы торопитесь?

— Ничуть.

— Кстати, а почему Вечные не воплощаются? — спросила она, осторожно всматриваясь в изображение и одновременно прислушиваясь к тоненькой ниточке, связавшей ее и мир Некроса. — Есть какое-то общее объяснение?

Джилейр задумчиво потер пальцами подбородок.

— Причины разные... В истории бывали и другие случаи длительного отсутствия тех или иных божеств, не только тех, что не воплощены сегодня. Видите ли... — он пристально посмотрел ей в глаза и откинулся назад, на спинку дивана, на котором они оба

расположились. — Человек, становясь Вечным, выходит за пределы своих возможностей, или делает что-то очень нехарактерное для самого себя. Если мы возьмем, например, Нигейра Алекса, то можно предположить, что выходом за пределы возможного для него стала боевая подготовка и самостоятельный полет. Раньше он был далек от воинского искусства, ведь так?

Юлька кивнула.

— И вырос в совершенно иной среде, — продолжил Джилейр. — Ширин, например, рождается, когда умирает. А Элианна, становясь Вечной, должна отказаться, предать или потерять любовь, — вздохнул он. — Думаю, что наши женщины не готовы жертвовать любовью даже ради перспективы стать Вечной.

Юлька почувствовала, как ниточка напряглась, и снова пристально всмотрелась в медальон. Вновь очутившись в мире Некроса, она увидела рядом с собой темноволосую художавую женщину, ничем не отличающуюся от себя самой в мире реальном.

— Как видишь, все просто, — сказала та. — Ага, вот я его вижу...

И они обе почти одновременно сделали шаг к неподвижной пестрой птице с человеческими глазами.

— Теперь покажи мне медальон, — велела Ширин.

— Как? — растерялась Юлька.

— Я тебе помогу. Смотри мне в лицо не теряй контакта.

Тут она почувствовала, как ее плавно, словно отталкивая, вернули в реальный мир, при этом сохраняя полное видение Некроса.

— Теперь смотри на него.

Юлька послушно уставилась на медальон.

— Ариад, — услышала она голос Ширин. — Природный. Вот в чем дело. Нити очень прочные. Кстати... Попробуй увидеть нити — это энергетические связи, пронизывающие все живое. На нас, Вечных, очень легко практиковаться, у нас они очень толстые и их видно, — пояснила она. — Доучишься до 3 курса, я к вам сама приду, показывать эти нити на своем примере.

Продолжая глядеть на медальон, Юлька медленно оторвала от него взгляд и действительно увидела нити — толстые белесые тускло сияющие линии, вытекающие из медальона и заканчивающиеся в бело-рыжей птице.

— Может быть это и не фантом... — услышала она голос Ширин и, скользнув по ниточкам обратно в Маар, очутилась рядом с ней и с загадочным пернатым существом. — Все Вечные рано или поздно выходят в Маар, — продолжала та. — В Мааре есть слепок личности любых мало-мальски ярких существ. Нет, далеко не все живущие его имеют, — продолжала она объяснение, — но многие. Чем конкретнее, четче слепок в этой изнанке мироздания, тем сильнее, ярче и талантливее базовая личность. С Вечными немного иначе, у них у всех есть второй облик, некая смесь божественной сущности и человеческой личности. То, как они в Мааре себя проявляют, зависит от умения и возраста. Со смертью носителя ипостаси облик Вечного в Мааре исчезает, а потом, с рождением, появляется снова, бледной копией, часто повторяющей облик своей божественной сущности. Чем старше и опытнее Вечный, тем ближе его облик к человеческому.

— Вас я вижу полностью такой же, какая вы в реальности, — сказала Юлька, и Ширин удовлетворенно кивнула.

— Так вот, этот Филин — не совсем слепок... Более того, его и не должно здесь быть.

Сущности, не воплощенные в землях Ар Соль и на Старой Земле, находятся не в этой части Маара. Они там, — Ширин указала вниз, на кристально прозрачную землю Некроса. — Выходить в другой слой Маара им нет никакого интереса. А этот застрял здесь, в нашей части, и он больше похож на полноценное воплощение живого Вечного в облике, чем на фантом. Жаль я его уже не застала, — вздохнула она. — Сравнить бы. Хотя надо бы посмотреть, как его рисовал сам Альсар и дети Альсара, их изображения должны быть не только очень точными, они душу должны передавать... Что ж, молодец, — обратилась она к Юльке. — Спасибо. Мне есть над чем подумать. Как успехи с Ильнаррой? Ты еще не пробовала создавать ее фантом?

— Лизар собрался рисовать ее на следующей неделе, — ответила Юлька.

— Отлично. Я пришлю тебе пару искусственных ариадов, заряженных наэром. Как только сделаешь, выходи в Маар, показать мне результат.

— А что если у меня не выйдет и я не смогу просто так взять и войти сюда? — забеспокоилась Юлька. — До сих пор мне нужна была опора, что-то вроде проводника...

— На тебе есть какая-то мощная боевая защита, сделанная нами, — задумавшись на миг, сказала та. — Кажется, щит даже моими руками настроен... Чувствую собственный фон, — усмехнулась она. — И тоже — ариады. Заряжены фэйром и наэром, правильно?

— Да, — кивнула Юлька.

— Носи почаще, это очень, очень хорошая штука, — прокомментировала она. — По ней и выйдешь. Берешь в руки красный камешек, чувствуешь его эманации, ниточки его ловишь... И представляешь Маар. Тебя сразу выбросит. А потом — зови.

Очнувшись, она искоса глянула на Джилейра — тот все еще полулежал на диване, прикрыв глаза. Заметив, что она очнулась, он вопросительно поднял брови.

— Есть результат? — поинтересовался он, потянувшись к ней всем телом и перехватывая руки с медальоном. Юлька послушно вернула ему артефакт.

— Да, мне кажется, я кое-что поняла, — она энергично кивнула. — Можно продолжать попытки.

— Прекрасно... — улыбнулся он и перетек поближе к ней, небрежно отбросив медальон в сторону. — Завидую тем, кто умеет видеть Некрос, — скользнув рукой по ее волосам, другой он обнял ее за талию и властно притянул к себе. Потом поцеловал, уверенно, долго, с нажимом скользя руками по телу, нащупывая застёжки на одежде.

Нет уж, подумала она с неприязнью — его прикосновения вызывали желание отстраниться. Ты используешь меня — тебе фантомы нужны, ну и развлекись заодно. А я использую тебя. Мы квиты. Прощай.

Она уверенно высвободилась, не дав ему продолжить и мягко, но твердо толкнула его обратно на диван.

— Отличный кофе, спасибо, — и улыбнувшись с очаровательной усмешкой, развернулась и, не позволив ему опомниться, покинула дом.

В дормитории было непривычно тихо, и Юлька порадовалась, что ее никто не видит, а то здешние языкастые девчонки наверняка утром прокомментировали бы ее позднее возвращение. Не то чтобы она боялась слухов, скорее из осторожности предпочитала не привлекать к себе излишнего внимания, но она и так вызывала любопытство у многих, особенно тех, кто слышал про нее как про "сестру Нигейра". Здесь, в открытой студенческой среде, любая мелочь быстро становилась предметом пламенных и пылких дебатов, а иногда и неприкрытого противостояния. Войдя в их совместную с Ильнаррой крохотную прихожую,

она, стараясь не шуметь, сбросила жакет и ботинки, и, уже взявшись за ручку двери, заметила письмо, вставленное в щель. Взмолнованно развернув его, она прочла:

«Румянцев нашелся. Он в Наган-Кархе. Очень ждем тебя. Саша»

Глава 27. Возвращение старого друга

Юлька чуть не сбила караульного с ног и едва не свалилась с лестницы, зацепившись за перила не полностью сложенными крыльями. Румянцев и Саша, уже изрядно пьяные, сидели в оружейном зале. Завидев Юльку, Румянцев неуклюже поднялся и нетвердыми шагами двинулся навстречу, но она первая бросилась ему в объятия и захлебнулась радостными слезами. Когда же объятия стали неловкими, а слезы высохли, она отодвинулась и внимательно на него взглянула, пытаясь понять, что сотворили с ним время и обстоятельства.

Он словно бы вырос — похудел и подтянулся, подсох, прежняя пухлость человека, полжизни проводившего у компьютера, ушла, оставив лишь жесткий костяк, который оказался весьма привлекательным: откуда-то взялись широкие, чуть сутулые плечи, почти исчез, подтянулся живот. Волосы средней длины, подстриженные по здешней моде, теперь вились благородным мягким завитком, лицо потеряло былую отечность и стало суше, но кожа казалась бледнее, карие глаза — печальнее, настороженнее. Что-то неуволимо отличало его от прежнего Румянцева, шумного добряка и фантазера; теперь за его привычной живостью явственно выступала готовность в любой момент то ли спрятаться в раковину, то ли дать отпор.

— Ты изменилась, — улыбнулся он, смутившись под ее внимательным взглядом. — Красавица — глаз не оторвать!

— Хочешь сказать, раньше на меня было противно смотреть? — съязвила она.

— Она кусается, — предупредил Саша с улыбкой.

— Пришлось научиться, — она пододвинула поближе к ним третье кресло и уселась, поискав, что бы съедобного стащить, и Саша, заметив ее голодный взгляд, позвал слугу и попросил добавить закусок на тарелки.

— Рассказывай, — потребовала она. — Я догадываюсь, что ему ты уже все рассказал. Теперь мне, можно короче.

— Я попал в плен, — вздохнул Румянцев. — Ты ведь знаешь, что Анг Мирт заселен людьми?

— Мы их своими глазами видели, — упрекнула его Юлька. — А Сашка с ними время от времени в воздухе воюет.

— Меня допрашивали, — бедняга поежился.

— Били, — коротко уточнил Саша.

— Правда оказалась слишком невероятной. Они мне не верили. Я просидел у них в тюрьме что-то около двух месяцев, а потом меня вдруг нашли.

— Кто нашел? — удивилась Юлька.

— Наши. Сначала меня забрали из крепости в город, и уже оттуда вернули в Солнечные Земли.

— Из того, что я знаю, — неуверенно начала Юлька, — Ар Соль официально не контактирует с Анг Миртом.

— Контактует, — возразил Румянцев. — Только втихую. Без огласки. Анг Мирт, он как бы... как бы промежуточное звено между Старой Землей и Ар Соль. Их общество сильно похоже на наше, с одной стороны, а с другой — это родственная Ар Соль цивилизация. В общем, меня вернули сюда, в Ар Лессен. Какое-то время я восстанавливался после сидения в

тюре, потом стал работать в одном любопытном научном проекте Коллегиума. Постепенно я у них прижился, у Горностаев. Мне понравилось. Когда узнал про то, что Колесов в Змея превратился, стал рваться в гости. Ну и вот, — он развел руками. — Наконец-то.

— И ты не мог раньше передать нам хоть какую-нибудь весточку, что ты жив и здоров? — упрекнула его Юлька.

— А куда передавать-то было? — Румянцев глянул на нее с хмурым недовольством, но потом снова широко улыбнулся. — Очень долго я был уверен, что вы все еще скрываетесь в Ар Хойте. Я слышал про Нигейра, но мне и в голову не приходило, что это Колесов. Я про тебя-то узнал только вчера, когда Сашку встретил.

— И как тебе... твоя новая здешняя жизнь? — Юлька потянулась за только что принесенной тарелкой, на которой горками была сложена всякая вкусная мясная снедь. — По сути, мы все теперь можем спокойно вернуться домой. Вы не думали об этом?

— Думали, — помолчав, сказал Саша. — Какое — то время после Саманданга я считал, что если просто уйду отсюда на Старую Землю, я верну себе человеческое начало, перестав быть Змеем. Потом мне объяснили, — он печально усмехнулся, — что ничего не изменится. У наших миров общая изнанка — Маар. Фактически, это еще одна земля, тень всех наших миров. Одна тень на всех. И божественной силе все равно, по какому из миров гулять, ниточки-то все равно ведут в Некрос и через Некрос — в связанные им земли.

Юлька поморщилась.

— Неправильно называть Маар — Некросом. Это не одно и то же. Кто это тебе так криво объясняет?

— Рейнард, глава школы Эгрок, — ответил Саша. — Я воспользовался твоим советом обратиться к настоящему учителю. Для них Маар — это именно Некрос, не-жизнь. У твоей школы другой подход.

— Ох ничего себе, они уже ученые дискуссии ведут, — радостно фыркнул Румянцев. — Что до меня, я вообще пока возвращаться не собираюсь, меня и здесь неплохо кормят. Вернее, здесь меня кормят лучше, чем там.

— А я не знаю, — вздохнула Юлька. — Я бы хотела, наверное, навеститься домой, дать о себе знать. И просто побыть там, в родном мире, окунуться в него, а там уж решить, где остаться.

— Никто тебе не даст шастать туда-сюда, — сурово заявил Саша. — Нельзя привлекать внимание Основы к технологии пространственных перемещений через Грань. У нас действительно мало защиты от оружия Старой земли. Что мы противопоставим их огнестрельному оружию? А ядерному? Когда-то наги могли все... В этих книгах, — Саша кивнул на стеллаж, — рассказывается о щитах-полготителях, которые могли всосать в себя энергию ядерного взрыва, которую потом можно было переработать в бытовую для зарядки универсальных аккумуляторов-аэров. Где оно все теперь?

— А что, ты в Нагре их еще не нашел? — любопытствовал Румянцев.

— Да мы многое нашли, только разобраться не можем, что это.

— Ну, тогда ищите технологии в Либруме.

— А ты откуда про него знаешь? — изумился Саша.

— Кэйн рассказывал, — пояснил тот. — Вкратце, правда. Когда про тебя объяснял, и про Нагр.

— Кто бы еще сказал, где он, этот Либрум, — проворчал Саша. — Кольер говорит, что

не знает. И раньше не знал.

— Ну, можно поискать, — на лице Румянцева появилась прежняя, хорошо знакомая улыбка до ушей. — Попробовать его вычислить путем сравнения карт эпохи до Нигейра и после него. Работы адова прорва, но у тебя тут целый домен под рукой.

— Для начала нужны старые карты, — проворчал Саша. — Их только по библиотекам, спецархивам да спецхранам поднимать.

— Ну и что? — пожал плечами Румянцев. — Здесь же копии делаются элементарно, при любой библиотеке. Начни с Рузанны, с той же Эксеры. Ты же Вечный, тебе дадут.

— Ага, догонят и еще раз дадут, — бросил Саша со злостью. — Вагабр нынче занят — в виде оленя по лесам бегают.

— Тем более. Для его помощников в его отсутствие ты — власть и сила. Чего ты боишься? Просто начни это делать.

Еще и Либрум, подумала Юлька с ужасом. Открытие Награ сделало его Аспидом. А что будет, если он найдет Либрум — лабораторию и библиотеку?

— Допустим, найду я его, — предположил Саша. — Открывать как будем?

— Ключом?

— Ключи у Даллаха с Хэйгеном. Бесперспективно.

— А ты как в сказке, — заржал Румянцев, — найди им по бабе, которая на ушко нашепчет «Милый, а что это у тебя за колечко такое волшебное?» Ну или дверь взорвем, если не получится.

Саша неожиданно расхохотался.

— Мне нравится твой подход, — ответил он, пружинисто поднимаясь на ноги. Действие алкоголя, если и было, теперь полностью выветрилось. — Ребята... оставайтесь здесь, а? Давайте пореже разлучаться. Я понимаю, у нас нынче у каждого свое место в этом мире, но пожалуйста... давайте будем держаться вместе.

— Да я только за, — ответил Румянцев, и они оба уставились на Юльку.

— Я так не смогу, — ответила она в замешательстве. — Я же учусь. У меня занятия. Но я буду бывать тут почаще, — пообещала она.

— Но хотя бы сегодня ты останешься? — попросил ее Саша, пристально глядя в глаза. Она попыталась отвести взгляд — и не смогла.

— Останусь, — кивнула она, все еще не в силах оторваться от его лица, словно прикованная цепями. — С удовольствием.

Он кивнул, отведя взгляд, и она внутренне расслабилась, с раздражением подумав, что это нечестно — применять силу Змея против своих же. Хотя... она вдруг поняла, что ей и правда хочется остаться. Ради Димки. Вон он как светится, глядя на нее. Как же она рада, что он вернулся...

— А теперь твоя очередь рассказывать, как ты оказалась в Саманданге, — Румянцев покосился на Сашу, который отошел к окну, задумавшись о чем-то своем. — Я толком ничего не понял в его пересказе. Давай с того места, где мы расстались.

Юлька вздохнула и покорно начала рассказывать.

...Дорога, вымощенная ноздреватыми ярко-желтыми плитами, петляла среди зарослей оглушительно благоухающих кустов, покрытых большими ярко-розовыми бутонами. Там, в конце, уже виднеются очертания храма, чем-то похожего на старинные романские церкви Старой Земли. Солнце изрядно припекает, но жар — мягкий, вечерний, обволакивает теплом, не обжигая. С приближением храм становится все больше и больше, и уже можно

разглядеть огромную розу-витраж над входом, собранную из множества разноцветных стеклышек. Пепельно-серая каменная кладка странно гармонирует с лазурным, подернутым белесой дымкой небом. Дверь в храм чуть приоткрыта... Там, внутри, огромное пустое пространство, сумрачное и прохладное. Разноцветные блики от витража рассыпаются по полу. Камень плит стерт тысячами ног и холоден как лед. Свет проникает через витражные стрельчатые окна с обеих сторон. Где-то там, в темноте, кроются статуи. Статуи молчат, не желая являть себя раньше времени, стыдливо прячутся в темноте, белея грациозными телами. Прямо посреди зала на подставке стоит большое, выше человеческого роста, зеркало. Самое обычное зеркало в деревянной оправе, чуть тусклое, с тонкими трещинами по краям. На зеркало наброшено полупрозрачное дымчатое покрывало, напоминающее паутинку. Покрывало слегка мерцает, его края чуть покачиваются от слабого дуновения из приоткрытой двери. Зеркало манит, притягивает. Что отразится в нем, если сбросить покрывало? Храм со статуями, цветные блики или... человек, чья рука тянется к краю тонкой дымчатой ткани?

Можно ведь не снимать его полностью, думает молодая женщина, осторожно трогающая ткань. Только приподнять, подглядеть, что оно отражает. Она осторожно берет его за уголок, но покрывало резко скользит вниз и она едва успевает подхватить его. Неожиданно ворвавшийся в храм ветер бросает на нее паутинку ткани, залепляя лицо. Сбросив ее на плечи, она смотрит в зеркало... Там, за зеркальной поверхностью нет ее отражения, а есть хорошо знакомое черное с алмазными гранями небо, лед под ногами и фигура человека, уходящего к пепельно-серым с алыми блестками скалам. Он идет быстро, словно торопится, завидев кого-то впереди. Кого-то важного...или он убегает? От кого-то, кого не хочет видеть или кому нечего больше сказать?

Она вдруг понимает, что уходящего надо остановить. Нельзя, чтобы он ушел... Но как, как преодолеть разделяющую их зеркальную грань? Она делает шаг в зазеркалье и мгновенно оказывается там, под немислимым черным небом-перевертышем, и бросается, бежит следом, но поздно: человек исчезает в расщелине между скалами, которая стремительно затягивается, словно разорванная недавно Грань. На нее накатывает горе — нереальное, немислимое, неудержимое, рвущее горло горе, от которого хочется кричать во всю глотку и которое не выкричать. Она действительно кричит, захлебываясь слезами, и обнаруживает себя у подножия зеркала, комкающую покрывало. Ей мучительно холодно после ледяного пространства Маара, и она накидывает покрывало на себя, кутаясь в него, как в плащ. Острое, жгущее горло чувство потери притупляется, словно покрывало, укутав ее, дарит ей защищенность и покой. Она поднимает взгляд на зеркало и видит свое отражение... и просыпается.

Юлька села на постели, ощущая удушье. Сон, слава богу, всего лишь сон, начавшийся так красиво и закончившийся так страшно. Вот и Наган Карх, место силы Нигейра, тоже насылает на нее жестокие сны, словно испытывает ее на прочность, поманив райскими картинами и швырнув в итоге в ледяной мир Некроса. Означает ли что-то этот сон, или он всего лишь дань разыгравшемуся воображению, переживаниям от встречи и необычному месту?

Она медленно встала, чувствуя босыми ногами ледяной пол замка. Совсем как там, в Мааре. Ее нынешняя комната была совсем иной — не скромной ученической комнаткой на первом этаже, а просторной, роскошной спальней в исторической части замка, с высокими окнами, завешенными плотными шторами, с собственной ванной комнатой и

небольшой гостиной с искусственным камином. Где-то недалеко, в такой же гостевой комнате, спал Румянцев.

Чувствуя, что сон исчез, она накинула плед и выглянула в коридор, привлеченная каким-то тревожным, неритмичным звуком, словно кто-то шел по коридору, останавливаясь, топчась на месте и все время на что-то натываясь. В щелочку она увидела неожиданное зрелище: Румянцев брел в полутьме с открытыми глазами, спотыкаясь и что-то бормоча себе под нос. Юлька окликнула его по имени, но он не отреагировал. Тогда она выскользнула за ним следом, опасаясь, как бы он не упал где-нибудь на лестнице, но он только время от времени натывался на стены и шарил руками, словно пытаясь нащупать то ли дверь, то ли окно. Дойдя до конца коридора, он вышел в холл с лестницей, опасно подойдя к самому краю, постоял там, а потом развернулся и в том же странном режиме поплелся обратно. Юлька шла следом за ним шаг в шаг, пытаясь понять, что ему снится и что он ищет в своем сомнамбулическом сне. Может быть, им снилось одно и то же, и Румянцев поймал продолжение Юлькиного кошмара? А может быть, он и был тем человеком, так безвозвратно уходящим куда-то в Некрос? Может быть, сейчас он ищет именно ее?

Выдумки все это, вздохнула она, убедившись, что Румянцев добрался до своей постели без последствий, и возвращаясь к себе. Судя по краткому и печальному рассказу Димы, ему здорово досталось в Анг Мирте, и вполне может быть, что подсознание выкидывает с ним вот такие необычные штуки. Бедняга... Он хоть сам знает, что с ним происходит?

Повертевшись в постели, она решила не рассказывать ему о странном ночном походе, а сначала осторожно расспросить. Сон долго не шел, и она заснула лишь под утро, устав от своих страхов и неоформленных подозрений.

Глава 28. В храме Единого

Лизар, тот самый художник, которого прислала Ширин, оказался белокожим черноволосым айором с темными и печальными, в пол-лица, глазами, и только тяжеловатый, с выступающей горбинкой нос и некоторая общая сутулость портили его романтическую внешность. Ильнара была покорена с первого взгляда. Очаровательно улыбаясь и щебеча, она позволила бесцеремонно усадить себя на скамейку, расправить складки юбки и пряди волос и терпеливо ждала, пока он, бормоча что-то неразборчивое, устанавливал мольберт в тени деревьев, несколько раз перенося его из стороны в сторону, а потом возится с палитрой, то и дело недовольно перекладывая кисточки.

Дело близилось к вечеру. Несмотря на самый разгар осени, листья апельсиновых деревьев в университетском саду все еще оставались яркими и сочными, а с гранатовых кустов свисали пухлятые блекло-пунцовые плоды. Юлька наблюдала за парочкой с невесть откуда взявшимся весельем, и когда, наконец, Лизар взялся за кисть, отошла чуть в сторону, боясь помешать, но парень сразу же так углубился в работу, что перестал откликаться на ее реплики. Она с восторгом следила, как из крупных, чуть размытых мазков постепенно проступают хорошо знакомые черты подруги. Он и правда был талантлив: ему не мешало то, что Ильнара вертелась и болтала, более того, вся эта текучая, гибкая подвижность сразу же отразилась на рисунке. Казалось, девушка на фоне гранатовых плодов присела лишь на мгновение, готовая по первому зову сорваться и бежать дальше.

— А почему ты все-таки выбрал школу Джмар, а не художественный лицей? — спросила его Ильнара, когда работа уже подошла к концу.

— Картинками много денег не заработаешь, — буркнул Лизар почти неразборчиво. — Я старший в семье, нас пятеро, папаша любит к бутылке прикладываться. У элементаров перспектив больше в плане работы. Везде возьмут. А хобби... никуда оно не денется, это хобби.

— А ты откуда? — спросила Юлька

— С Ар Иллима, — пояснил он. — Далирия.

— Это самый большой остров, правильно? — уточнила Юлька. Он посмотрел на нее с удивлением, потом словно бы что-то вспомнил и кивнул.

— Не самый большой, а самый густонаселенный и развитый, — поправил он. — Столица. Есть острова и побольше, но они сплошь каменистые. Хотя и там живут, и люди, и Двуликие. Не была еще?

— Нет, — ответила Юлька. — Не успела. Там правда круглый год лето?

— Правда, — коротко бросил Лизар, не отрываясь от рисунка. — Зимой чуть холоднее, и море остывает. Опять же, ветра...

— А там везде можно купаться? — продолжала любопытствовать Юлька. — Что-то мне так хочется к морю, хоть на денечек, хоть на пару часов...

— А вот с этим сложнее, — ответил за Лизара знакомый глуховатый баритон, донесшийся из-за спины. — Берега почти везде высокие, скалистые и обрывистые, песчаные полосы есть не везде. Зато ныряльщикам раздолье.

Юлька поспешно обернулась назад. Рессер стоял чуть в стороне от них, на траве перед клумбой, с добродушным прищуром разглядывая почти законченный рисунок.

— Замечательно, — прокомментировал он, когда Лизар на мгновение отвлекся,

пробормотав нечленораздельное «Здрасьте»

— А мы совсем не заметили, как вы вошли, — рассмеялась Ильнара.

— Да я, в общем-то, и не входил, — хмыкнул Рес, озадачив непосвященных. — Юль, можно тебя на пару минут?

Она отошла от друзей в сторону, испытывая мучительную неловкость. С момента ее неожиданного визита в башню прошло три недели, и с тех пор они не виделись еще ни разу.

— Как у тебя дела? — спросил он, быстро оглянувшись на Ильнару с Лизаром. — Это, я так полагаю, тот эксперимент, о котором говорила Ширин?

Юлька кивнула.

— Спасибо за крылья, — выдавила она, едва ворочая языком. — И за те, починенные, и за новые.

— Подошли? — спросил он быстро, словно смутившись.

Десять дней назад посыльный принес ей новый комплект крыльев. На вопрос, кто их отправил, он только пожал плечами. Новые крылья сидели как влитые, словно по ее мерке сделанные. Материал летных поверхностей оказался легче и прочнее, гравидиск — мощнее, фиксаторы — мягче и удобнее. Самир, не перестававший ее навещать, на днях увидел, как она пробует обновку во дворе дормитория, и, внимательно рассмотрев подарок, заявил, что подобные вещи в магазинах для любителей не продаются.

— Идеально. Они ведь не покупные, да? — продолжила она.

— Для своих Крылатых мы их заказываем, — пояснил он, — в проверенных мастерских у техноасов.

— А как же размеры? — удивилась она.

— У меня хороший глазомер, — улыбнулся он. — Юль, мне опять нужна твоя помощь... Мне нужно попасть на какую-нибудь мессу Единого. Посмотреть, как оно там все происходит — ритуалы, песнопения, сам процесс... Тот Лев Серджента еще не слинял?

— Не слинял, — рассмеялась она. — Но что-то я сильно сомневаюсь, что он будет рад встрече.

— А я птичкой обернусь, — заявил Рес. — Маленькой. Пронесешь меня в сумочке, а потом осторожно высадишь где-нибудь в темном уголке. Можешь даже бросить меня там, я сам обратно выберусь. Ну как, попробуешь?

Юлька медленно кивнула. Самир уже неоднократно звал ее попридти на службу, посвященной Единому, но ей совершенно не хотелось, даже для общего развития. Службы проходили в выходные, но просто так прийти туда было невозможно, в первый раз требовалось, чтобы тебя кто-то привел и поручился за тебя.

— Она как раз послезавтра, — сообщила она, — но мне надо предупредить Самира, чтобы зашел за мной.

— Пошли ему записку, — предложил Рес. — Хочешь, отнесу? В виде маленькой черной птички. Он не догадается.

— Да он сам вечером заявится, — фыркнула она. — Как мне тебя предупредить, если все получится?

— А когда служба? С утра?

Она кивнула.

— Скажи Самиру, пусть ждет тебя за воротами дормитория. Ты спрячешь меня в сумку и выйдешь к нему. Смотри, — он кивнул на Лизара, который показывал счастливой Ильнаре конечный результат. Рисунок получился живым, ярким и красочным, и девушка на портрете

готова была ожить и без всяких фантомов. — Иногда мне ужасно жаль, что я не умею рисовать. Хотя, говорят, научиться никогда не поздно.

Когда утром третьего дня в условленное время она выглянула во дворик, ее ждал не один Рессер. Рядом с ним обнаружилась очаровательная рыжеволосая девушка, одетая в полетный костюм Крылатого. На спине у нее был небольшой рюкзачок с шнурком по горловине. Девушка, ладненькая, обаятельная, зеленоглазая, весело болтала, а он внимательно и серьезно слушал, изредка кивая головой. Ощувив неожиданное раздражение, Юлька с болезненной остротой осознала, что у нее никогда не будет такой тонкой талии, как у этой особы, таких точеных, округлых плеч и грациозных движений. Рыжая, казалось, полностью завладела вниманием своего спутника, и ей вдруг резко расхотелось куда-либо идти, да еще в такой непростой компании.

— Доброе утро, — поздоровались они синхронно, когда она скрипя сердце все-таки спустилась вниз.

— Джана, — рыжая девушка лучезарно улыбнулась и протянула Юльке свою маленькую узкую ладошку, все пальцы которой были унизаны тонкими колечками.

— Мы решили на всякий случай не подвергать тебя опасности, — выражение лица Рессера было на редкость серьезным. — Я спрячусь в ее рюкзак, — он кивнул на девушку. — Она, если что, нас обоих прикроет. И возьмет Самира на себя.

Отойдя в тень дерева, он стремительно сменил облик и уменьшился, став обычным вороном средних размеров. Джана расшнуровала рюкзак, позволила ему нырнуть внутрь и, оставив завязки свободными, снова накинула его на спину.

— Пошли? — подхватив Юльку под руку, девушка потащила ее к выходу.

Самир, обнаружив еще одну даму, болтал без умолку, стараясь произвести на нее впечатление. Джана очаровательно улыбалась, смущенно хихикала, серьезно внимала его речам, и под конец, когда они пришли в белое чистенькое патио, приняла вид глубокомысленный и восторженный. В рюкзаке время от времени что-то шебуршало и скреблось, но очарованный внимательной и доверчивой спутницей Самир словно бы не замечал живущий своей жизнью вещмешок.

Все службы, проходившие в храмах Вечных, были, по сути, одинаковы — совместный хорал, чтение отрывков из божественного канона, индивидуального у каждого из божеств, чтение молитв, благодарение, завершающий хорал. Служба Единому мало чем отличалась от всех остальных: Юлька вполуха слушала такие же священные тексты, часть которых она уже читала, общие песнопения и молитвы, а небольшая притча в конце службы показалась ей слишком уж нравоучительной, зато музыка произвела приятное впечатление: она поймала себя на том, что тихонько напевает незатейливую, легко запоминающуюся мелодию. Под конец люди по одному направлялись в скрытое за арочным проходом помещение с красочной фреской Единого над ним. Самир, заметив Юлькину нерешительность, взял ее за руку и подвел к каменному алтарю, на котором стояла изящная хрустальная чаша с маленьким кинжалом около нее. Уколов ладонь и капнув в чашу несколько капель, он протянул кинжал ей. Замешкавшись, она увидела, что чаша уже на четверть наполнена кровью, осторожно кольнула палец и стряхнула в нее пару капель. Джана зашла следом за ними, а когда вернулась, рюкзачок за спиной как-то нервно подрагивал.

Выйдя на улицу, Юлька растерялась. Ей хотелось услышать мнение Реса, но для этого надо было отвязаться от Самира, который категорически не хотел их покидать, зазывая выпить кофе с пирожным в популярную самандангскую кофейню. Пришлось согласиться.

По дороге Джана ненадолго отстала, задержавшись за поворотом, а когда нагнала, рюкзачок явно уменьшился и больше не подавал признаков жизни.

К счастью, в кофейне не оказалось свободных мест и девушки, выразив сожаление и горячо поблагодарив молодого человека за интересную экскурсию, решительно бросили его, заявив, что им обязательно нужно к полудню вернуться в университет. Оказалось, Джана с Ресом договорились ждать друг друга в патио дормитория, если им придется разделиться. Когда девушки вернулись домой, он уже сидел, а вернее — лежал на скамейке под апельсиновым деревом, закинув ногу на ногу и что-то насвистывая.

— Быстро вы, — хмыкнул он, завидев девушек. — Надеюсь, вы не слишком жестоко обошлись с беднягой?

— Ему-то что, — фыркнула Юлька. — А вот у бедной Джаны, наверное, синяки на спине останутся от некоторых беспокойных спутников.

— Правда что ли? — Рес насмешливо приподнял брови, покосившись на Джану.

— Нет-нет, — поспешно заверила она. — Все в порядке. Вы заметили что-нибудь интересное?

— В целом — да. Юль, а ты не пыталась смотреть в Маар, пока шла служба?

— Нет, — удивилась Юлька. — А надо было?

— Ну, ты же умеешь. Сравнили бы картину.

— А что видел ты?

— Нити жизни, — начал Рессер, посерьезнев. — От верующих в Маар. Все как обычно. А вот потом, когда вы кровь жертвовали, стало интереснее... Там, на горизонте, что-то замаячило. К сожалению, связи были слишком тонкие и слабые, существо, к которому они тянулись, находилось очень уж далеко и формы не обрело. Когда вы отдалились от чаши с кровью, меня отбросило в сторону от того места, где я вошел, и я перестал видеть получателя силы.

— Но он есть? — поинтересовалась Джана.

Рес кивнул.

— Точно есть. Что, в общем-то, и требовалось доказать, — он стремительно поднялся, словно неожиданно вспомнил о чем-то важном. — Думаю, тут пока все, больше мы ничего полезного от этих демонологов не узнаем. Спасибо, Юль, и извини за беспокойство. Надеюсь, мы не испортили тебе выходной.

Неожиданно Юльке захотелось сказать ему что-нибудь язвительное, но она сдержалась. Рес шутливо поклонился, Джана витиевато поблагодарила ее, и они неспешно покинули дворик, оживленно переговариваясь вполголоса, словно старые друзья. Взглядом проводив их до ворот, Юлька вернулась к себе и поднялась на галерею, прикидывая, чем лучше заняться — почитать что-нибудь полезное или вытащить Ильнару погулять, но настроение почему-то испортилось окончательно. Неожиданно для себя она достала новые крылья и, быстро переодевшись, выбралась на крышу угловой части дормитория, на площадку для Крылатых. Рессер и Джана еще виднелись на дальнем конце улицы, но она решительно развернулась в противоположную сторону и круто взлетела над крышами. Ей есть чем заняться и без них... Вечером она попробует создать фантом Ильнары, а завтра наведается в Наган-Карх и может быть, даже переночует там, предприняв очередную попытку разобраться, что происходит с Румянцевым.

Глава 29. Анг Мирт. Чужая тварь

— И как долго все это длится? — я поежился, неприязненно озираясь по сторонам. — До чего здесь... мрачно.

— Зависит от числа казнимых, — пояснил Хельм.

На площади яблоку было негде упасть. Несмотря на душный, влажный полдень, тускло-серое небо с грязно-фиолетовыми сполохами наводило на мысль о наступающих сумерках, сверху изредка долетали сухие, словно надтреснутые, громовые раскаты, но с утра упало всего лишь несколько крупных дождевых капель. Толпа, собравшаяся на площади, в центре которой возвышался удивительного вида монумент, сочилась-переливалась возбуждением; нервный гул людских разговоров волнами прокатывался вдоль и поперек, то взмывая на гребень, то стремительно опадая.

Я наткнулся на описание публичных казней в отчетах Освина и сразу же забеспокоился. Преступников казнили у обелиска Единому при большом стечении народа по одному и тому же сценарию, делая казнь длительной и зрелищной и превращая ее в ритуал. Мне сразу же вспомнился недавний визит в Саманданг и та крохотная кровавая жертва, приносимая Единому в его маленьком тайном храме. Мы, Вечные, сами приносим себе жертвы, когда охотимся. Та жертва Единому была добровольной и не содержала ни жестокости, ни насилия, но моя воронова сущность неожиданно отреагировала на приношение кровью. Меня-демона, конечно же, прокляли во время чтения канона, и эти крохотные капли крови, даримые Единому его почитателями, странно нервировали меня-Ворона и затягивали глубже в пространство Некроса. Когда Джана стала отдаляться от жертвенной чаши, все мое существо воспротивилось: Ворон во мне требовал остаться там и глотнуть из чаши, испытывая нечто, похожее на обычную жажду, а меня-человека потом навязчиво преследовал солоновато-сладкий вкус крови, так хорошо знакомый по эпизодам вороновой охоты.

Тут, в Анг Мирте, на городской площади, приносилось совсем не несколько капель, и не добровольно. Жертва, жестокая и кровавая, да еще и не одна, да еще и поддержанная, как в храме во время молитвы, эмоциями верующих, должна работать посильнее, чем обычная охота.

Шандр был категорически против моего путешествия в Анг Мирт, особенно когда узнал, что я не только казнь собираюсь смотреть, но и полетать над крепостями. В крепости Шен у Остина зафиксировался визуальный контакт, и перед отправлением во Фрейфен я поставил и настроил еще одно наблюдающее Зеркало.

— Да что там со мной может приключиться? — разозлился я, выслушав его нудную многословную отповедь.

— Подстрелят. Над крепостью.

— Зачем им палить по птице?

— По наглой птице, — уточнил Шандр язвительно.

— Я буду вести себя тише воды ниже травы, — пообещал я.

— Попадешься местным властям в человеческом облике.

— Гевор сделает мне любые электронные карточки. И универсальную отмычку. И я буду очень осторожен.

— Все твои клятвы быть осторожным заканчиваются какими-то особо извращенными

неприятностями.

— Я выпутаюсь.

— Лучше не встречай. И не забудь про конкурс мастеров, он уже скоро.

— Я вернусь, — пообещал я.

— Целым и невредимым, — назидательно заявил мой друг и помощник. — Если ты опять во что-нибудь встрянешь, я... я тебя сам убью, чтоб не мучился.

Вернулся Освин, ходивший узнать подробности сегодняшней экзекуции.

— Двое, — сообщил он с явным облегчением. — Не очень долго. Только... Народ все равно заводится. Тошнотворное зрелище.

— Сколько подобных монументов вы насчитали в городе? — поинтересовался я.

— По два на каждой террасе, — ответил Хельм.

— Ничего себе, — пробормотал я. — 24 террасы, это значит — 48 открытых алтарей?

Хельм кивнул.

— Если Единый существует, он должен быть очень сильным созданием, — сказал он задумчиво. — Не слабее вас, Вечных.

Я кивнул. Именно это меня и беспокоило.

Площадь неправильной формы, в виде вытянутого пятиугольника, могла вместить — и вмещала — тысячи жаждущих зрелища. В центре, на фоне серо-стальных и грязно-коричневых высотных коробок, террасами и уступами лезущих к небу, возвышался гигантский монумент — черная колонна с навершием в виде языка пламени, из того же камня, из которого были построены военные крепости в пустошах. Постамент окружали до боли знакомые фигуры-образы, все те же олень, леопард, змей, зубр, ворон и прочие, умело и искусно выточенные в камне. Поразительно, но сквозь их звериные черты проступали почти человеческие лица.

Еще вчера мы с Освиным рассматривали их, поражаясь таланту скульптора, поймавшего ту грань, что разделяет человека и его зверя и сумевшего так точно выразить ее с помощью резца. Я, естественно, буквально приклеился к скульптуре ворона — клюв похож на нос, плечи крыльев выглядят как человеческие руки, из которых растут сами крылья. Смотрелось это натуралистично и жутко, и я предположил, что во время трансформации люди видят меня именно таким. Второе изображение, которое вызвало у меня не менее сильное восхищение — олень с головой зверя и корпусом человека, чья рука пыталась дотянуться до расположенной над ним фигуры Единого.

Единый находился выше круга тянущихся к нему демонов. Нагой юноша, чьи чресла были элегантно прикрыты ниспадающим через бедро покрывалом, стоял, выставив ногу вперед, опираясь спиной на колонну, и взирал на собравшуюся у подножия монумента толпу с неизбывной глубокомысленной печалью. Там, у его ног, создатели монумента оставили широкое пространство, на котором была смонтирована конструкция эшафота. Уже сейчас там копошились люди в форме, по словам Освина, местные блюстители порядка, называемые службой охраны спокойствия — СОС.

— Есть что-нибудь новое о частоте и месте прорывов? — спросил я, чтобы отвлечься от тягостного ожидания. Уже сейчас меня раздражали эмоции толпы, я чувствовал нервное, почти истерическое возбуждение, разлитое в воздухе, и Ворон во мне беспокойно заворочался. Я не так давно охотился, и мой демон был сыт и спокоен, но тут неожиданно для себя я почувствовал мучительный приступ голода, такой, что с трудом подавил желание

обернуться и жадно кинуться на ближайшее теплокровное существо. Хорошо, что я настоял, чтобы Джана, мой дареный телохранитель, осталась дома, хотя она страстно рвалась защищать меня от неведомых опасностей. По правде говоря, я так и не сказал ей, куда направляюсь: до сих пор у нас к ней не было доверия.

«Подарок» Реваля зря времени не терял — она активно осваивалась среди Пауков, увязываясь за мной даже на боевые вылеты, когда рвалась Грань. Оказалось, что она отлично владеет парными саблями, только в первый свой бой она их сразу же потеряла. Дерзко запрыгнув в одну из уходящих по тревоге вимм, она сунулась со своими шамальскими клинками к какому-то мелкому нэргу и сразу же осталась с двумя тоненькими обгрызенными полосками — нэрги "съели" обычный клинок за один подход. Пауки, обнаружившие неожиданного добровольца, вручили ей огнемет — дожигать ошметки гранеедов. Шандр, когда бой закончился, устроил разнос ей и тому воину, что позволил ей сесть в вимму, отправив его на сутки под арест. С ней самой должен был разбираться я, но я тянул, не зная, что предпринять. Больше всего мне хотелось прикинуться, что ничего не произошло, что было в корне неверно и могло повлечь за собой опасные последствия.

— Есть некий предварительный график, — ответил Хельм. — Зависящий от накопления энергии на генераторных станциях.

— Как часто они собираются задействовать эгри-резак?

— Не часто. Он энергоемкий, — пояснил тот. — Зато болиды клепают с утроенной скоростью. В прессе чуть ли не ежедневно сообщают об успехах производства, но по моим оценкам, все далеко не так радужно, как они рассказывают населению. Металла у них недостаточно, а композитные материалы хоть и разработаны, но их не так быстро произвести в нужном количестве.

— Наги больше не участвуют в защите Грани? — поинтересовался Освин.

Не зная, что ответить, я отрицательно покачал головой. Не хотелось их огорчать, но я уже и не надеялся на помощь Нигейра. За прошедший месяц мы усилили виммы по их образцам, обучили арл-стрелков, установили на них арлы с оптикой, усовершенствованные под стрелы Некроса. Я сам неплохо справлялся с болидами, если при вылете брал на себя много металла, усиливая когти и делая их острыми, как штыри. Разгоняясь до их скорости, я пикировал сверху и протыкал кабину, разрывая ее над пилотом, но при этом я попадал под обстрел, а у этих ребят тоже имелось вооружение. Я почти ничего не чувствовал в пылу боя, но когда становился человеком, то обнаруживал на теле синяки или даже небольшие ранения. Еще я мог сбивать их концентрированным воздушным ударом, так же, как Нигейра в небе над Самандангом, но от подобных атак шел резонанс — воздушная волна распространялась дальше, снося все подряд, чужих и своих.

Против болидов хорошо работали эгри-стрелы, но при попадании в топливный бак болид взрывался, а его обломки разлетались на большое расстояние, раня своих и оставляя на земле вонючие куски пластика и искореженного металла. В итоге мы остановились на стрелах Некроса как на самом эффективном оружии, но у нас были сложности с пополнением запаса и зарядкой этих многоразовых устройств — стрел-концентраторов, чей наконечник раскрывался звездочкой, входя в цель и выпуская наэр на свободу. Своих мастеров наэра необходимого уровня у нас не было, приходилось возить их на зарядку в Нуэйн. Иногда я заряжал их сам, изрядно выматываясь от работы с неприсущей мне стихией.

Мы справлялись. Пока что. Но как же тяжело и печально нам было без поддержки ордена Аспида... Такого не было даже раньше, в те времена, когда золотые крылья Нигейра

еще не реяли в наших небесах.

Из печальной задумчивости меня вывел скрежещущий звук то ли гонга, то ли сирены.

— Начинается, — поморщился Освин.

Толпа притихла, глядя, как на помост один за другим поднимаются люди в форме, ведя за собой двух приговоренных. Один из чинов долго и монотонно зачитывал приговор, в котором оказалось слишком много статей — от покушения на общественное спокойствие до измены родине. Ворон во мне опять заворочался, встрепенулся от чего-то хорошо знакомого, но давно забытого, с жадной готовностью облизываясь в предвкушении обильной, легкой, сладкой жертвы...

Стоп. Спокойно. Тварь, знай свое место. Я несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, на всякий случай отойдя подальше от Освина и сделав ему знак, чтобы он оставался на своем месте. Чтобы отвлечься, я снова стал пристально разглядывать пантеон существ у ног Единого. Рысь, леопард, феникс, олень, зубр, ворон, женщина... Все свои, узнаваемые, и все таки что-то здесь не так. Я попытался ухватить мысль, но она ускользала от меня, сбиваемая противоестественным волнением, идущим от тесно окруживших меня людей, со всех сторон напиравших друг на друга.

Жертв вытолкнули на помост, продемонстрировав их толпе. Площадь разразилась криками и проклятиями в их адрес, громовая волна поднялась, прокатилась и утихла только после оглушительного сигнала гонга. Шум стих, из динамиков над площадью полился торжественный хорал, постепенно подхваченный зрителями. Примитивные стихи и рифмы, обращенные к Единому с просьбой покарать, защитить и указать верный путь, тонули в мощном симфоническом многоцветии и расцветали чистотою высоких детских и женских голосов. Не знаю, что потрясло меня сильнее — красота музыки или неожиданное единение людей в душевном порыве. Какое-то время мой собственный зверь притих, восторженно внимая чарующей мелодии...

А потом началась собственно казнь. Приговоренных закрепили в подвешенном состоянии на раме над площадкой у ног Единого. В ход пошли шок-бичи. Палач владел им виртуозно — жертвы умирали медленно, в мучениях, кровь мало помалу заливала площадку, текла по желобам под ноги Единому, а потом по мелким желобкам стекала к фигурам демонов и тонкими струйками обагрляла каждого из них. Толпа неистовствовала. Кто-то кричал, бился в истерике, кто-то замер в неподвижности, не в силах оторваться от жестокого зрелища; кто-то равнодушно болтал о повседневном, кто-то цинично комментировал. Когда смерть остановила кровавую экзекуцию, толпа все еще продолжала кричать. Тела бросили на помосте у ног бога, объявив правосудие свершившимся.

Но финала я уже не видел. Как только первые капли крови коснулись фигуры Ворона, меня силком вышвырнуло в Маар. На какое-то время я потерял ощущение себя, не чувствуя облика: я не мог понять, человек я или уже Ворон. В конце концов, обретя равновесие, я осмотрелся. Жертвенная кровь выглядела здесь как сияющий серебром туман, который питали ниточки, тянущиеся из витасферы. Благодаря им туман рос и расширялся, создавая небольшое, но очень насыщенное озерцо, к которому с разных сторон изнанки миров стекались странные существа. Кровь-жизнь-энергия притягивала их, напитывая силой и расширяя возможности. Если этот насыщенный концентрат из джива-эгри-наэра дает нам, Вечным, возможность длить свою жизнь бесконечно долго, то что он может дать тем сущностям, что заперты в Мааре? Не могут ли они, несмотря на уверенность Ширин, все же выйти из Некроса в Витос?

Я осторожно подошел к сияющему озерцу. Тело мое дрожало, захлебываясь желанием сродни экстатическому, мне казалось, что руки мои все время норовят трансформироваться в крылья. Там, на другой стороне, вырисовывалось уже несколько подобранных к энергетической кормушке существ. Обликом они напоминали все тех же Вечных, только бесплотных. Присмотревшись, я понял, что выглядят они почти так же, как скульптуры на монументе. Кто-то из них оказался более телесным, у кого-то лучше проступали черты лица или морды, кто-то двигался легче и естественней. Каждый из них тянулся к озеру, пытаясь прикоснуться, глотнуть, лизнуть источник силы, а дотянувшись, становился еще четче, ярче, плотнее — вещественнее.

А потом позади них я заметил ЭТО. За их спинами медленно, но верно вырастало материализовалось, воплощалось удивительное существо. Я вздрогнул — я уже видел его раньше. Еще тогда, в Шеннон Аре, когда пытался разобраться с территориями, выкупленными подставной корпорацией «Блик», я столкнулся с ним во плоти и крови. Угрюмая белая с черными полосами тварь, с неестественно приплюснутой мордой, на которой светились три миндалевидных желтых глаза, с тремя симметрично расположенными ноздрями, под которыми виднелась пасть с множеством мелких острых зубов, из которых выделялись четыре симметричных клыка. Длинная сильная и мускулистая спина заканчивалась гибким шипастым хвостом, который, похоже, имел на конце что-то вроде скорпионьего жала.

Меня передернуло от отвращения. Это дикое, омерзительное порождение изнанки мироздания пришло сюда покормиться на зов одуревшей толпы. Остальные осторожно пятились, стараясь не привлекать внимания чудовища. Я уставился на него, пытаюсь вспомнить ту тварь в Шеннон Аре и убедиться в их сходстве, и оно тоже неожиданно подняло на меня глаза. Какое-то время мы смотрели друг на друга, не отрываясь, и на меня накатил удушливый, тошнотворный страх, вызванный не только уродливой внешностью этого выкидыша то ли Некроса, то ли людской фантазии, но и явной психической атакой. Мне показалось, что я задыхаюсь... С трудом вырвавшись из его хватки, приковавшей меня, словно обычного смертного, я попятился и отошел подальше от сияющего озерца силы. Чудовище опустило морду и в несколько плотков опустошило его. Потом, развернувшись, неторопливо и вальяжно потопало куда-то в сторону багровых скал.

Я смотрел ему вслед, опасаясь сдвинуться с места. А потом... потом я увидел Ворона.

Грудная клетка и руки у него были человеческие, но руки, как и у демона на монументе, переходили в крылья, заканчиваясь острыми перьями-саблями. Голова и остальная часть тела точно копировали ворона, но голову вместо перьев венчали обычные человеческие волосы, волнистые, как у меня самого, но длинные, до плеч. С трудом я признал, что сходство имеется, и весьма значительное. Я много времени провожу в облике Ворона. Фактически, я уже получеловек-полуптица. Я холоден, как он, и бываю не менее жесток. И я — одиночка. Действительно, демон...

Он бросился на меня, пока я рассеянно рассуждал о нашем сходстве. Я едва увернулся, уйдя от его острых, как бритва, крыльев, и судорожно попытался сообразить, каким арсеналом средств я располагаю здесь, в мире Некроса, чтобы защитить себя. Я даже не знаю, как выгляжу... Похоже, сейчас мы были с ним одинаковой плотности — то ли он нарастил материальность, то ли я потерял свою, то ли все мы в Мааре были равны.

Похоже, здесь я был только человеком. Когда он снова попытался атаковать меня, я понял, что его ярость не имеет ничего общего с разумом — хищная ярость зверя,

встретившего равного противника. Я ударил его кулаком в мягкое, незащищенное подбрюшье, отбрасывая назад и уворачиваясь. И еще. И еще...

В конце концов мне удалось завалить его захватом корпуса. Отшвырнув нетяжелое тело двойника подальше, я вскочил на ноги, развернулся и выбросил вперед руку, словно отталкиваясь от черно-багрового неба с целью выйти из Маара, но в то же мгновение почувствовал, как меня пронзили несколько острых ножей. Из груди выступили перья-лезвия... Боли не было — пространство просто перестало существовать, тьма рухнула на меня многотонной тяжестью, свалив в глухое безжизненное небытие.

Глава 30. Новые лица

Ближе к вечеру, прихватив с собой кое-какие вещи и пару учебников, Юлька отправилась в Наган Карх. Испытывая голод, она свернула в столовую замка и была приятно удивлена, что ее тут помнят. Ее приветствовали так, словно она никуда не исчезала на полгода, а повар до сих пор помнил ее любимое блюдо. Настроение, непривычно подавленное и печальное, неожиданно пошло вверх. Сытая, довольная и почти счастливая, она словно на крыльях влетела в оружейный зал, и обнаружила, что ни Саши, ни Румянцева там нет. Зато в одном из кресел с книжкой в руке обнаружился странный парень — худенький, невысокий, изящный и кажется, совсем молоденький, вряд ли старше 18 лет. «Элез или айор? — подумала она, бесцеремонно разглядывая его приятное, но негармоничное лицо. — Наверно, все-таки айор, волосы черные, и нос...» Мальчишка, заметив ее интерес, приветственно махнул рукой, приглашая садиться.

— Ты, наверно, Юля, да? — улыбнулся он открытой, добродушной улыбкой, но глаза при этом цепко и весьма бесцеремонно пробежались по ее лицу и фигуре. — Наш красавец Аспид улетел на переговоры с маркграфами Ирнана. Со своей тенью, конечно же.

— Ты про Кольера? — переспросила она, удивляясь его непочтительности, переходящей в наглость.

— Про него, — бросил юноша с явно заметным недовольством. — Странный он, тебе не кажется? Ты знаешь, сколько ему лет?

— Не знаю, — ответила она, усаживаясь напротив удивительного гостя и продолжая разглядывать его не менее бесцеремонно, чем он ее. На деле за его легкомысленным обликом, за внешностью юного ангела скрывался некто совершенно иной — гораздо старше, глубже и опаснее. Посмотрев на него поверх головы расфокусированным взглядом, так, как учили на занятиях, она отчетливо увидела нежно-лазурное сияние рох и острые зеленые лучики джив, уходящие куда-то в бесконечность. Базовый рох, ударный — джив, подумала она с четким пониманием, что так оно и есть. И он не просто человек. Или сильный элементал школы Эгрох, или... Вечный. И этот камень на шее, на тоненькой цепочке, маленький ярко-синий камень в дымчатой оправе концентратора, уж не природный ли ариад...

— 844, - шепотом ответил тот, явно ожидая ее изумленной реакции, но Юлька, и без его подсказок подозревавшая, что с Кольером все не так просто, только слегка кивнула.

— И как он умудрился так хорошо сохраниться? — спросила она с показным равнодушием.

— Ритуал, — охотно откликнулся разговорчивый юноша. — Жертвоприношение самому себе, что-то вроде того, как продлевают себе жизнь Вечные. Кровушка плюс выпивание души, — тут он опять явно ждал ее реакции, но Юлька, раскусив его, лишь брезгливо поморщилась. — Очень старый прием, возможно, еще эпохи до раскола земель. Любопытно, как он узнал?

Юлька пожалала плечами, стараясь сохранять равнодушие. Обычный вампир, только не мертвый. Таких вон в мифологии родной Земли-Основы пруд пруди. Может до раскола земель они там табунами бегали, не зря ж про них столько легенд ходит.

Продолжать обсуждение личности Кольера ей не хотелось

— А где Румянцев? — поинтересовалась она.

— Тут я, — голос Димки возник откуда-то из-за спины, и она поспешно оглянулась — он спускался с верхней площадки. — Смотреть ходил. Виды... аж завидно. Вообще завидую вам обоим лютой завистью — вы летать научились.

— И я завидую, — встрял мальчишка.

— А что мешает научиться?

— Я высоты боюсь, — буркнул тот.

— А мне еще в Рамьене сказали, что поздно, — добавил Румянцев.

— Слушай, ты бы представил мне своего друга, — шепнула Юлька ему на ухо, когда он наклонился к ней, чтобы чмокнуть в щечку.

— Юля, это Кинэн, — Румянцев театрально выбросил вперед правую руку. — Кинэн, это Юля.

— Можешь по имени, — хмыкнул Кинэн Горностай. — И Верховным не называй, а то у меня от этого обращения скулы сводит. — Слушай, мы есть будем? — спросил он, повернувшись к Румянцеву. — Или пока Алекс не прилетит, нам пожрать так и не принесут?

— Давай я в столовку схожу, — предложил Румянцев. — А то я не уверен, что они скоро.

Но Саша появился через полчаса. За это время Кинэн успел Юльку заболтать. За его веселым непосредственным трепом скрывалась какая-то цель: он кидал ей вразнобой кусочки информации и ждал, как она отреагирует. Знает? Или нет? Если да, то как относится? Юлька старалась выглядеть равнодушной всезнайкой, пытаясь поддерживать с ним разговор в том же непосредственном дружеском тоне, но под конец неожиданно почувствовала, что до изнеможения устала. Еще он все время пытался поймать ее взгляд, и от этих попыток ей делалось вдвойне неуютно: ей вспомнилось, что Горностай, ввиду малых размеров, охотится хитростью, наводя морок и убивая страхом. Когда вернулись Саша и Кольер, она была несказанно рада, что его внимание переключилось на них.

Саша выглядел довольным, Кольер был как всегда сух и непроницаем. Немного посидев в общей компании и отпустив несколько кратких комментариев к Сашину описанию встречи с ирнанскими маркграфами, он извинился, сославшись на усталость, и ушел.

Мужчины, давно и хорошо знакомые, углубились в обсуждение местной политики, и Юлька быстро потеряла нить разговора. Постепенно ее начало клонить в сон. Румянцев искоса поглядывал на нее, иногда отвлекаясь и поясняя ей те или иные подробности, она вежливо кивала и все равно через несколько минут опять начинала клевать носом. Устав бороться с самой собой, она встала, извинилась перед мужчинами и, очаровательно улыбнувшись, пожелала им спокойной ночи. Уйдя к себе, она с облегчением легла в постель и сразу же провалилась в сон.

Проснувшись она от того же самого тревожного чувства, что настигло ее в предыдущую ночевку в Наган-Кархе. Опять завернувшись в теплый плед, она выглянула в коридор, и увидела ту же самую картину — сомнамбула-Румянцев шаркающей походкой брел по коридору, изредка наступая на чересчур длинные штанины пижамы и спотыкаясь. Юлька выскользнула вслед за ним, уже не отставая и не скрываясь — он все равно ее не замечал. В этот раз Румянцев прошел гораздо дальше: благополучно поднявшись по лестнице на целых два пролета, он остановился на площадке перед декоративной нишей-аркой. Такие ниши были и на предыдущих лестничных площадках, но Румянцев замер именно перед этой. Неуверенно потоптавшись, он протянул к ней руку и принялся шарить по выпуклой каменной кладке, словно ища ручку двери. Юлька хихикнула, вспомнив дверь в туалет в

кабинете у Реса. Тут, может, то же самое. Традиция у них такая, двери в туалет под декоративные ниши маскировать. Но Румянцев так и не нашел способа проникнуть за арку. Потоптавшись еще немного, он, по-прежнему в состоянии глубокого сна, развернулся и пошел обратно. Юлька проводила его до спальни, подсмотрев, как он забирается под одеяло, словно и не шатался нигде, и, издав удовлетворенный вздох, закрывает невидящие глаза.

Странно все это. Более чем странно. Попробовать расспросить его, что ли? Вдруг он в курсе, что бродит во сне? Юлька заставила себя лечь в постель и закрыла глаза. Но сон не шел. Провертевшись до первых лучей солнца и так и не сомкнув глаз, она встала, надела крылья и решительно сиганула с башни Аспида. Ледяной утренний воздух вернул ей бодрость и самообладание, из головы ветром выбило всю ночную муть. Сделав круг над Стеклоанной башней, она решительно взяла направление на город — надо было возвращаться в школу, на занятия. Приземлившись на окраине безлюдной Кархи, она прошла через шеадр и очутилась в таком же безлюдном и сонном, но уже теплом и солнечном Саманданге.

В дормитории уже появились первые ранние пташки, из тех студентов, кто привык рано вставать. Не обращая внимания на их многозначительные ухмылки, Юлька поднялась к себе в комнату — там, на крохотном рабочем столе, лежал прозрачно-белый ариад искусственного происхождения, вставленный в темно-дымчатую оправу, а рядом — портрет Ильнары. Неожиданно ощутив прилив сил, она уверенно уселась за стол и, глядя на портрет, взяла ариад в руки. Ильнара на картине словно бы ожила, переместившись на внутренний экран ее воображения. Юлька вливала в образ силы, подпитывая его откуда-то взявшейся энергией, а потом, мысленно уменьшив девушку до размеров крохотной куклы, бережно перенесла в теплый сияющий шар, удерживаемый жесткой каемкой контура. В сознании вдруг произошел мини-взрыв, ослепив ее на несколько мгновений. Когда Юлька проморгалась, то увидела, что фигурка девушки действительно невообразимым образом очутилась внутри камня. Ариад капельку потускнел, зато очертания девушки в камне были четкими и ясными, а ее образ повторял запечатленное на картине изображение.

Как живая, подумалось ей. Надо бы с этим поосторожнее. Мало ли что.

Спрятав получившийся артефакт поглубже в шкаф, Юлька неожиданно почувствовала долгожданную сонливость. Глаза слипались, голова сама клонилась к подушке. Ну хоть пару часов, подумалось ей. И может быть, прогулять первую лекцию. Ничего страшного, она здесь считалась очень дисциплинированной студенткой.

К счастью, в этот раз ей ничего не приснилось.

Глава 31. Память

Я очнулся, обнаружив себя в полутьме странного затхлого помещения, стены которого были отделаны крупной кафельной плиткой. Коридор. Под потолком тянутся люминесцентные лампы ядовито-фиолетового цвета. Перед глазами — серый грязноватый потолок. Я лежал на каталке, накрытый грубым синим одеялом. Медленно привстав, я огляделся по сторонам. Что это за место и как я здесь оказался?

Ничего не помню. Что я делал до этого?

Я сполз с каталки, убеждаясь, что чувствую себя прекрасно. В конце коридора виднелся стол, за которым дремала, положив голову на руки, женщина в голубой униформе.

Место напоминало мне больницу, только какую-то совсем убогую и бедную. Я оглядел себя. Нет, одежда не больничная, обычная городская: брюки, рубашка, куртка, ботинки. Видимо, на улице тепло. Какое сейчас время года? Не помню. Что там, за окном? Какой город? Не помню...

Я покрылся холодным потом, со стоном прислонившись к стене. В голове было пусто, словно на нежилом чердаке, с которого только что вынесли груды старого барахла.

Женщина за столом вздрогнула и подняла голову, настороженно меня разглядывая.

— А, вы пришли в себя. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — ответил я, поразившись, как хрипло и растеряно звучит мой голос. — Только я ничего не помню.

— Мы не успели поместить вас в палату, — пояснила она. — Вас недавно привезли, несколько часов назад. Вы наверно казнь смотрели?

Казнь... Площадь с монументом, шок-бичи, крики смертников, кровь... что я там забыл?

Я кивнул.

— Ушибов на вас нет. Сердце, давление в порядке, никаких повреждений мы не обнаружили. Алкоголя, наркотиков в крови — тоже. Решили подождать, пока вы сами придете в себя. СОС подобрал вас в квартале от площади Согласия, где проводятся казни, через час после окончания. Вообще, если вы впечатлительный, такие зрелища смотреть не стоит, — строгим голосом сказала она, и я послушно кивнул. — У нас всегда много сердечных приступов, обострений психических заболеваний и поножовщины в те дни, когда их проводят. Возможно, вы просто упали в обморок от духоты или от стресса.

— Возможно, — согласился я. — Беда в том, что я ничего не помню. Где я нахожусь?

— 4-я больница общего профиля 21 террасы, — ответила она.

Нет, название мне ничего не говорило.

— Какой сегодня день?

Она назвала день недели, дату и месяц — пустые, чужие слова, ничего не значащие для меня. Паника нарастала во мне горной лавиной.

— А год?

— 1746

— Откуда отсчет?

— От великого исхода, — удивилась она — От предательства богов.

— Ничего не говорит, — пробормотал я.

— Вам лучше прилечь, — она ласково взяла меня за руку, но я отступил назад. — Давайте дождемся утра. Поспите, может быть, все пройдет само. Утром доктор вас осмотрит

и решит, чем вам помочь.

Я покачал головой. Почему-то я точно знал, что здешние врачи мне не помогут и на самом деле никакая помощь мне и вовсе не нужна.

— Документов у вас нет, — сказала медсестра, все-таки подхватывая меня под руку и мягко, но настойчиво провожая к каталке. — Но судя по тому, как вы выглядите, вы пришли с верхних террас. Если вы так ничего и не вспомните, мы дадим объявление по инфосети, и вас найдут родственники. Не волнуйтесь.

— Где у вас туалет? — спросил я, чувствуя не сколько физиологическую потребность, сколько острую необходимость увидеть себя в зеркале.

Она проводила меня к двери на другом конце коридора.

Холодная вода немного привела меня в чувство. Умывшись, я уставился на свое отражение в зеркале. Худой лохматый мужик лет сорока смотрел на меня холодными темно-серыми глазами, в глубине которых нервной жилкой билась паника. Худое лицо. Высокие жесткие скулы. Прямой нос. Волосы, как волнистая стальная проволока, торчащие в разные стороны, перья, а не волосы.

Покачиваясь с носка на пятку, я попытался понять, на что способно мое тело. Я чувствовал себя моложе и сильнее, чем выглядел.

Вот теперь мне точно надо отлить...

Заботливая сестричка ждала меня под дверью, проследив, чтобы я лег обратно на каталку, и заботливо укрыла одеялом, а затем принесла что-то вонючее в маленьком стаканчике. Я послушно выпил и закрыл глаза.

Постепенно я стал проваливаться в странный сон, один в один похожий на реальность. Я оказался в причудливом месте, где небо и земля поменялись местами. Черное небо с багровыми бликами, похожими на режущие кромки чего-то острого, хрустально-прозрачная земля под ногами и далекие черно-алые скалы казались мне почти родными. Они однозначно понятнее для меня, чем та неуютная реальность, с площадью и больницей, в которой я оказался. Я легко и уверенно двинулся вперед, всматриваясь в тени под прозрачно-ледяной поверхностью, порою обретавшие очертания тел и лиц, и надеясь быстро достичь маячившей впереди рукотворной арки в скалах, но, пройдя не более ста шагов, я неожиданно оказался лицом к лицу с человеком-вороном. Он загораживал мне дорогу, и я был вынужден остановиться и упереться в него взглядом. На меня смотрело то же лицо, которое я только что видел в зеркале, но вместо рук у него были крылья, на концах поблескивали ножи-перья.

— Правда похож? — сказал человек-ворон. — Ты не помнишь, кто ты? Ты — это я.

Земля уплыла у меня из под ног. Я... летел. Там, внизу, по земле изо всех сил бежали крохотные фигурки. Они бежали, а я преследовал их с охотничьим азартом, наслаждаясь погоней. Атака. Перекушенное горло, разорванный когтями живот. Последние судороги жертвы. Агония. Экстаз. Добить остальных. Слабых...

— Слабый не должен жить, — сказал мне человек-ворон. — Смотри...

И я снова куда-то падал из этого демонического мира в обычный, человеческий.

Стихия. Повинуется тебе. Ты повелеваешь ветрами, можешь взять в руки силу и бросить ее туда, куда тебе нужно. Разорвать грань между мирами и пройти сквозь них. Захочешь — можешь и вовсе уничтожить ее, сливая миры в одно целое. Ты — сила. Сила жизни и сила смерти. Но главное — ты сила движения. Смотри...

Люди. Много людей. Слушают тебя, не отрывая глаз. Повинуются твоему слову. Ты

держишь их, приказывая взглядом. Они твои. Боятся. Не смеют ослушаться. Власть. Покорность. Презрение. Стадо, овцы, которым нужен вожак. У них нет и не будет воли. Ты можешь сделать с ними все, что хочешь. Можешь взять любую их вещь — они отдадут ее с радостью. Можешь взять любую их жизнь, даже самую близкую, и они найдут тебе оправдание.

Женщина. Ты смотришь ей в глаза, привязывая, подавляя волю. Покорная, она послушно идет за тобой. Утолив голод, оставляешь. Тело, просто тело, одно из многих. Она больше не нужна. Забываешь. Идешь дальше, берешь новую. И так — без конца, пока есть желание.

Я — это ты, говорит человек-ворон с лицом из зеркала. Ты помнишь все это? Это ведь твоя жизнь. Помнишь? Смотри, это твое прошлое. Эти люди, эти лица...

И я смотрел.

Я проснулся от того, что каталку кто-то задел и я чуть не свалился с нее. По коридору везли кого-то окровавленного, за ним, шатаясь, шел другой, не менее живописно разукрашенный чьими-то кулаками. Медики сновали по коридору, кто-то кому-то громко выговаривал, где-то в стороне судорожно всхлипывала женщина. Я сполз с каталки, прижавшись к стене и тревожно озираясь. На посту в конце коридора сидела уже другая медсестра, старше и солиднее. Никто не обращал на меня внимания и я осторожно, бочком просачиваясь между занятыми делом людьми, успешно выскользнул из здания.

Что за дичь мне снилась? Люди, лица, события. Моя жизнь. Он был прав, этот человек-демон из моего сна. Все это было. Кто же тогда я? Безжалостная тварь, пришедшая откуда-то с изнанки мироздания?

Я не заметил, как оказался в толпе народа. Здесь, на этой террасе, транспорт, перевозивший людей и грузы, двигался по рельсам, проложенным в основании террасы внутри и снаружи. Вверх вело множество лифтов, но для посадки в лифт, движущийся вверх, люди вставляли в щели какие-то длинные и узкие карточки. На моей шее, на тонкой цепочке, висело нечто подобное — металлическая пластинка, покрытая крохотными блестящими пупырышками и изрезанная тонкими бороздками. Снимаю пластинку и дождавшись, когда останусь один, пробую ее. Срабатывает... Шахты лифтов укрыты ажурными сетками, а внутри самых больших — скамейки для сидения. Сажусь рядом с мужчинами. Лица — такие же, как и мое. Молодые, старые. Уставшие. Смотрят внутрь себя, скользя взглядом друг по другу равнодушно и рассеянно. Лица-двери, закрытые двери. За каждым — жизнь, куда не каждому позволено войти.

Еду вверх, проскакывая пару террас. Выхожу. Улицы тут из металла, пластика и камня. Станный едкий запах. Серо-сиреневое небо постепенно светлеет. Деревья в кадках вдоль улиц. Плети зелени, свисающие откуда-то сверху. Столбы опор, обвитые ползучим растением с мелкими цветочками. Зеленая кажется родной, трогательной, привычной. Серое небо отталкивает. Дороги, вымощенные пружинящей разноцветной плиткой. Идти легко, удобно... Люди идут навстречу, скользят взглядами, равнодушными, иногда пустыми, а иногда живыми и открытыми. Некоторые словно ищут в тебе что-то, натываются взглядом, готовые узнать, открыться, обрадоваться. И — ошибаются, разочаровываются, поспешно отводя глаза.

Эй, демон, ты говоришь, я могу подчинять взглядом? Давай попробуем. Мимо идет мужчина. Останавливаю его, цепляя его взгляд своим, мысленно приказываю идти за мной. Идет. Приказываю обогнать меня на несколько шагов вперед — и он послушно выполняет приказ. Велю показать документы, кошелек, вещи... он готов отдать мне все, только в глазах

появляются страх и отвращение, переходящие в ненависть.

Да, могу. Но зачем мне это нужно?

Женщина. Отойдя в сторону, ищу самую красивую, самую гордую. Высокая, статная, темноволосая, одетая дорого и продуманно. Останавливаю, опять зацепив взглядом, приказываю. Она покорно и бездумно идет рядом, скрывая недоумение. Увожу ее в глубину каких-то узких плохо освещенных коридоров с редкими пронумерованными дверьми. Приказываю подойти, протягиваю руку к молнии на груди. Расстегиваю. Проникаю дальше... Она покорно прижимается ко мне, я слышу стук ее сердца и учащенное дыхание. И только глаза выдают ее: под поверхностным согласием и покорностью я отчетливо читаю отвращение — там, глубоко внутри. Стыд заливает меня, стыд такой силы, что накатывает тошнота. Я тяну молнию вверх, отпускаю взгляд, бормоча что-то глупое и извинительное, и поспешно ухожу, стараясь побыстрее исчезнуть из виду.

Могу, да. Но так — не хочу.

Как ты сказал, демон? Я могу повелевать стихиями? Сконцентрировать силу и бросить ее туда, куда мне нужно? Ухожу подальше от строений, туда, на край террасы, откуда виднеются серые, поросшие грубой темно-зеленой травой пустоши. На краю террасы, за бордюром, лежит смятая консервная банка. Представив, как порыв ветра сбрасывает ее, я концентрирую этот ветер у себя в ладони... банка с грохотом улетает на нижние террасы, а я чувствую дуновение и слышу, как ветер заставляет дрожать сетку безопасности, натянутую ниже уровня террасы.

Да, могу. Много ли банок валяется по окрестностям? Дашь генеральную уборку!

Человек-ворон из моего сна смеется. Я — это он? Я не хочу быть... этим.

Брожу по террасам, разглядывая людей, дома, улицы, постепенно поднимаясь все выше и выше. Хочу есть. Когда я последний раз ел? Не помню. У меня ничего нет, кроме той странной полоски металла. Пить воду можно в туалетах, которых здесь навалом, но чтобы что-то съесть, нужны деньги. Я могу взять их насильно, отобрав у любого прохожего, но сама мысль о принуждении мне отвратительна — этим я уподоблюсь тому демону из сна.

Не хочу.

И надо найти ночлег. Темнеет стремительно, воздух натягивается сыростью и холодом, и мне становится зябко, хотя я люблю прохладу. Холодный воздух, соленые брызги океана и полет, полет...

Кажется, это действительно я.

Радуюсь, что нашел хоть что-то.

Заглядываю в тоннели, по которым ездят поезда. Тут теплее, чем на улице. Людей мало, день заканчивается. На станциях стоят скамейки. Сажусь, жду, наблюдаю, как люди покупают еду, упакованную в коробочки, в автоматах на перроне. Картина знакомая, но я понимаю, что видел я ее не здесь. Где-то в другом месте, в другом мире, далеком и не похожем на мою родину.

Стоп. Другой мир, столь не похожий на мою родину, и так похожий на этот. Где он? И где то место, в котором я родился, от мысли о котором возникает такая тоска?

У меня ничего нет, никаких вещей, кроме одежды, потому что я пришел не отсюда.

Тогда что это? Я снова вытаскиваю цепочку с пластинкой. Это ключ. Универсальный ключ от всех дверей, универсальная отмычка. Мне сделал ее друг, такой же, как я, прежде чем я отправился сюда.

Дождавшись, пока на станции никого не останется, я прикладываю пластинку к крышке

автомата с едой. Что-то щелкает, верхняя панель отскакивает. Я беру несколько коробочек и банок и аккуратно захопываю автомат. Так, одна проблема решена. Оглядываюсь в поисках дверей. Там, на другом конце станции, есть какое-то помещение. Подхожу, открываю. Это склад инструментов для уборки — швабры, ведра, полки с моющими средствами. Здесь же находится старый топчан с подушкой и одеялом — видимо, ночлег для таких же бездомных, как я. Поев — еда безвкусная, но съедобная — ложусь, понимая, что устал.

Во сне он приходит снова, демон — ворон.

Ты — это я. Ты убедился, что мы с тобой — одно целое?

Нет, не одно, говорю я. Ты приписываешь мне свои собственные мысли и чувства. Да, я могу повелевать, но мне это не нужно. Я не хочу причинять боль. Мне не нужна тупая покорность. Я не хочу видеть отвращение в чужих глазах. Мне не нужна их ненависть.

Ворон смотрит мне в глаза и я понимаю, что не могу вырваться. Он делает шаг навстречу, держа мой взгляд, и прижимается ко мне лбом, плечами, всем телом. Какое отвратительное, противоестественное соитие! Он словно пытается слиться со мной, завладеть, проникнуть в мое тело, стать мной. Я порываюсь высвободиться, отталкиваю его, но он словно прилип, просочился, влился в меня...

Нет, ты — это не я. Убирайся. Я наотмашь ударяю его кулаком в лицо, а чувствую, как кулак разбивает мое собственное. Больно... Я падаю навзничь от собственного удара и проваливаюсь в калейдоскоп лиц и событий.

Дом. На окраине большого города, просторный, окруженный садом. Мама, собирающая яблоки в саду. Старшая сестра, вредина, воображала... красавица. Отец, помогающий мне надеть мои первые крылья. Школа. Драка на крыльце, расквашенный нос, и мой противник — с тех пор мой верный друг, до старости... до смерти.

Большой, красивый и старинный город. Университет. Библиотека. Экзамены. Друзья... Весело. Трудно. Чертова профессорша преломлений, три пересдачи. Спасибо ей, до сих пор все помню и сам могу объяснить на пальцах безалаберным студентам — таким же, как и я когда-то.

Женщина. Высокая, светловолосая, чуть холодноватая. Гордая. Как долго я ее добивался... Мальчишка, ее копия. Сын. И второй — темноволосый, кудрявый, живчик и драчун, как и я сам. Что с ними стало? Не помню. Их давно нет в живых, вот что. Почему?

Учитель, наставник, начальник — пожилой, но не дряхлый. Воин до последнего вздоха. Жесткий, как хлыст. Честный. Наизнанку вывернись, но сделай.

Полет... Я умею летать? Как? Крылья... да, крылья, я одел их очень рано и всегда увлекался полетами, когда-то был даже чемпионом университетской команды Крылатых. Но нет, мой полет — другой. Со мной что-то произошло, что-то особенное, необычное, и теперь я не совсем человек. Вернее, не только человек.

Как же вспомнить-то? Демон-ворон смеется, подсовывая мне воспоминания, за которые я жадно хватаюсь, перебирая их, словно игральные карты, и не находя нужного. Ярость накачивает на меня, и я бросаюсь на него, желая прекратить этот издевательский смех, но он, ловко увернувшись, выставляет вперед свои ножи-крылья и я, налетев на них со всего маху, отчаянно кричу и проваливаюсь во тьму.

Глава 32. Примирение

Кинэн ее очаровывает, подумал Кольер с откуда-то взявшейся неприязнью. Или он сам... очарован? Пустил в ход весь арсенал своих ужимок, глаз с нее не сводит. Она ему зачем-то понадобилась? Или он пал жертвой ее странных чар, под которыми еще тогда, в самом начале, оказались почти все обитатели Наган-Карха, за исключением Саши и его самого.

Очень яркий и странный дар, подумал он, глядя, как Юлька обворожительно улыбается очередному анекдоту на грани приличия, которые так и сыпались изо рта этого на вид наивного и болтливого псевдо-мальчишки. Девушка притягивала взгляды даже против воли. За прошедшее время она превратилась из скромной, хорошенькой и обаятельной девушки в настоящую красавицу. На нее хотелось... смотреть. Следить за движениями, ловить улыбку, пытаться заглянуть в глаза, прикоснуться к краешку одежды, а уж если она заговорит с тобой, сойти с ума от счастья и упасть к ее ногам окончательно.

Кольер оборвал эту почти кощунственную мысль. Демоны Маара, даже он не может противостоять этой странной магии! Любопытно, осознает ли она свои чары или действует по наитию? Проверять не хотелось. Он хорошо помнил угрозу Ворона и старательно избегал даже случайных разговоров с ней. Не хотелось бы, чтобы у Саши из-за его неаккуратности возникли проблемы.

Этот чудной парень, второй спутник Саши, которого так неудачно зацепила Нэсте, когда выводила потенциального Нигейра со Старой Земли, хохотал над шутками Горностая громче всех. Лануэль насмешливо улыбалась и чуть морщила свой хорошенький нос, когда тот перебарщивал. Это хорошо, что у мальчика появился свой близкий круг, который собирается у него дома вот так запросто. Жаль только, что круг пока не совсем тот, которого он достоин. Жаль, что нет Вагабра. Жаль, что здесь так и не побывал Реваль, словно почуял, старая ящерица, что не сложится у них с юным Нигейром союза. Жаль, что с Эрлен случилась беда, от которой так и не найдено спасение...

И этот странный парень-Румянцев, генератор безумных идей, за которые так хватается Саша. Мозги, конечно, у него отличные, вон сколько они с Кинэном уже придумали по вопросу создания воздушных защит. Но лучше бы он попал в руки техноасов Гевора, чем Ассоциации изобретателей, во главе которой стоит Кинэн Горностая. Они хорошие систематизаторы, стыки разных наук — это их стихия, но создавать что-то новое с нуля всегда лучше выходило у детей Пардуса. Они практики, аккуратные, дотошные и методичные. Ехидный, безжалостный и очень дальновидный Гевор сумел бы гораздо лучше направить этот бесконечный поток фантазии в правильное, практическое русло.

И есть в нем что-то неуловимо знакомое. Что-то во взгляде. И парень бродит во сне. Кольер хорошо помнил тот период своей жизни, когда он просыпался и обнаруживал себя совсем не там, где заснул. Надо последить за ним, а лучше — попытаться понять, есть ли у его подозрений реальная основа, или это всего лишь страхи, неожиданно догнавшие его сквозь толщу времен.

Рейнард. Глава школы Эгрох сегодня серьезен, впрочем, как и всегда. Шутки Кинэна его не трогают, зато с Юлии он тоже глаз не сводит. Хорошо, что мальчик нашел учителя сил и стихий и сделал свой первый шаг к пониманию законов этого мира. Столько книг было им прочитано в попытке разобраться, что и как работает, сколько времени потеряно... Хорошо,

что Рейнард столь терпелив и умеет объяснять сложные, подчас кажущиеся алогичными вещи, просто и понятно.

Лануэль... Мальчик все еще ею увлечен, хотя кажется, уже начинает остывать. Жаль, что нет Эрлен, она умнее, опытнее и осторожнее. Эрлен, похоже, стала следующей жертвой загадочной силы, пытающейся вывести Вечных из игры. Уже дней десять ее никто не видел в человеческом облике, зато в лесах вокруг Рамьена объявилась огромная и очень хищная рысь. Как ее угораздило, она же была предупреждена... Голод выманил ее, что ли? И что теперь делать, чем ей помочь?

Саша... нет, Нигейр Алекс. Следит за своими собеседниками с легкой отстраненностью, словно наблюдает, и одновременно — страстно, горячечно, всей душой откликается на все их реплики. Новая жизнь захватила его целиком. Он отошел от неоднозначных результатов Шамальской войны, сделал выводы и принял все как есть. Он стал осторожнее и продолжил учиться. Если бы еще он стал чуточку менее доверчивым... Но это пройдет. Со временем — пройдет.

Потеряв нить разговора и углубившись в собственные размышления, Кольер решил их оставить. Если Саше понадобится его помощь, он придет к нему сам. А он потратит это время с пользой — поработает, потом немного отдохнет, а ближе к ночи попробует еще раз проследить за подозрительными сомнамбулическими походами Румянцева по замку. Тот словно бы что-то ищет, все время возвращаясь на одну и ту же лестницу и ощупывая стены. Во времена прошлого Нигейра там был отдельный подъем на верхнюю площадку башни Аспида, потом его для быстроты и удобства заменили на шеадари, но с появлением Алекса Кольер приказал потихоньку заложить его, чтобы любопытная молодежь не шастала, куда не надо, и не мешала уединению нового главы Ордена. Ни Румянцев, ни сам Алекс не знали, да и не могли знать об этой ныне не существующей лестнице. Зато знал кто-то, кто либо неоднократно бывал здесь раньше, либо имел подробные чертежи Наган-Карха, и теперь толкал бессознательного Румянцева на поиски обходного пути наверх.

Он дождался середины ночи и вышел на лестницу. Несколько дней назад кто-то следил за ним — Кольер слышал едва различимые шаги и видел бесформенную тень, следующую за несчастным сомнамбулой след в след. Вот и сейчас, дождавшись, когда тот выйдет из комнаты и двинется в свой еженощный безумный поиск, он услышал, как через какое-то время где-то приоткрылась еще одна дверь, и кто-то двинулся за ним следом.

Но Румянцев не пошел на лестницу. В этот раз он направился вдоль по коридору, покинув жилую зону, перешел сквозь несколько рабочих залов в Стекланную башню, вызвал лифт и поехал наверх. Тот, кто шел следом, попытался войти вместе с ним, но замешкался на лестнице и опоздал. Кольер, желая увидеть на маленьком табло над дверями, на каком этаже остановится лифт, едва не натолкнулся на следящего. К его изумлению, это оказалась Юля.

Девушка мгновенно отпрянула назад и быстро оглянулась, словно ища оружие или защиту. Испуг на ее лице сменился яростной готовностью дать отпор. Он попятился, понимая, что в полутьме лифтовой площадки она не разглядит выражение его лица, и выставил руку вперед, показывая, что не собирается к ней приближаться. Быстро кинув взгляд на панель, показывающую тридцать четвертый этаж, тот самый, где находился его собственный рабочий кабинет и рядом — вновь созданный кабинет Нигейра Алекса, он указал на нее Юльке и шепотом спросил — поедем?

Она настороженно скосила глаза и пожала плечами.

— А шум его не разбудит? И как он выбирал этаж, если он спит?

— Не знаю, — ответил Кольер. — Хотя есть догадка. Хорошо бы понять, что он ищет, — и он уверенно нажал кнопку вызова.

Румянцев бесцельно слонялся по залу-приемной перед кабинетами. Он подходил к дверям, топтался, трогал ручки, даже приоткрыл ту дверь, что вела к Саше, но так и не зашел. Постояв в неподвижности перед кабинетом Кольера, он вернулся к лифту, вызвал его, не сразу попав по кнопке, дождался кабинки и уехал в точности туда, откуда поднимался. Кольер перехватил рванувшуюся следом Юльку, успев удержать ее, но она раздраженно вырвалась.

— А вдруг он куда-нибудь уйдет и потеряется? — прошипела она, когда лифт с Румянцевым уехал.

— Думаю, он сейчас вернется к себе, — возразил старый наг. — И ляжет спать. Ты не спрашивала его про сны?

— Спрашивала, — кивнула Юлька. — Говорит, ему действительно что-то снится, что-то муторное, но когда он просыпается, то ничего не помнит.

— Мне надо, чтобы ты посмотрела на него в Мааре, — сказал Кольер, когда они спустились на этаж, где находились их комнаты. В конце коридора они услышали шаги, звук открываемой и закрываемой двери — Румянцев действительно вернулся к себе. — Ты ведь уже умеешь, так?

Юлька кивнула.

— И что я должна там увидеть?

— Для начала посмотри днем, когда он в сознании и активен, — объяснил Кольер. — Есть ли у него слепок в Мааре. Он яркий, нестандартный тип, у него вполне может быть проекция. Если она есть — то скорее всего слабая, потому что он не элементар, дара у него точно нет. Я не буду говорить тебе, что именно ты можешь увидеть, для чистоты эксперимента. Завтра ночью, когда он встанет, пойди за ним следом и посмотри снова. Если картина будет отличаться, зови меня, если я не выйду вместе с тобой, и попробуй показать ее мне.

— Вы тоже можете ходить в Некрос? — спросила она с подозрением. — У вас нет дара, или я его не вижу.

— Могу, — кивнул Кольер. — Но не так, как те, кто владеет силами или управляет стихиями. Я его просто вижу иногда, но не сам, мне нужен толчок. Ты носишь ожерелье-щит, надень его ночью, оно поможет и тебе, и мне.

— Хорошо, — согласилась она. — Но почему вы за ним следите?

— А почему это делаешь ты? — спросил он.

— Я увидела его случайно и хочу понять, что с ним происходит, — даже в полутьме коридора было заметно, как сурово она на него смотрит. — Он мне не чужой.

— Вот и я поэтому, — ответил Кольер. — Хотя он мне — чужой. И я знаю больше, чем ты. Если мои подозрения подтвердятся, тогда...

— Что тогда? — голос ее неожиданно задрожал, выдавая волнение.

— Все плохо, — вздохнул он.

— Что именно? — нервным шепотом спросила Юлька.

— Объясню, если подтвердится, — Кольер протянул руку, чтобы поправить сползающий с ее полуобнаженного плеча плед, но девушка в испуге отшатнулась. — Не бойся меня. Ворон поклялся в присутствии Вечных, что убьет меня даже из-за тени подозрения, что я причинил тебе зло, а я хочу жить, — усмехнулся он. — Теперь мне

выгоднее пылинки с тебя сдувать.

— Спасибо, — в ее голосе прозвучала насмешка, маскировавшая облегчение. — Надеюсь, я еще не запылилась. Завтра меня не будет в Наган-Кархе, занятий много. Я попробую послезавтра. А вы... — ее голос жалобно дрогнул. — Вы присмотрите за ним завтра? Вдруг что-то случится?

— Присмотрю, — пообещал он твердо, вдруг остро пожалев, что год назад так опрометчиво выбрал ее в жертвы. Был бы у него сейчас верный союзник, не такой уж слабый, как это кажется на первый взгляд.

Глава 33. Не стать зверем

Два дня я бродил по террасам, ночуя в технических помещениях, наблюдая чужую жизнь и собирая по кускам обрывки своего прошлого. Они приходили ко мне словно бы из разных времен, из жизни «до» и жизни «после». А ночью, стоило мне закрыть глаза, приходил ворон и пытался стать мной. Я смотрел, как его лицо и тело обретают все больше моих собственных черт, как с каждым нашим слиянием он, впитывая часть моих воспоминаний, копирует, повторяет меня все точнее и точнее. Что будет, когда он полностью перельет меня в себя? Я исчезну, а это тело, которое я регулярно вижу в зеркале, получит другого хозяина, другую душу? И зачем вообще нужен я, если я ничего не помню и не могу осознать, зачем я вообще есть?

Я медленно поднимался с террасы на террасу, исследуя жизнь этого чуждого мне мира. Там, где я родился, было много зелени, много солнца, много воды. Здесь люди жили среди пластика, камня и металла, но при этом они были неотличимо похожи на тех, кого я видел во сне. Такие же. Они были удивительно добры ко мне. Ни разу я не встретил агрессии, жестокости, недружелюбия по отношению к себе. Я точно знал, что кажусь им странным, но обо мне скорее пытались позаботиться, чем задержать или прогнать прочь. Несколько раз ко мне привязывался СОС, пытаясь выяснить, на какой террасе я проживаю и куда направляюсь, но мне до сих пор удавалось выкрутиться. Ключ-отмычка помогал мне беспрепятственно передвигаться и проникать в магазины, чтобы утолять голод и жажду. Там же я и ночевал — в сухих, теплых и почти комфортных подсобных помещениях. Жизнь тут менялась от террасы к террасе. Чем выше я поднимался, тем комфортнее и благополучнее становились условия существования. Меньше людей, меньше транспорта. Движущиеся дорожки и эскалаторы вместо длинных, унылых и тусклых коридоров. Много растений, высаженных в насыпной грунт, стены зачастую сплошь укрыты цветущими вьюнами. Большие окна в жилых помещениях, большие балконы. Вечером верхние террасы освещаются ярко и нарядно, везде ресторанчики с музыкой, магазинчики, народ выглядит более ухоженным и лучше одетым. Доступ к лифтам наверх только по специальным карточкам, просто так в этот рай для избранных не попасть, но ключ до сих пор выручал меня, открывая все двери.

Бродя по вечерним улицам, я ощущал тень ворона, проникающую в сознание. Он уже был здесь, не дожидаясь ночи, рвался ко мне, наглей с каждым разом, с каждой попыткой захватить надо мною власть. Я еще удерживал его образ на расстоянии, но мне становилось все тяжелее и тяжелее это делать.

Дом. Нет, не дом — башня. Квадратная, краснокирпичная, на опушке леса. Просторная... Я взлетаю и сажусь на ее верхнюю площадку. Там меня ждет женщина — хрупкая, тонкая, словно тростинка, темноволосая и темноглазая. Смотрит строго, осуждающе — я опять долго. Она не любит оставаться одна в башне, башня ей чужая. Она зовет меня вниз, в деревню неподалеку, в дом, построенный мною для нас и для нашей будущей дочери. Я не хочу, мне некогда... У меня еще множество дел, и я отмахиваюсь, обещая, что скоро приду.

Она погибла по твоей вине, говорит мне демон моего сознания. Твои игры с равными за власть над разумными, за контроль над землями были тебе дороже, чем близкие люди. Ты до последнего пытался что-то выиграть. До последнего вел двойную игру. Тебя заботил твой

престиж, твоя власть, твое влияние, а не ее жизнь. Ты промедлил, пытаешься обмануть, пойти на сделку, переиграть противника, и проиграл. Что ты получил взамен? Ты выиграл ту войну, получив то, что хотел, но проиграл себя, заплатив больше, чем смог. Оно того стоило, да?

Демон на краю сознания усмехался. Я — это ты. Мы оба — убийцы и мы — одно целое. Ты ведь привык убивать? Привык... Сколько их было, уничтоженных тобой во время охоты, или во время войн со своими, конфликтов с бреннами, для устрашения, казненных за нарушения законов? Смирись. Сопротивляться бесполезно. Я сильнее. Я могу убить тебя, но мертвый, ты будешь бродить тут, в Мааре, кормиться кровью жертв и доставать меня, тоскуя по своей утраченной жизни. Лучше нам стать одним целым. И ты жив, и я обрету ипостась — реальное воплощение.

Иди к дьяволу, кричу я ему и бросаюсь врукопашную. У него уже нет перьев на голове, они превратились в волосы, у него человеческое, до последней морщинки мое лицо, но все еще крылья вместо рук и он успешно поднимается в воздух, избегая моих попыток достать его. В конце концов он пикирует на меня и все заканчивается так же, как и в прошлый раз — я вижу перья-сабли, пронизывающие мне грудь, и выпадаю в ничто...

Прихожу в себя от того, что рассветное солнце слепит мне глаза. Неужели тут бывает солнце? Оказывается, да. Оказывается, я вырубился на окраине террасы, в зеленой зоне, заставленной кадками с деревьями, и спал полусидя, привалившись к одной из них. Хорошо, что меня никто не нашел, а то бы точно загребли в СОС. Смотрю вверх... сквозь серую облачную пленку прорываются настоящие солнечные лучи. Я чувствую их тепло на лице, чувствую влагу в воздухе и легкий, ставший уже привычным запах металла и гари. Здесь, на верхних террасах он почти не ощущается.

Осталось всего три уровня, и я окажусь на самом верху города. Верхние террасы небольшие, зеленые, уютно устроенные. Тут, наверно, живут сильные мира сего — правители, совет, градоначальник, руководство полиции, армии и СОС, самые богатые и обеспеченные люди Фрейфена. А я? Где живу я? Та девушка в больнице сказала, что на верхних террасах. Нет, точно не здесь. Башня, каменная, круглая, высокая, окна которой выходят на океан и на небольшой уютный старинный город. Книжки до потолка. Забавные фигурки на камине. Тяжелое кресло, обитое кожей, укрытое шерстяным пледом. Тревожный звук гвора из кабинета, крик зеленоглазой женщины в сознании, верхняя площадка и стремительный прыжок в небо... Воины в черной с синим форме, паук на груди, кровавая щель через все небо, грязные бесформенные существа, ползущие в разные стороны — сабли крошат их в мелкие куски, и я сам опускаюсь на землю и принимаюсь за самых крупных и самых шустрых. Две сабли в моих руках действуют быстрее, чем успевает мой разум. Я делаю шаг в огненную расселину, переходя на ту сторону, упреждая наглых гранеедов и срезая их еще на подходе к нашему миру. Возвращаюсь к своим, и за моей спиной затягивается огненная прореха...

Я не убийца. Да, я убивал, но я не убийца.

Поднимаюсь на очередном лифте наверх, пользуясь ключом, что сделал мне друг. Белоголовый, сероглазый, башковитый, прямолинейный и грубоватый мужик. Он старше и одновременно моложе меня. Во многом мудрее. И гораздо решительнее.

Отсюда открывается причудливый вид на окрестности. Там, за серыми скалами, виднеется лес, редкий и чахлый, но все же лес. Он простирается достаточно далеко, а там, за дальней группой валунов, далеко-далеко, виднеется еще одна такая же многоярусная башня

— еще один город.

Иду по краю террасы. Здесь тихо и уютно, везде скамейки, клумбы с цветами. Уборщик в элегантной форме моет дорожки специальными щетками. Двое строго одетых, тяжеловесных мужчин с большими портфелями не спеша идут куда-то, один из них бурно жестикулирует, смешно размахивая портфелем. Аппетитная блондинка выгуливает на засаженном травой газоне какую-то забавную мелкую зверушку с помпоном на шее. Две чинные девочки с нарядными сумочками через плечо вприпрыжку бегут к ближайшей движущейся дорожке и едва не падают, теряя равновесие, ступив на самый край. Пожилая женщина в очках косо смотрит на меня, провожая недобрым взглядом.

Поднимаюсь на лифте на самый верх. Там, надо мною, теперь только штыри антенн да облака. Ветер, сильный и свежий. Ну что же ты, шепчет демон из глубины сознания. Что же ты стоишь? Разучился? Давай вместе. Следующий шаг — наш совместный. Ты и я. Ты станешь мной, а я — тобой. Этому миру тоже нужен Ворон — сильное, могущественное существо, способное управлять здешними ветрами перемен. Способное двигать людьми, как стихиями. Холодный разум, которому подчиняется не только пространство идей, но и сами грани мироздания.

Иди ты к черту, сказал я, глядя на облака. Надоел. Оставь меня в покое. Моя задача — не подчинять и не править, а защищать. Защищать мою Ар Соль. В том числе и от таких, как ты.

И он опять бросился на меня, а я едва увернулся. Теперь мне казалось, что мы оба находимся прямо здесь, на верхней площадке Фрейфена. Он раскинул ножи-крылья, опасно чиркнув ими прямо передо мной, а я отпрянул, физически ощутив, как они опять пронзают меня насквозь. Да сколько же можно... Ярость подымалась во мне, ярость и ненависть к этой отвратительной твари с моим собственным лицом. Все, хватит. Этой твари не место в моей Ар Соль. Функция Ворона — защищать от всего, что приходит извне и изнутри, с других миров, с Маара, с неба, из-под земли, со дна океана... Защищать, а не губить. А значит, даже если он — это я, мне придется его уничтожить. Даже если это означает — уничтожить себя самого.

Развернувшись к демону лицом, я почувствовал тяжесть металла в ладонях. Вот они, две нигийские сабли. Не зря же Шандр возился со мной так долго. Я-человек сильнее этого хитрого и хищного демона с моим лицом и с ножами вместо перьев. Я атаковал его так молниеносно, как мог, и стал теснить назад, не давая ни малейшей возможности снова развернуть крылья или подняться в воздух. Сталь звенела и билась о сталь. Он пятился, что-то бормоча и уворачиваясь от сабель, но потом стал оступаться, а я отсек один нож, затем другой, третий... Из его рта сыпались проклятия, но мне некогда было вникать в их смысл — я шел, я давил, наступая, ускоряя движения и усиливая напор. В конце концов одна из сабель отсекла ему голову, и я увидел, как лицо — мое лицо — исказилось гримасой удивления. Вторая сабля разрубила его туловище пополам, а потом — еще пополам, словно мелкого нэрга. Сделав шаг вперед, я несколько мгновений смотрел, как закрываются глаза на все еще живой голове и как судорожно дергается рот. Преодолев панический ужас пополам с тошнотой, я в последний раз рубанул ее, точно вдоль носа, отшвыривая в разные стороны половинки, чтоб уж наверняка, а потом долго стоял над останками, видя, как они проваливаются в кристально-прозрачную землю Маара, проваливаются и тают, размываясь по мере погружения в хрустальную бездну под моими ногами...

Демона-ворона больше не существовало.

Из оцепенения меня вывел окрик охраны.

— Стоять! Повернись!

Я медленно повернулся. Передо мной находились двое в форме СОС, один из них держал шок-бич наизготовку.

— Руки за голову. Руки, я сказал!

Я оглянулся назад, туда, где заканчивалась терраса. Нет уж, ребята, мне точно нечего вам сказать, а если и скажу, вы меня не поймете. Я поднял руки, как они хотели, но при этом стал медленно пятиться назад.

— Стой на месте! — гаркнул тот, что держал бич.

— Можно я подберу очки? — сказал я, продолжая отступать. — Я без них не вижу. Они упали там, за моей спиной.

— Подбери и стой, где стоишь, руки за голову, — разрешил другой.

Я уже был у самого края. Медленно нагнувшись, я подобрал мелкий камешек из-под ног и швырнул его в сторону, отвлекая внимание, и тут же стремительно вскочил на парапет, шагнул на сетку безопасности, сделал несколько шагов к краю и прыгнул вниз.

Знакомое чувство холодного ожога, ломота в плечах и ветер под крыльями. Я лечу, стремительно лечу прочь от этого дурацкого нагромождения металла, пластика и камня, а в голове безумным калейдоскопом проносится вся моя жизнь. Наконец я помню, кто я такой. Домой, срочно домой. Шандр, наверно, опять хватается за голову, сыпя виртуозные проклятия на голову своего бестолкового Верховного.

Конец второй части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net